

ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ

**«Око всей
великой
РОССИИ»**

Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков

**Москва
Международные отношения
1989**

ББК 63.3(2)45 0-51

Ответственный редактор — *д-р ист. наук, проф.* Е. В. ЧИСТЯКОВА
Составитель — *канд. ист. наук* Н. М. РОГОЖИН

Коллектив авторов
А. П. Богданов (*канд. ист. наук*), **И. В. Галактионов** (*канд. ист. наук*),
М. П. Лукичев (*канд. ист. наук*), **Н. М. Рогожин** (*канд. ист. наук*),
Е. В. Чистякова (*д-р ист. наук*)

Для иллюстраций использованы материалы Центрального государственного архива древних актов

«Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков / Под ред. Е. В. Чистяковой, сост. Н. М. Рогожин. — М.: Междунар. отношения, 1989. — 240 с. — (Из истории дипломатии).

ISBN 5-7133-0059-5

Рассказывается о месте России в международных отношениях XVI—XVII веков, о формировании Посольского приказа и его подразделений, его работе и составе служащих. Отмечается роль Посольского приказа в развитии культуры России. Читатель познакомится с деятельностью выдающихся русских дипломатов того времени: И. М. Висковатого, братьев Щелкаловых, Алмаза Иванова, А. Л. Ордина-Нащокина, А. С. Матвеева, В. В. Голицына.

Для широкого круга читателей.

О 0503020200-038 53-89
003(01)-89

© «Международные отношения», 1989

OCR – Aspar, 2012.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

(Е. В. Чистякова)

1

«ОКО ВСЕЙ ВЕЛИКОЙ РОССИИ»

(Я. М. Рогожин)

2

ДЕЛА ПОСОЛЬСКИЕ

(Я. М. Рогожин)

3

«ПОСОЛЬСКИХ ДЕЛ СБЕРЕГАТЕЛИ»

Иван Михайлович Висковатый

(Н. М. Рогожин)

Братья Щелкаловы (Я. М. Рогожин)

Алмаз Иванов (М. П. Лукичев)

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (Е. В. Чистякова, И. В. Галактионов)

Артамон Сергеевич Матвеев (Я. М. Рогожин)

Василий Васильевич Голицын (А. П. Богданов)

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

XVI—XVII века — переломный этап в истории народов Старого Света. В странах Западной Европы началось разложение феодального строя и формирование в его недрах капиталистических отношений. В эти века значительно изменилась политическая карта Европы, усложнилась социальная структура общества, обострилась классовая и идеологическая борьба в нем. Прелюдией к ранним буржуазным революциям стали Реформация и Великая крестьянская война в Германии. За ними последовали нидерландская и английская революции, нанесшие удар по феодальным устоям в Европе.

На равнинах восточной части материка шло образование Русского централизованного государства, феодального по социальной основе, сословно-представительного по политическому устройству, в котором великорусское племя объединилось как политическая народность. В состав Московского княжества вошли к середине XVI века владимирско-суздальские, новгородские, псковские, муромо-рязанские, смоленские и верхнеокские земли.

На западе Европы сложились национальные государства англичан, французов, испанцев и голландцев. Каждое из этих государств стремилось утвердиться на Европейском континенте и завоевать мировые торговые пути. Англия, например, в XVI веке и позже вела упорную борьбу с Испанией и Голландией за морское господство. А Франция стремилась расширить свои владения на юге и востоке, вступив в длительную, тянувшуюся почти два столетия борьбу с Габсбургами. Соперники создавали коалиции и вовлекали в военно-политическую борьбу другие страны Европы и Азии.

Центр Европейского континента от Северного и Балтийского морей до берегов Средиземного моря занимала «Священная Римская империя германской нации». Имперская корона находилась в руках австрийских Габсбургов, им подчинялись Чехия, часть Венгрии, большая часть немецких княжеств и ряд итальянских городов. Опираясь на союз с Испанией и папой римским и собрав под свои знамена все силы Европы, Габсбурги проводили великодержавную политику и препятствовали образованию национальных государств.

На севере Европы в ряд могущественных стран в XVI веке выдвинулась Швеция. К середине XVII века, победив своего основного конкурента — Данию и потеснив Речь

Посполитую и Россию, Швеция заняла главенствующее положение на Балтике. Ее великодержавные амбиции установить господство над Балтикой встречали сочувствие французского двора и ожесточенное сопротивление Голландии, Дании, Речи Посполитой и России.

На Балканском полуострове, по берегам Черного и Азовского морей, на Северном Кавказе и по части Закавказья прошла граница Османской империи — крупнейшего государства средневекового Востока. Агрессивная по своей сути внешняя политика Оттоманской Порты в XVI—XVII веках дестабилизировала огромный регион Юго-Восточной и Центральной Европы и оказала серьезное влияние на международное положение Империи, Польши и России.

К востоку от Карпат и Одры до Днепра и Северного Донца, от Балтийского моря на севере до Запорожья на юге раскинули свои владения Королевство Польское и Великое княжество Литовское, объединившиеся с 1569 года, согласно Люблинской унии, в Речь Посполитую. Сложилось многонациональное государство, в состав которого вошли Украина, Белоруссия и часть России. В XVI—XVII веках Речь Посполитая — одно из крупнейших государств Центральной и Восточной Европы.

Восточным соседом Речи Посполитой было Российское государство, которое во второй половине XVI века и особенно в XVII веке значительно укрепило свои южные, юго-восточные и восточные границы: после длительной осады войсками Ивана IV в 1552 году пала Казань, а через четыре года была присоединена Астрахань. Россия стала полновластной хозяйкой волжского водного пути, построив в XVI веке города Самару, Саратов, Царицын и др. В 1557 году в состав России вошли башкирские земли, успешный поход Ермака (1581 г.) привел к падению Сибирского ханства. Отряды казаков, прошедшие по Сибири в XVII веке, закрепили присоединенную территорию постройкой городов Тюмени, Тобольска, Туринска, Братска, Сургуты, Березова и др. Россия стала не только европейской, но и азиатской страной.

Когда распалась Ногайская Орда, врагом России остался крымский хан — вассал турецкого султана. Возомнив себя наследником золотоордынской власти, он вступал в антирусские блоки и совершал со своими ордами опустошительные набеги на южные уезды России. Для борьбы с этим злом русское правительство строило оборонительные «засечные» линии и поддерживало заслон в виде поселений донских и запорожских казаков.

Перед внешней политикой России XVI—XVII веков стояли три первоочередные задачи, решение которых было целью всех дипломатических акций того времени. Надо было, во-первых, сломать барьер на пути к Балтийскому морю, воздвигнутый Ливонским орденом и Швецией; во-вторых, остановить польскую феодальную агрессию на восток, отвоевать русские земли, захваченные польско-литовскими феодалами, воссоединиться с Украиной и Белоруссией; в-третьих, пресечь агрессию турок и татар, ликвидировав осколки Золотой Орды.

Решение каждой из этих задач требовало огромного напряжения сил страны и искусной дипломатии, так как все они были тесно переплетены между собой и задевали интересы не только ближайших соседей России, но и большинства стран Западной Европы. К тому же развернувшееся со второй половины XVI века соперничество на Европейском континенте между Францией и Империей Габсбургов оказывало серьезное влияние на ситуацию в Восточной Европе и осложняло для России проблему потенциальных союзников.

В годы Ливонской войны (1558—1583 гг.) Россия не смогла пробиться к берегам Балтийского моря, овладеть Западной Двиной, был даже утерян ряд старинных русских городов по Финскому заливу и Ладожскому озеру. После новой войны со шведами (1590—1595 гг.) потери русских были возвращены, и по Тявзинскому миру (1595 г.) Россия удержалась на берегах Финского залива.

Но последующие бурные события Смутного времени в начале XVII века привели Россию к сильному разорению, снизили ее международный престиж. Московское государство было отброшено с западных позиций, занятых в XVI веке: шведы потеснили его с берегов Балтийского моря, поляки, захватив Смоленскую и Северскую земли, отрезав Россию от Днепра, стали у ворот Москвы и даже на некоторое время захватили ее. Царская казна была пуста, город разорен. Московские бояре в 1612 году писали в окружной грамоте по городам: «Со всех сторон Московское государство неприятели рвут; у всех окрестных государей мы в позоре и в укоризну стали»¹.

Новая династия Романовых должна была направить огромные народные силы, чтобы возратить потерянное до нее, — «это был ее национальный долг и условие ее прочности на престоле»². Поэтому войны, которые ведут первые Романовы, преследуют цель — отстоять то, что принадлежало России, и вернуть то, что было ею утеряно. Возобновив внешнеполитическую активность, Россия должна была решать задачи, завещанные XVI веком, в новых условиях: в Европе бушевала Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), разбросавшая страны в два противоборствующих лагеря: габсбургский во главе с императором и антигабсбургский во главе с французским королем. Каждое из государств, втянутых в этот общеевропейский конфликт, стремилось заключить союз или завязать дружественные отношения с Русским государством, чтобы обеспечить себе тыл с востока и получить выгодный рынок. Поэтому круг внешних сношений России, которую вовлекают в различные политические и экономические союзы, складывающиеся в Европе, значительно расширяется в период правления первых Романовых, русская дипломатия выходит на международную арену в новом качестве, международный престиж России поднимается на новую высоту, несмотря на то что государство сильно ослабло в период Смуты. Приезд иностранных посольств становится обычным явлением в Москве, как и пребывание московских послов в различных европейских столицах.

Меняется и внутреннее положение в Русском государстве: начинает развиваться сельское и промышленное производство, завязываются торговые связи, исчезают пережитки феодальной раздробленности. Монархия с Боярской думой и боярской аристократией перерастает в абсолютную, совершенствуется аппарат власти, и реорганизуется армия — создаются полки нового строя.

Из трех основных внешнеполитических задач XVII века главной оставалась борьба с Речью Посполитой вплоть до 1667 года (Андрусовского перемирия). На это были свои причины: во-первых, Речь Посполитая, захватив Смоленск в годы интервенции и навязав России Поляновский мирный договор (1634 г.), продвинула свои границы на восток, постоянно угрожала Москве и покушалась на национальное существование Русского государства; во-вторых, начало формирования русской (великорусской) нации ускорило рост национального самосознания русского народа, укрепились связи с единокровными народами Украины и Белоруссии, боровшимися против панско-католического гнета.

В середине XVII века, когда на Украине развернулась национально-освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого, русское правительство после длительных обсуждений решило поддержать гетмана, что неминуемо должно было привести к войне с Речью Посполитой.

Чтобы собрать силы для этой войны, России надо было обезопасить себя от возможных столкновений с другими ее соседями. Русское правительство пошло на компромисс в отношениях со Швецией, заключив с ней Стокгольмский договор (1649 г.), по которому выплатило 200 тыс. рублей за перебежчиков; оно настойчиво искало пути сохранения мира в отношениях с татарами, одновременно укрепляя южные границы.

Переяславская рада 8 января 1654 г. провозгласила воссоединение Украины с Россией. Летом того же года на русско-польском фронте развернулись боевые действия. За два первых года войны были освобождены Смоленская и Северская земли, большая часть Белоруссии и Литвы. Отряды Б. Хмельницкого доходили до Львова и Люблина.

Затем военные действия приостановились: в 1656 году в войну вмешалась Швеция, которая хотела добить Речь Посполитую с севера и не допустить прорыва России к берегам Балтийского моря. Россия заключила перемирие с Речью Посполитой и в 1656 году начала войну со Швецией, чем спасла Речь Посполитую от разгрома.

В 1658 году начался второй этап борьбы с Речью Посполитой, окончившийся тяжелейшими неудачами для русских. Речь Посполитая в 1660 году заключила со Швецией Оливский мир и бросила все силы против России; Литва и Белоруссия были утеряны.

К концу 13-летней русско-польской войны после провала похода короля Яна Казимира на Украину обе стороны были совершенно истощены. Начались переговоры, завершившиеся заключением в 1667 году Андрусовского перемирия сроком на 13,5 лет. К России отошли Смоленск с областью, Северская земля с Черниговом, Киев — сначала на два года, а фактически навсегда. Это был крупный успех русской дипломатии: перевес сил оказался явно на стороне России, и это привело в 1686 году после долгих дипломатических дебатов к заключению с Речью Посполитой «Вечного мира», утвердившего присоединение Левобережной Украины с Киевом к России.

Россия вступила в тесные союзнические отношения с Речью Посполитой. Создав союз вместе с Империей и Венецией, эти страны обязались совместно бороться против агрессии Османской Порты и Крымского ханства. Андрусовский договор провозгласил, а «Вечный мир» закрепил русско-польское сближение и указал дальнейшее направление внешней политики России — поиски путей для совместной борьбы с общими врагами славянских народов.

Сложными и неоднозначными в XVII веке были русско-шведские отношения, камнем преткновения которых на протяжении длительного времени было владение берегами Балтийского моря. После просьбы царя Василия Шуйского (1552—1612 гг.) о помощи у Швеции в борьбе против Лжедмитрия II со Швецией был заключен договор, в результате которого шведы направили в Россию под видом помощи отряд под предводительством генерала Делагарди. Целью «помощи» был захват северо-западных русских земель, тем самым Россия была отброшена от берегов Балтийского моря. Шведская интервенция закончилась заключением Столбовского мирного договора (1617 г.), по которому первый царь династии Романовых Михаил вынужден был уступить то, что было отвоевано в свое время при царе Федоре.

Россия была ограблена этим договором: шведы, создав искусственный барьер, препятствовали торговле и общению России с европейскими странами и захватили все выгоды транзитного торгового пути.

В то время как в Европе шла Тридцатилетняя война, Россия, стремясь отвоевать Смоленск у Речи Посполитой, пошла на сближение со Швецией, только что закончившей очередную войну с Речью Посполитой. Но после гибели Густава Адольфа (1632 г.) правительство Швеции не оказало помощи России, что сказалось на итогах Смоленской войны и вновь привело к обострению русско-шведских отношений, которые еще больше ухудшились в конце 40-х годов XVII в., когда Швеция после завершения Тридцатилетней войны Вестфальским миром (1648 г.) потребовала от России возвратить беглых карельских и ижорских крестьян, перешедших после Столбовского мира на территорию России. В первые годы русско-польской войны, решая свою стратегическую задачу — обеспечить гегемонию на севере Европы и превратить Балтийское море в свое внутреннее, Швеция внезапно напала на Польшу и захватила Варшаву и Краков. Одновременно она «переняла путь» русской армии к Балтийскому побережью.

Зимой 1655/56 года правительство царя Алексея и его дипломаты решали дилемму: либо продолжать войну с Речью Посполитой и обречь ее на разгром, либо наступать против шведов и попытаться дипломатическим путем закрепить военные успехи на польском фронте. Победило второе мнение, и летом 1656 года началась русско-шведская (Первая Северная) война.

Война длилась недолго. Она не была обеспечена дипломатически: боевые действия России не были поддержаны ни поляками, ни датчанами, и шведам удалось морем перебросить подкрепление в Ригу. Война не была обеспечена и материально: в русской армии не было достаточно кораблей, чтобы блокировать Ригу с моря, артиллерии крупного калибра, чтобы разрушить крепость, не хватало продовольствия. Из-за голода среди солдат начались волнения. Осенью того же года царь приказал снять осаду Риги.

В связи с осложнением положения на Украине и возобновлением в 1658 году войны с Речью Посполитой Россия пошла сперва на заключение трехлетнего перемирия со Швецией, достигнутого в Валиесари (1658 г.), а затем уступила шведам все приобретенное в ходе войны, приняв по Кардисскому договору (1661 г.) условия Столбовского мира.

Решение балтийского вопроса вновь было отложено почти на столетия, хотя оно было необходимо для экономических, политических и духовных интересов страны, живого общения России с передовыми странами Западной Европы, вступившими на путь капиталистического развития.

Третье направление внешней политики России — южное, связанное с борьбой против турецко-татарской агрессии, в XVI—XVII веках развивалось драматически и, постепенно набирая силы, в последней четверти XVII века стало ведущим. Дело в том, что во второй половине XVI века при Сулеймане Великолепном (1495—1566 гг.) Турция достигла наивысшего могущества и расширила свои владения на Балканах, угрожая странам Центральной и Южной Европы. А на востоке Европейского континента вместе со своим вассалом — крымским ханом турецкий султан вступил в ожесточенную борьбу с крепнущим Русским централизованным государством и с народами Украины, входившими в состав Речи Посполитой.

В XVII веке Крымское ханство продолжало оставаться паразитическим государством с низким уровнем производительных сил. Ультимативные требования выплаты дани и хищнические набеги на русские и украинские земли крымский хан мотивировал тем, что он является наследником Золотой Орды.

Ко второй половине XVII века границы России продвинулись далеко на юг, а на путях вторжения татар (ногайский, муравский и кальмиусский шляхи) выросли десятки новых городов-крепостей, соединенных между собой от Белгорода до Тамбова системой укреплений, получивших название Белгородской засечной черты. В дополнение к ней чуть позже были построены Симбирская и Изюмская черты, еще больше затруднявшие прорыв татарской конницы во внутренние уезды России. Изменилась и международная обстановка. Все реже во второй половине XVII века стала срабатывать изуверская дипломатическая тактика Османской империи и Крымского ханства в отношении своих северных соседей — России и Речи Посполитой — «разделяй и властвуй». Если раньше магнаты Речи Посполитой охраняли лишь свои замки, иногда подкупали и натравливали татар на казаков и Россию, расплачиваясь за эту «помощь» имуществом и кровью украинского народа, то после войны со Швецией и Россией, когда отряды татар разорили и опустошили немало исконно польских земель, а султан стал угрожать национальному существованию страны, появился взаимный интерес к сближению России и Речи Посполитой для совместных действий на юге против агрессии Османской империи. Условия для сближения окончательно сложились после успехов русской армии и казаков под Чигирином в 1677—1678 годах. Именно там были похоронены турецкие планы захвата Украины и прорыва в центр Европы с востока. В этой войне со всей отчетливостью проявилась сила наступательных действий русско-украинской армии против турецких янычар и татарской конницы, были осознаны потенциальные возможности совместных действий русской и украинской армий.

Эту линию перехода от обороны к стратегическому наступлению против Турции и Крыма, лишь наметившуюся в Чигиринской войне, русское правительство и его дипломатия проводили и позже.

Вступив в антитурецкую Священную лигу, куда входили Империя, Венеция, и заключив с Речью Посполитой в 1686 году «Вечный мир», Россия продолжила политику наступления против Османской империи. Крымские походы В. В. Голицына (1687—1689 гг.) — яркий пример наступательной стратегии России. И хотя его походы не принесли желаемых результатов, все же они содействовали ослаблению Турции и показали возможность прорыва России к берегам Черного моря и освобождения Причерноморья от господства Оттоманской Порты и ее вассала — крымского хана.

Такую же линию во внешней политике Посольский приказ рекомендовал правительству Нарышкиных после падения Софьи и В. В. Голицына. В конце XVII века успешно завершились Азовские походы Петра I (1695—1696 гг.). Стратегическая задача России на юге была выполнена.

Чтобы закончить характеристику международного положения и основных проблем внешней политики России этого времени, следует особо сказать о ее связях со странами Востока, в поисках, расширении и укреплении которых в XVII веке деятельное участие принимал Посольский приказ.

На рубеже XVI—XVII веков Северный Кавказ и Закавказье были раздроблены на множество мелких княжеств, непрерывно воевавших друг с другом. В их борьбу вмешивались, с одной стороны, Оттоманская Порта, а с другой — не менее агрессивная шахская Персия.

Русское централизованное государство, границы которого вплотную подошли к Каспийскому морю и горам Кавказа, стало для народов Северного Кавказа и Закавказья единственным покровителем и защитником от иноземного владычества. Приняли подданство России калмыки, кабардинцы и кумыки, некоторые владетели Дагестана, тарковские и кайтагские князья, получив жалованные грамоты царя на свои шемхальства. Однако реальная помощь России была невелика: жизненные интересы ее решались на берегах Балтийского, а не Каспийского моря, на полях Смоленщины и Украины, а не в горах Кавказа.

Когда в начале XVII века усилилась агрессия шахской Персии против народов Северного Кавказа, особенно Дагестана, русское правительство заявило решительный протест и потребовало от шаха не нападать на русских подданных в Кабардинской и Кумыцкой землях. И хотя к концу этого века почти весь Дагестан был завоеван персами, торгово-экономические и политические связи России с народами Северного Кавказа и Закавказья продолжали расширяться через Терской городок и Астрахань. Эти связи помешали шаху укрепиться на Северном Кавказе и способствовали развитию отношений между кавказскими и русскими народами. Особенно активными были военно-политические отношения с кабардинцами и калмыками, отряды которых участвовали с середины XVII века в боях против крымских татар, в походе русской армии на Чигирин.

В течение XVII века продолжали расширяться связи России с Грузией и Арменией. Закавказские правители искали у России покровительства в борьбе с персидско-турецкой агрессией. В 1639 году кахетинский царь Теймураз присягнул на верность русскому царю, а в 1651 году его примеру последовал имеретинский царь Александр. Правивший до него царь Арчил переехал со своей свитой в Россию. Он основал грузинскую колонию в Москве и создал в селе Всехсвятском первую грузинскую типографию. В 1667 году был заключен договор с «Армянской торговой компанией», показавший большие потенциальные возможности экономического общения между Россией и Закавказьем.

Со среднеазиатскими феодальными владениями у России складывались в это время мирные отношения, основанные на торгово-экономических интересах. Оживленная торговля с ними поддерживалась тремя путями: караванным — от Яика к Аральскому морю, хивинской дорогой — через Каспийское море и туркменские степи и, наконец, северным путем — через Казахстан в Тобольск и Поволжье. Русская торговля с Бухарой и Хивой велась не только с частными лицами, но и с правителями этих государств через доверенных лиц. Из Бухары, например, в Россию поступали ткани, каракуль, ковры и

шелк-сырец. Россия же вывозила в Бухару металлические изделия, скобяной товар, посуду и пушнину.

Более или менее регулярными были и дипломатические контакты. Переговоры с послами Хивы и Бухары касались главным образом торговли, чтобы между сторонами «был путь чист и не заперт», а «послы и купецкие люди на обе стороны ехали бы без урывку».

Одновременно с установлением регулярных торговых связей со странами Средней Азии возобновились попытки русских купцов добраться в Индию, а индийских — в Россию.

Продвижение русских землепроходцев в Сибирь и на Дальний Восток, постепенное освоение новых территорий значительно приблизили Россию к Монголии и Китаю. С 1616 по 1678 год к алтынханам Монголии было отправлено 11 посольств. Это положило начало длительным дружественным связям России с Монголией. Одновременно русские делают попытку достичь Китая — огромной страны с древней высокой культурой. Однако этому препятствовало агрессивное направление политики маньчжурской династии Цин³. С большим трудом в течение XVII века устанавливались связи русских торговых людей с Китаем через Селенгинский острог, а с 1658 года — через Нерчинск. Китайские купцы посещали Тобольск и другие города Сибири, привозя на ярмарки шелк, фарфор, чай и драгоценности.

Помимо торговых связей в XVII веке с Китаем установились и дипломатические контакты: с 1616 по 1675 год Китай посетило не менее четырех послов.

После пограничного столкновения из-за Албазинского острога в 1689 году между Россией и Китаем был заключен договор, согласно которому между государствами устанавливались мирные отношения, а торговля расширялась на условиях равенства прав.

1

«Око всей великой России»

Памятники древнерусской письменности не дают сведений о существовании особого учреждения, ведавшего внешними сношениями. В Киевской Руси вопросы внешней политики и внутреннего управления решал князь при участии дружины; функции государственного аппарата осуществляли должностные лица центральной и дворцовой администрации: князь, посадники, тиуны, данники, мытники и т. д. Это и был прототип будущей Боярской думы.

С возвышением Московского княжества особое место в государственном управлении наряду с князем постепенно занимает Боярская дума, состоящая из представителей верхушки феодальной иерархии. С XV века при великом князе, а с 1547 года при царе она была постоянным совещательным органом. На ее заседаниях обсуждались наиболее важные вопросы как внутренней, так и внешней политики. Это отражено в массовой дипломатической документации, которая сохранилась со времени правления великого князя Ивана III Васильевича (1462—1505 гг.)¹. Летописи и посольские документы сообщают нам формулу решений Боярской думы: «приговор царя с бояры», «по государеву указу и боярскому приговору», «царь приговорил с бояры», «государь указал и бояре приговорили». Выбор формулы документа — от имени царя или Боярской думы — определял значимость того или иного постановления. В этих формулировках выражалась тогдашняя законодательная деятельность, не знавшая общих законоположений: отдельный казус, возникший на практике и однажды решенный, получал значение прецедента для однородных случаев, приговор становился законом. Характерно замечание Ивана IV Грозного английскому послу: «...У нас издавна того не ведетца, что нам, великим государем, самим с послы говорить»².

В ведении Боярской думы находились прием иностранных дипломатов, ведение переговоров, составление документации по вопросам внутренней политики и посольских

дел. Так, в июне 1524 года великий князь Василий III Иванович (1505—1533 гг.) решает вопрос об отпуске турецкого посла и отправлении ответного посольства: «Говорил с бояры, что ему Скиндеря к султану отпустить, а с ним своего доброго человека послати непригоже того дея, что салтан большого посла не прислал и с Скиндером приказу нет — каким межи их крепостям (постановлениям. — *Авт.*) быти»³.

В начале XVI века в России складывается дипломатический этикет. Так, в 1514 году великий князь «велел боярам всем быти на дворе, да о том говорити: пригоже ли послати кого на встречу против турецкого посла Камала князя, занеже он истомен, кони поуспали и сами голодны?» Бояре приговаривали, что «пригоже против турецкого посла послати людей, а и корму ему подослати»⁴. Боярская дума обсуждала не только, как встретить, но и где принять посла. Например, в мае 1522 года было принято решение: «Турецкому послу Скиндерю быти в Коломне непригоже, а пригоже к нему послати сказать, что великий князь на своем деле, ино ему у него быти нельзя, и он бы был на Москве»⁵.

В ходе усиления централизованной власти Боярская дума, включавшая представителей княжеско-боярской аристократии и являвшаяся хранительницей старых традиций и оплотом политических притязаний служилой аристократии, подчас мешала проводить самодержавную политику. Уже в правление великого князя Василия III возник частный совет государя, своего рода кабинет, состоявший из наиболее близких и доверенных лиц царя, — так называемая Ближняя дума. Наиболее сложные вопросы внутренней и внешней политики предварительно обсуждались членами Ближней думы, а затем уже подготовленное решение выносилось на утверждение Боярской думы. Состав и численность Ближней думы полностью зависели от воли царя. Дипломатические документы называют ее членов «ближние думцы», упоминаются они чаще всего как личные представители царя во время переговоров с иноземными дипломатами «о государских тайных делах»⁶. Будучи за границей, российские послы объясняли, что «великие дела у великого государя нашего ведают большие думные люди Ближние думы»⁷. Обычай этот сохранялся и в XVII веке. Известный дипломат А. Л. Ордин-Нащокин писал царю Алексею Михайловичу: «В Московском государстве искони, как и во всех государствах, посольские дела ведают люди тайной Ближней думы»⁸. Французский капитан Жак Маржерет, завербовавшийся на службу в Россию в 1600 году, в своих записках начала XVII века описал состав Боярской думы следующим образом: «Определенного числа членов Думы не существует, так как от императора зависит назначить, сколько ему будет угодно. При мне оно доходило до тридцати двух членов. Тайный Совет для дел особой важности состоит обычно из самых близких родственников императора... Сверх того в Думе держат двух думных дьяков... Один из них тот, в ведомство к которому направляют всех послов и дела внешней торговли. Другой тот, в ведомстве которого все дела военных...»⁹.

В середине XVI века в дворцовых хорах Московского Кремля существовала палата для заседаний Боярской думы. В XVII веке, в период правления царя Алексея Михайловича (1645—1676 гг.), это была Передняя палата. Имеются также документальные свидетельства о заседаниях бояр в Золотой и Столовой палатах. Если царь выезжал из Москвы, бояре следовали за ним и заседания Боярской думы могли происходить в Измайлове, Коломенском, Троице-Сергиевом монастыре и т. д. По свидетельству английского путешественника и дипломата XVI века Джильса Флетчера, заседания Думы происходили по понедельникам, средам и пятницам, при этом ее членам рассылались особые приглашения.

До образования специального ведомства самое непосредственное отношение к вопросам дипломатии имели Боярская и Ближняя думы.

Заседания Боярской думы происходили следующим образом. Летом бояре вставали с восходом солнца и ехали во дворец, где находились от первого до седьмого часа дня. (В то время дневные и ночные часы считались от восхода до заката солнца.) После заседания

государь и бояре шли в церковь к обедне, длившейся часа два, затем возвращались домой на обед. Заседания Думы возобновлялись вечером с первым ударом колокола к вечерней церковной службе и продолжались часа два-три¹⁰.

Из состава Боярской думы назначалась особая ответная комиссия, состоявшая из бояр, казначеев и дьяков. На эту комиссию возлагалось ведение переговоров с иностранными посланцами. Комиссия официально именовалась «советниками», «большими людьми», «которые у великого князя в избе живут», и была связующим звеном между Боярской думой во главе с великим князем и иностранными дипломатами.

В труде С. А. Белокурова «О Посольском приказе» имеется список комиссий Боярской думы, назначавшихся на встречу с различными посланцами с 1497 по 1561 год. В списке среди бояр мы чаще всего видим в эти годы Я. З. Захарьина, князя А. В. Ростовского, князя Ф. В. Телепнева-Оболенского, И. А. Челяднина, князя В. В. Шуйского, Г. Ф. Челяднина-Давыдова, князя Д. В. Ростовского, князя И. В. Шуйского, В. Г. Морозова, В. М. Юрьева, И. В. Шереметева, М. Я. Морозова, И. М. Воронцова, М. И. Волынского, Ф. И. Сукина, М. Ю. Захарьина и др.¹¹

Прибывший на аудиенцию с государем посол предъявлял верительную грамоту и затем удалялся в одну из палат кремлевского великокняжеского дворца. При великом князе Василии III Ивановиче послов принимали в Набережной палате (1522 г.), в Средней избе (1527 г.), Брусной выходной избе (1539 г.). С середины XVI столетия почти все приемы совершались в Столовой брусной избе, а в конце века — в Средней Золотой подписной (1586 г.) и Грановитой (1591 г.) палатах. Через некоторое время к послу являлась назначенная для переговоров ответная комиссия, чтобы выслушать и передать царю речи дипломата. Предварительно комиссия получала наказ о ведении, переговоров, то есть «большие люди против речей великого князя с бояры ответ чинили». Комиссии обычно состояли из одного-двух, а в особенно важных случаях — из трех членов Боярской думы, их помощниками были дьяки (два-три человека). Если ранг иностранного дипломата был недостаточно высок или же дипломатический вопрос не имел большого значения, с ответом могли послать одного дьяка, без бояр.

С ростом государства правительственные задачи стали заметно расширяться, требовались новые учреждения и новые люди для работы в них. В новых учреждениях — приказах — наряду с потомками боярских родов как московских, так и удельных появляются дьяки, зачинатели отечественной бюрократии. В феодальной России было естественным отождествлять грамотного человека с лицом духовного звания. Так, сан помощника священника — дьякона — приобретает дополнительное значение: дьяк — секретарь, письмоводитель, правитель канцелярии. Название «дьяк» упоминается впервые в грамотах XIV века (до этого памятники говорят лишь о «княжих писцах»). Первоначально это часто несвободные люди, холопы, но непременно грамотные, опытные и ловкие дельцы, превращавшиеся в доверенных лиц князя. Дьячество, чуждое местническим счетам бояр, худородное, но образованное, обладавшее необходимыми для службы знаниями, было в руках московских государей удобным, послушным и в то же время могущественным орудием в борьбе с боярством. С XVI века значение дьячества поднимается особенно высоко.

Во второй половине XVI века происходит разделение дьяков на думных и приказных, то есть участвовавших в заседаниях Боярской думы и ведавших делами того или иного учреждения. Сословное положение представителей каждой группы закреплялось системой употребления имен в официальных документах. Имена и фамилии думных дьяков писались по полной форме, с отчествами и «вичем» на конце (например, Емельян Игнатьевич Украинцев), приказные дьяки писались без «вича» (Иван Петров сын Данилов), а подьячие — всего лишь полуименем в уничижительной форме (Ивашка, Васька).

Постепенно собственно канцелярские обязанности переходят от дьяков к подьячим. Термин «подьячий» также восходит к XIV веку. Подьячий — постоянный служащий государственного учреждения, помощник дьяка.

На заседаниях Боярской думы после образования приказной системы дела того или иного ведомства докладывались в определенные дни думными дьяками тех государственных учреждений (приказов), чьи материалы были приняты к рассмотрению. Обычно на заседаниях присутствовали дьяки центральных приказов — Посольского, Разрядного* (* Разряд — войсковая роспись ратных людей с обозначением должностей и поместных окладов (земельных пожалований).) и Поместного** (** Этот приказ ведал наделением служилых людей поместным окладом.), то есть главы дипломатического, военного ведомств, а также дьяк, ведавший вопросами феодального землевладения.

Иногда решение отдельных кардинальных вопросов внешней политики выносилось на заседания Земского собора, например продолжение Ливонской войны (1566 г.), приглашение иностранного кандидата на российский престол (1613 г.), присоединение украинских земель (1653 г.).

Кроме Боярской думы и Ближней думы в XVI веке существовали другие учреждения, которые в своей деятельности соприкасались с посольскими делами, — это Казна (Казенный двор) и Дворец.

В XV—XVI веках слово «казна» имело несколько значений: так называли ценную утварь, платье, меха, сосуды, драгоценные камни и т.д., в том числе рукописные книги и дипломатические документы, место их хранения. Так же называлось и одно из первых государственных учреждений, служащие которого — казначеи (дьяки и подьячие) — ведали финансовым обеспечением (государевыми доходами, пошлинами, оброками) и хранением ценностей, а также ямскими, поместными и посольскими делами. В посольских книгах XVI века часто встречаются указания: «грамоту перемирную королево слово и другую грамоту с пословными печатями ... положить в казну»; «грамоты докончальные и перемирные в нашей казне тому есть», «а которая грамота королево слово писана будет по старине и та грамота будет у тебя государя в казне...»¹².

По мнению Белокурова, и само наименование «Казенный двор» означает государственный, то есть «двор», где проходила казенная, государственная служба.

Казенный двор находился между Архангельским и Благовещенским соборами Московского Кремля. Здесь бояре и казначеи в отсутствие великого князя принимали иноземных послов, которые предъявляли привезенные грамоты и вели предварительные переговоры. Иными словами, в XV — начале XVI столетия до образования Посольского приказа Казенный двор был одним из первых учреждений по внешним сношениям России и одновременно хранилищем дипломатических документов. В ведении казначеев находились и материалы, связанные с учетом отправляемых за рубеж «поминков» (подарков). В посольских книгах довольно часто встречаются записки такого типа: «И что были их поминки, и то писано в казне у казначеев»¹³. Казначеи принимали участие в тех ответных комиссиях, которые вели переговоры преимущественно с послами из восточных стран. Это было связано с финансовыми соображениями, так как посольства с Востока чаще всего приезжали с торговыми целями.

Имели отношение к дипломатической службе и дворецкие. Большой Дворец великого князя снабжал прибывавших в Москву послов и гонцов продовольствием («кормом»), дворцовые дьяки принимали участие в церемониях по приему и отпуску послов, они же занимались размещением и устройством иностранных дипломатов на подворьях. В отличие от казначеев, дворцовые дьяки чаще были участниками переговоров с послами европейских государств и нередко сами выезжали за границу в качестве дипломатических представителей.

В XV — первой половине XVI века самое непосредственное участие в дипломатических сношениях принимали дьяки вообще. Они были постоянными членами ответных комиссий, принимали грамоты от иноземных послов, входили в состав

посольств, при их участии писались указы российским послам, отправляемым за границу, они же ведали дипломатической документацией. Из обширного круга разнообразных дел некоторым особенно доверенным дьякам поручались прежде всего дипломатические дела. С 80-х годов XV в. постоянно существовали особые (посольские) дьяки, ведавшие внешнеполитическими делами Российского государства. В труде профессора Харьковского университета В. И. Саввы рассмотрены все сохранившиеся записи о приемах и отпусках посольств, начиная с 1489 года¹⁴. Используя многочисленные данные летописей, приходно-расходных, разрядных, посольских книг, исследователь воссоздал живую картину всех событий, связанных с деятельностью посольских служащих — от бояр до подьячих. Он проследил, что входило в круг обязанностей тех, кто стоял у посольского дела. Согласно данным В. И. Саввы, посольские дьяки уже с 80-х годов XV в. присутствовали на приемах послов различных государств, выдавали грамоты, выступали с речами от имени великого князя, записывали ход переговоров и представляли соответствующие документы великому князю. С начала 80-х годов XV в. в источниках упоминаются также помощники посольских дьяков (вторые дьяки) и подьячие у посольского дела. Так, при Иване III к посольским делам были приставлены 28 подьячих¹⁵.

В конце XV — начале XVI века внешнеполитическими делами ведали такие крупные представители дьяческого сословия, как В. Ф. Курицын, Б. Паюсов, Г. Н. Меньшой-Путятин, М. М. Третьяк-Раков, Б. Митрофанов, А. Одинец и др.

Отчасти с дипломатической службой были связаны так называемые печатники. С древних времен подлинность грамоты удостоверялась печатью, которая привешивалась к ней. До наших дней сохранились договорная грамота Новгорода Великого с великим князем владимирским и тверским Ярославом Ярославичем (1264 г.) со следами печати у нижнего края, духовная грамота великого князя владимирского и московского Ивана I Даниловича Калиты (около 1339 г.) с серебряной, позолоченной, на красном шелковом шнуре печатью, грамоты великого князя Семену Ивановича Гордого (50-е годы XIV в.) с желтовосковыми, и серебряными печатями и многие другие государственные и частные акты. Они сейчас составляют коллекцию «Государственное древнехранилище хартий и рукописей». В процессе создания Российского централизованного государства появляются общегосударственные эмблемы, символизирующие территориальную целостность бывших княжеств, объединенных под властью московского князя, а также могущество и суверенитет нового государства¹⁶. На государственной печати Ивана III помещались эмблемы (всадник, поражающий копьем дракона, и двуглавый орел с распростертыми крыльями), из которых сложился русский государственный герб. Иногда на печатях, скреплявших некоторые международные акты, изображались территориальные эмблемы покоренных земель. Например, двуглавый орел попирает лапами эмблемы, символизирующие присоединенные прибалтийские земли. Эта печать была сделана по приказанию Ивана Грозного в 1564 году в ознаменование его успехов в Ливонской войне. Употребление подобной печати строго регламентировалось: ею запечатывались «грамоты перемирные с свейским королем... и грамоты в ыные государства». На государственной печати Ивана IV изображались эмблемы российских земель, областей, княжеств и царств вокруг двуглавого орла со всадником (на обратной стороне — единорог). Эти символы олицетворяли всеилие, главенство и единоедержавие, утверждали идею государственности. Двуглавый орел, распростерший крылья, обозначал царство, власть, а единорог, личная эмблема царя, — силу в одолении врага. Печать скрепляла документы, подтверждавшие полномочия русских послов, письма царя и т.д.¹⁷

Столь важное значение печати и обусловило существование доверенных лиц великого князя, которые в XV—XVI веках носили звание печатника, а в XVII веке — титул «Царственные большие печати сберегателя».

Перечень лиц, связанных в конце XV — начале XVI века с внешнеполитическими делами, был бы неполным без упоминания целого штата толмачей и переводчиков.

Образование Посольского приказа — специального учреждения, ведавшего внешними делами, — происходило одновременно с формированием других ведомств государственного аппарата Русского централизованного государства. С расширением круга задач членов Боярской думы, казначеев и дьяков появляются подьячие для письма, которые располагались в особом помещении — канцелярии («избе», «дворе»). Процесс образования канцелярий растянулся на несколько десятилетий (с конца XV до середины XVI в.). Каждая «изба», или «двор», вместе с возглавлявшим ее должностным лицом представляла собой прототип будущего самостоятельного государственного учреждения — приказа.

Приказная система государственного управления получила свое название от слова «приказ» в смысле разового поручения. Первые центральные государственные учреждения имели военное назначение. К ним относятся Разрядный и Поместный приказы, Оружейная палата. Ко второй половине XVI века сформировались и другие приказы: Стрелецкий, Пушкарский, Каменных дел, Бронный, Аптекарский и т. д. Более активная внешняя политика требовала создания единого органа по руководству посольским делом, привлечения к нему ограниченного круга лиц, специализировавшихся только на дипломатической службе.

Известный русский историк В. О. Ключевский отмечал: «Несмотря на многостороннее развитие дипломатических сношений московского двора, со времени Ивана III долго не заметно особого заведовавшего ими учреждения: их вел непосредственно сам государь с Думой»¹⁸. В самом деле, существовала тесная связь внешнеполитических дел с делопроизводством Боярской думы и домовая казна великого князя. Вместе с тем, согласно описи Царского архива, к началу XVI столетия скопилось так много дипломатических документов, что их необходимо было систематизировать. Для этого дела по сношениям с определенными государствами распределялись по годам и для них отводились особые пронумерованные ящики: «волошские», «немецкие», «крымские» и т. д. Это свидетельствует о становлении специального ведомства — будущего приказа, которому позднее и был передан весь Царский архив.

В отечественной историографии дооктябрьского периода вслед за С. А. Белокуровым общепринятой датой образования Посольского приказа считается 1549 год. Эта дата установлена им на основании записи в выписке из посольских дел, составленной в Посольском приказе в 1565—1566 годах и содержащей основные сведения о сношениях между Российским и Польско-Литовским государствами в 1462—1565 годах. В ней упоминается, что в 1549 году «приказано посольское дело Ивану Висковатому, а был еще в подьячих»¹⁹.

По мнению советского историка А. К. Леонтьева, эта выписка была составлена самим И. М. Висковатым²⁰. Уникальная запись с датой 1549 года, скорее всего, может быть объяснена не реформой посольского дела, а интересами самого Висковатого. Именно в это время, когда составлялась выписка, между царем и Висковатым возникли разногласия по вопросам внешней политики. Висковатый был вынужден противопоставить себя выдвигавшимся и враждебно к нему относившимся приказным деятелям братьям Щелкаловым. Будучи главой Посольского приказа, он имел непосредственное отношение к составлению выписки и воспользовался возможностью подчеркнуть свою роль в вопросах руководства внешней политикой. Есть, однако, основания предполагать, что Посольский приказ как государственное учреждение существовал и ранее. Об этом прежде всего говорят данные уже упоминавшегося справочника В. И. Саввы о развитии чиновной иерархии, ведавшей внешнеполитическими делами. Функции предшественников Висковатого, как мы видели, по сути ничем не отличались от тех, которые исполнял он сам в середине XVI века. С. А. Белокуров указывает на то, что Висковатый и до назначения главой Посольского приказа участвовал в дипломатических делах. Об этом свидетельствуют многочисленные данные посольских книг.

За период с последней четверти XV до середины XVI века сохранилось более 20 посольских книг по связям Российского государства с Империей, Грецией, Пруссией, Великим княжеством Литовским, Турцией, Крымом и Ногайской Ордой. Эти книги в настоящее время хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). А сколько документов погибло во время стихийных бедствий и войн! В настоящее время известно, что не сохранились как раз наиболее ранние комплексы книг по взаимоотношениям Российского государства с Астраханским, Тюменским, Казанским и Крымским ханствами, Кабардой, Шемахой и Сибирью, относящиеся к концу XV — середине XVI века. Можно также утвердительно говорить о том, что имеются значительные утраты посольских книг в фондах отношений России с Австрией, -Англией, Грецией, Данией, Молдавией и Валахией, Пруссией, папской курией, Польшей, Турцией, Швецией, Бухарой, Грузией, Крымом и Ногайской Ордой. В основном они также относятся к периоду последней четверти XV — середине XVI века.

Первого из известных руководителей Посольского приказа И. М. Висковатого сменил дьяк Андрей Васильев. В документах Посольского приказа указано, что к нему 6 июня 1562 г. прибыл датский гонец и был он принят в Кремле «в избе», называвшейся «дьячей», или «посольной». В 1565 году была построена особая Посольская палата²¹.

Ввиду важности занимаемого поста преемники Висковатого уже носили звание думных дьяков. Среди возглавлявших Посольский приказ деятелей выделяются братья А. Я. и В. Я. Щелкаловы, Алмаз Иванов, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын, Е. И. Украинцев, проводившие подчас самостоятельную политику, независимую от Боярской думы. Это о них подъячий Посольского приказа Г. К. Котошихин писал в XVII веке: «Хотя породю бывает меньше, но по приказу и делам выше всех»²².

На основании сохранившихся посольских дел можно воспроизвести функции думного посольского дьяка. Во второй половине XVI века думные посольские дьяки пользовались самыми широкими полномочиями: принимали привезенные послами грамоты, вели предварительные переговоры, присутствовали на приемах иностранных дипломатов, проверяли приготовленные списки ответных грамот, составляли указы российским дипломатам, отправляемым за границу, и приставам для встречи иностранных послов, знакомились с отчетами российских послов, вернувшихся после выполнения дипломатической миссии на родину.

Посольский приказ занимался не только дипломатическими сношениями, но и другими делами, связанными с иностранцами. Его ведению подлежали проживавшие в России иноземные купцы и ремесленники, поселившиеся в России татары, московские слободы, заселенные иностранцами, дворы для приема послов, выкуп пленных. Кроме того, Посольскому приказу давались отдельные поручения. Так, под его управлением состояли именитые люди Строгановы, русские купцы и промышленники, принимавшие активное участие в освоении Сибири, несколько крупных монастырей.

В XVII веке аппарат Посольского приказа значительно увеличился и в нем появились отдельные структурные части — повытья, своего рода отделы, которые возглавляли старшие подьячие. Три повытья ведали сношениями с Западной Европой, два — с азиатскими государствами и владетелями. Как правило, повытья назывались по именам стоявших во главе их подьячих, а иногда по тому или иному государству («повытья Алексеева», «Польское поя вытье»).

Помимо дипломатических сношений и вопросов, связанных с иностранными подданными, проживавшими в России, в XVII веке Посольский приказ выполнял ряд других функций, которые нередко служили ему источниками дополнительных доходов. Это говорит о недостаточной дифференцированности обязанностей отдельных ведомств государственного аппарата. Так, с 60-х годов XVII в. Посольский приказ заведовал почтой, делами донских казаков, судом и сбором таможенных и кабацких доходов, назначением воевод и приказных людей и т. д. В то же время в обязанности каждого приказа входило управление несколькими городами. В частности, в ведении Посольского

приказа были города Касимов, Елатьма, Романов. Во второй половине XVII века к нему были присоединены так называемые четвертные территориальные приказы, или четверти: Новгородская, Галицкая, Владимирская, Устюжская. Эти приказы собирали доходы с подведомственных им обширных территорий и собранные деньги расходовали преимущественно на жалованье боярам, окольниковым и другим служилым людям Посольского приказа. К нему приписывались также и временно возникавшие учреждения — Смоленский, Малороссийский, Литовский, Новгородский, Великороссийский, Печатный и Полоняничный приказы. Многочисленные обязанности служащих Посольского приказа вызывали естественное недовольство глав приказа. Так, А. Л. Ордин-Нащокин говорил, что они «мешают посольские дела с кабацкими»²³.

Столь обширная деятельность Посольского приказа обуславливала и разнообразие функций его служащих. Уже со второй половины XVI века рядом с думным дьяком — главой Посольского приказа мы постоянно видим его заместителя — товарища, или второго дьяка. Так, за подписью Постника Дмитриева (1589—1592 гг.), товарища начальника Посольского приказа А. Я. Щелкалова, посылаются «памяти» о выдаче «корма» иноземным послам и об их отправлении; к нему за наказом являлись лица, назначенные в «государево посольство»; он принимал иноземных послов и произносил речи от имени государя, выслушивал отчеты о выполнении дипломатических поручений.

Со второй половины XVII века число заместителей увеличивается в связи с подчинением Посольскому приказу других приказов и четвертей: в 1666 году их было три, в 1668-м — четыре, в 1685-м — пять. В их обязанности входили дела по сбору доходов с различных областей и «кружечных дворов» («кабацкие деньги»). Назначались вторые дьяки из подьячих Посольского приказа, имевших опыт работы на дипломатическом поприще. Некоторые вторые дьяки со временем становились начальниками приказа, например В. Я. Щелкалов, А. И. Власьев, Алмаз Иванов, Е. И. Украинцев. Всего с 1559 по 1714 год известны поименно 52 товарища начальников Посольского приказа²⁴. При распределении приказной работы промежуточное положение между дьяками и подьячими занимали приписные подьячие, то есть имевшие право подписывать исходящие документы. По существу, это были подьячие высшей квалификации (старые подьячие).

Помощниками думных дьяков и их товарищей были подьячие, именно они составляли основной штат Посольского приказа. Они разделялись на несколько категорий: старые, средние и молодые. Во главе повытий стояли старые подьячие; средние и молодые вели делопроизводство и переписку Посольского приказа, занимались изготовлением географических карт, чертежными делами. К XVII веку в Посольском приказе сложилась своя особая школа письма с мелким и изящным почерком. Наибольшее количество пищиков было среди молодых подьячих. Самые же важные документы («листовое письмо», т. е. грамоты) писались подьячими более высоких рангов. При Иване III у посольского дела пребывали 28 подьячих, в царствование Ивана IV — 29. Особо следует отметить, что жалованье в Посольском приказе было в 3 — 5 раз выше, чем в большинстве других приказов.

Кроме подьячих, которые вели переписку на русском языке, в Посольском приказе были служащие, знавшие иностранные языки. Устными переводами занимались толмачи, письменное делопроизводство на иностранных языках поручалось переводчикам. В конце XVII века насчитывалось около 15 переводчиков и 40—50 толмачей, которые знали языки латинский, польский, татарский, немецкий, шведский, голландский, греческий, персидский (фарси), арабский, турецкий, волошский, английский и грузинский. В переводчики иногда поступали находившиеся на русской службе иностранцы, побывавшие в плену Русские. Нередко для изучения иностранных языков и приобретения различных навыков детей боярских специально посылали за границу²⁵.

Среди служащих Посольского приказа были также золотописцы, расписывавшие золотом и красками грамоты. В конце XVII века служили пять золотописцев, которым вменялось в обязанность писать каймы и начальные слова.

Во второй половине XVII века в Посольском приказе служат также сторожа и приставы для сопровождения иностранных дипломатов. Приставы также разбирали судебные дела, находившиеся в компетенции Посольского приказа, разыскивали и приводили подсудных лиц (например, суды «торговых иноземцев», т. е. иностранных купцов).

Особое место в деятельности Посольского приказа занимала организация посольств за рубеж. До начала XVIII столетия Россия не имела за границей постоянных дипломатических представительств. Посольства посылались по мере надобности (для заключения мира, избрания на престол, торговых связей и т. д.).

Дипломатический статус главы посольства зависел от важности и характера предстоящей миссии. В XVI—XVII веках существовали великие послы, легкие послы, посланники, гонцы, посланцы и посланные²⁶. Каждому дипломатическому рангу соответствовали определенные денежные выдачи и поместные пожалования. Послы избирались, как правило, из бояр, пользовавшихся доверием царя и Боярской думы. Они имели право вести переговоры, подписывать соглашения, выработать проект договора, окончательное утверждение которого зависело, однако, от верховной власти.

Думные дьяки до середины XVII века почти не принимали участия в посольствах. Впоследствии, когда их стало больше, они также включаются в состав наиболее представительных посольств, занимают места товарищей послов, участвуют в посольских съездах.

Посланник выбирался из числа дворян, дьяков, реже — подьячих и посылался по менее важным делам. Гонцы же обязаны были доставить отданную им грамоту или передать поручение устно, но не вступая в дипломатические переговоры. Они выбирались из числа подьячих, толмачей, стольников* (* **Стольник — дворцовая должность и чин четвертый после бояр, окольничих и думных.**).

Для утверждения престижа Российского государства представители всех дипломатических рангов должны были добиться приема у монарха и главы правительства и категорически отказывались вступать в переговоры с советниками. Иногда посылались люди с тайными поручениями, чтобы доставить секретную грамоту или узнать какие-либо сведения. Они могли принадлежать к самым различным сословиям. Так, в архиве Посольского приказа имеется следующее свидетельство: «Отпущен тайно к цесарю с грамотой московский торговый человек Тимоха Выходец»²⁷.

В зависимости от страны назначения и важности посольства формировался и его состав. Посольство могло включать двух, трех, четырех человек, а иногда это число возрастало и до нескольких сот. В 1578 году в Польшу выехало посольство М. Д. Карпова, П. И. Головина и дьяка К. Г. Грамотина, «а с ними дворян и людей 282 человека»²⁸.

Среди ближайших помощников послов и посланников могли быть также приказные дьяки и подьячие различных государственных учреждений (Поместного, Разрядного, Челобитного приказов, Казенного двора, Владимирской и Талийкой четвертей). Как товарищи послов или посланников приказные дьяки были главами посольских походных канцелярий («шатров»). На них в основном ложилась подготовительная работа при составлении текстов международных договоров во время посольских съездов. Непосредственными исполнителями были подьячие, которые вели все посольское делопроизводство, переписку, оформление статейных списков и т. д. Из них назначался особый подьячий для письма, что свидетельствует о внимании, уделявшемся ведению посольской документации. Переводчики и толмачи служили посредниками во время переговоров и упоминаются в составе посольств с начала XVI века. Особую роль осведомителей при послах выполняли подьячие приказа Тайных дел. Они «над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают»²⁹.

Во время своего пребывания за границей послы содержались за счет государства, на территории которого они находились. Их материальное обеспечение в России состояло

из денежного жалованья, натуральных выдач и поместных окладов. Размер денежного и поместного жалованья устанавливался исходя из предыдущей дипломатической практики.

Средний размер жалованья до и после посольства в начале XVII века был следующим:

	Денежный оклад в рублях		Поместный оклад в четвертях*	
	до посольства	размер прибавки после посольства	до посольства	размер прибавки после посольства
Посол	100	50	900	100
Посланник	50—100	20—40	700—900	100—150
Гонец	25—37	...	...	...
Дьяк	90-110	10	700	100
Подьячий	15—20	2-5	200—500	50—100
Переводчик	20	5	...	...

(* Четверть (четь) — мера длины (в XVII в.), равная 0,5 десятины. Десятина равна 2400 кв. сажен, или, в переводе на метрическую систему, 11197, 44 кв. м.)

Система материального обеспечения посольств основывалась на занимаемой должности и зависела от размера предыдущего оклада и чина в большей мере, чем от результата посольства³⁰. Показательны в этом отношении челобитные дворян с просьбой не посылать их в разные государства в чине меньшем, если они или их предки до этого имели на посольской службе звание, большее по рангу.

Награждения в виде натурального жалованья были обычным явлением, причем особенно часто за посольскую службу. Выдавались дорогие иностранные ткани для изготовления верхней одежды, меха, за особые заслуги жаловалась серебряная посуда — братины и ковши. Так, по возвращении в 1614 году из Англии посол А. И. Зюзин получил «в приказ 100 рублей, 40 соболей в 30 рублей, камку, сукно доброе, ковш в 3 гривенки». Награда его помощнику дьяку А. Г. Витовтову была несколько меньшей: «50 рублей, 40 соболей в 20 рублей, ковш серебрян в 2 гривны, камка и сукно». В свою очередь, подьячие получили «30 рублей, камку, сукно, 40 куниц в 12 рублей». Гонец Д. Г. Оладьин по завершении дипломатической миссии в Речь Посполитую в 1613 году получил «восемь аршин камки адамашки (шелковая ткань из Дамаска. — *Авт.*)», а подьячие для письма А. Семенов и Я. Рязанцев — «в приказ 10 рублей и сукно доброе»³¹.

Участие в посольской службе влияло на социальное положение и способствовало продвижению по службе. Так, Д. Г. Оладьин из выборных городовых дворян переходит в чин дворян московских, подьячий П. Данилов после посольства к крымскому хану Джанибек-Гирею пожалован в дьяки, а посланник С. М. Ушаков после возвращения из Империи получил назначение воеводой в Кострому. Существовали, видимо, и определенные привилегии относительно налогов. Об этом свидетельствуют челобитные дипломатических служащих, поданные царю перед выездом за границу, с просьбой освободить их от подписных и печатных пошлин, то есть налогов за подпись и печать должностного лица. Выезжавшие за границу впервые после успешного выполнения их миссии неоднократно посылались вновь.

О бюджете Посольского приказа XVI—XVII веков имеются лишь отрывочные сведения. При царе Федоре Ивановиче 17 подьячих получали денежное жалованье 429 рублей, а в поместье — 4050 четей земли, почти столько же — при царе Борисе Годунове (412 рублей и 3800 четей земли). Во второй половине XVII века в целом на личный состав Посольского приказа тратилось около 5000 рублей, а в 1701 году — около 7000 рублей³².

Все служащие Посольского приказа приводились к присяге. Без этого не разрешалось приступать к работе: «В приказах не сидеть и никаких дел не делать». Думный дьяк присягал в том, что будет «служити и прямити и добра хотети во всем вправду, и государские думы и боярско-во приговору и государских тайных дел русским всяким людем и иноземцом не приносите и не сказывати, и мимо государственной указ ничего не делати, и с иноземцы про Московское государство и про все великие государства Российского царствия ни на какое лихо не ссылатися и не думати, и лиха никакова Московскому государству никак не хотети ни которыми делы и ни которою хитростью...»

При И. М. Висковатом «посольская изба» находилась в Кремле на площади недалеко от впоследствии построенной колокольни Ивана Великого и стояла там вплоть до 70-х годов XVII в. Затем для московских приказов, включая Посольскую палату, было построено новое здание, именовавшееся в просторечии «дьячими палатами». В плане оно представляло собой букву П, параллельные стороны которой были расположены вдоль Москвы-реки и выходили концами к Архангельскому собору. Здание было двухэтажным, причем Посольская палата выделялась своей высотой и особенно богатым украшением по фасаду. Помещение Посольского приказа находилось в конце дальней от реки линии, и его окна выходили к алтарной части Архангельского собора. В приказе размещалось несколько палат. В так называемой Задней палате, «где бывають у дьяков иноземцы для государственных тайных дел», стены были обиты «черевчатым аглинским сукном», а потолок расписан. В тех палатах, где сидели подьячие, в начале XVIII века в рамках висели «4 персоны, имянуемые одна — Правда, другая — Мудрость, третья — Воздержание, четвертая — Крепость». В Посольском приказе имелось хранилище различных художественных произведений, где было представлено мастерство иноземных живописцев и золотописцев. В отдельной палате («казенке») хранились архив и библиотека с многочисленными печатными и рукописными книгами, географическими картами. Здесь были книги «по художеству», «о полатном и городовом строении и резного дела», книги «с лица» (с изображениями) и др.⁴

Специфика деятельности Посольского приказа объективно превращала его в своего рода культурный центр страны. Здесь работала большая группа переводчиков, толмачей, сюда прибывали различного рода донесения, хранились отчеты послов, разнообразные выписки из исторических трудов, переводные сочинения и т. д.³⁵

Посольский приказ одновременно становится центром идеологического обоснования существующего строя и официальной историографии. В стенах приказа зародилась мысль о необходимости составления трудов по истории отечества, которые отражали бы величие Российского государства и его монарха и утверждали бы международный авторитет державы.

Организатором и вдохновителем этого дела стал глава Посольского приказа А. С. Матвеев (1625—1682 гг.), возглавивший работу по написанию официальной истории России³⁶. Под его руководством был написан «Титулярник», имевший не только справочный характер. Он преследовал цель, с одной стороны, показать связь дома Романовых с представителями предыдущей династии, а с другой — вписать его в ряд самодержцев других стран, утвердить таким образом суверенитет России и возвысить ее царствующий дом.

«Титулярник» стал одним из ярких памятников русской дипломатической мысли. В нем на основе богатого архива Посольского приказа подробно описаны события Смутного времени и периода правления первых Романовых, освещены внешнеполитические связи России, опубликованы грамоты иностранных монархов и другие материалы.

В росписи роскошных миниатюр «Титулярника» принимали участие И. Максимов, Д. Львов, Г. Благошин и другие художники. Помимо портретов царствующих особ Европы и Востока, а также русских церковных иерархов в книге приведены гербы и печати многих земель, городов и стран. Она до сих пор служит источником не только по иконографии, но и по геральдике и сфрагистике.

Имелись и другие исторические сочинения, созданные в стенах Посольского приказа. В качестве примера можно привести труд дьяка-переводчика Ф. Грибоедова «История о царях и великих князьях Земли Русской».

Примечательным явлением культурной жизни XVII века стали «Куранты» — специальный информационный выпуск для царя и Боярской думы. Им предшествовали так называемые «летучие листки», или «вестовые описьма», перевод и распространение которых были организованы в Посольском приказе. В «Курантах» не только содержались сведения о военных и политических событиях в других странах, о межгосударственных переговорах, но и рассказывалось о необычайных происшествиях (пожарах, стихийных бедствиях), приводились различного рода притчи. Информацию для «Курантов» поставляли русские и иностранные дипломаты, купцы, православные монахи, переселенцы и др. В XVII веке в России выписывалось несколько иностранных газет, журналов и ведомостей. С этого времени Россия вошла в число стран-агентов, снабжавших западноевропейские страны информацией о происходящих событиях и получавших взамен соответствующие материалы.

Создание Посольского приказа было закономерным явлением в процессе развития российской государственности. Постепенно расширяясь и укрепляясь, он становится неотъемлемой частью государственного аппарата XVI—XVII веков. Обширные функции, высокая степень информированности о внешних и внутренних делах страны, влияние на идеологию и культуру сделали его, по определению выдающегося российского дипломата А. Л. Ордина-Нащокина, «оком всей великой России».

2

Дела посольские

По мере того как жизненные интересы Российского государства определяли направления внешней политики и правительство вырабатывало стратегию их осуществления, русская посольская служба утверждала свои дипломатические атрибуты: учреждения, штат, этикет, формы обмена информацией, документацию и даже язык.

К началу XVI века унифицируются формы ведения международных переговоров и связанное с ними делопроизводство. Дела посольские — это памятники документации внешних сношений Российского государства конца XV — начала XVIII века. Они представлены в виде грамот, столбцов и книг. В архивных описях XVII века эти дела именуется по названию государств: «грамоты греческие», «книги турецкие», «столпы французские». Разрозненные материалы («рознь») также имели обозначения: «дацкая», «аглинская», «галанская» и др.

Что же представляли собой грамоты, столбцы и книги?

В виде грамот оформлялись отдельные дипломатические акты, важнейшими из которых были грамоты главам государств (подлинники и их копии, именовавшиеся тогда «отпусками»), а также ответные грамоты (подлинники и переводы).

Наиболее распространенной формой фиксирования дипломатической информации, особенно в XVI веке, были столбцы («столпы»). Их внешнее оформление отражало характерную для того времени технику документирования: полосы бумаги разрезались пополам и подклеивались одна к другой. Законченный столбец представлял собой комплекс документов, которые подклеивались друг к другу по мере поступления материала. Места склеек назывались «составы» (т. е. составы, связи) и во избежание подлогов документов заверялись подписью должностного лица. Длина столбца определялась размером всего дела.

Среди письменных источников по истории дипломатии нашей страны посольские книги являются самым информативным, многочисленным и наиболее сохранившимся до наших дней комплексом документов по внешней политике Российского государства конца XV — начала XVIII века. Их значение в правительственном делопроизводстве особенно

возросло в XVII веке. Материалы посольской документации, близкие по содержанию, месту и времени составления, переписывались в тетради. Несколько тетрадей связывались или подшивались друг к другу. Так получалась книга. В настоящее время в Центральном государственном архиве древних актов хранятся 610 посольских книг по связям России с 17 иностранными государствами и более 150 — по связям с народами, позднее вошедшими в состав Российского государства.

Для того чтобы понять внутреннюю структуру посольского дела, характер и содержание посольских книг, необходимо реально представить процедуру отправления и возвращения на родину российских посольств, их пребывание за границей, а также приезд и прием иностранных дипломатов при русском дворе.

После решения царя и Боярской думы об отправлении посольства за границу в Посольском приказе подготавливали необходимую документацию.

Прежде всего составлялись верительные («верющие») грамоты главам государств, удостоверявшие личность посла как представителя Российского государства. Формуляр этих грамот был строго установлен и не изменялся: от великого государя, царя, князя (полный титул) к королю, императору и т. д. (полный титул), кто посылается, имя и положение. Далее содержалась просьба «верить»: «И что от нас учнет тебе говорить, и ты бы ему верил, то есть наши речи». Указывались место составления грамоты и дата¹.

Среди прочих документов послы могли везти с собой грамоты перемирные («докончания»), или договорные (позднее — «договор»), которые содержали условия мира или перемирия, заключаемого между странами. Дело в том, что каждая сторона обычно имела свой текст подобной грамоты в двух экземплярах, а во время встречи дипломатов происходил обмен списками.

Для проезда через различные государства в страну назначения дипломатам выдавались «любительные» грамоты, подтверждавшие мирные, дружественные отношения между государствами и содержавшие просьбу оказывать содействие посольству. В свою очередь, русский государь гарантировал следующее: «Которые будет люди твоей земли также прилучаться в наших государствах... и мы их пожалуем, также пропустите велим безо всякого задержания»².

Подорожные («указные») грамоты выдавались от имени главы государства послу или приставу, провожавшему посла. Они носили распорядительный характер для местных воевод и давали послу право на обеспечение в пути продовольствием и средствами передвижения. Иногда указывалось: «Не издерживая ни часа отпускать послов по сей моей грамоте»³.

Во время подготовки посольства к отправлению и по мере его продвижения Посольский приказ вел служебную переписку с различными административными учреждениями и должностными лицами посредством так называемых «памятей». Они содержали различные распоряжения относительно обеспечения послов. В ответ на «памяти» в приказ поступали «отписки».

Руководством для дипломатов во время посольской миссии был наказ, в котором подробно перечислялись цели и задачи посольства — возложенные на посла поручения, его обязанности и нормы поведения в чужой стране, а также излагались речи и ответы на возможные вопросы иностранцев. Кроме того, в наказы входили предписания о сборе сведений о положении дел в государствах, куда направлялись послы, а также в других странах. При подготовке наказов использовался архив Посольского приказа. Для успешного выполнения посольской миссии необходимо было учесть предыдущие дипломатические поездки в данную страну. Думный посольский дьяк просматривал и правил черновики наказов.

Наказы, важнейшая составная часть большинства посольских книг, ведут свое начало от «наказных речей» XI—XIII веков. Это ценный источник данных о внутренней и внешней политике, экономическом положении России, степени информированности Посольского приказа. В некоторых случаях они выражают официальную,

правительственную концепцию тех или иных событий, подготовленную специально для распространения за рубежом.

Примечателен в этом отношении наказ А. И. Зюзину, возглавлявшему посольство в Англию в 1613 году. Наказ содержит жалобы на польского и шведского королей, описание разорения Русского государства, объявление о вступлении на престол М. Ф. Романова и различные просьбы о денежной, военной, дипломатической помощи. Будучи за границей, А. И. Зюзин должен был постоянно подчеркивать факт всенародного, законного избрания на престол М. Ф. Романова⁴.

Причины Смутного времени А. И. Зюзин должен был объяснить королю Якову I следующим образом: «А сам король (Сигизмунд III. — *Авт.*) и паны рада, умысля Московское государство розорити больше прежнего, устремились в Московском государстве смуту делати и кровь Напрасную проливати, велели пустить славу во все пограничные места Московского государства, будтось тот вор, который был на Москве государем, с Москвы ушел и у них в Польше, а в его место будтось убит некоторой литвин. Да умысля и изыскав, выслал на Украину Московского государства, Северскую землю иного вора родом жидовина, нозываючи его прежним именем Дмитрием, будтось тот же, который был на Москве, а с Москвы будтось от убийства убежал. А к нему пришли на Украину по королевскому велению и литовские именитые многие люди... И почали россылати смутные грамоты во всю Северскую землю по городом и по местом, именуючи того вора прежним вором Дмитрием. И многие малодушные северских и украинных городов казаки и боярские холопы, худые люди таким смутным грамотам поверили, а иные, видя от польских и от литовских людей себе разорение и войну, к тому вору пристали. И почала быти в людях рознь и кроворозлитье болыни прежнего»⁵.

Наказы содержали строгие указания, как должен держать себя посол в чужой стране. Отклонение от них могло подвергнуть виновника «великой опале». Нарушителей было немного. Один из них посланник в Персию Михаил Тиханов (1613—1615 гг.) был привлечен к ответственности за несколько проступков. В частности, ему вменялось в вину следующее: «Не ведомо есте кого послушав, или будет своею глупостью затеяв, или будет... забыв свою русскую природу и государские чины, ездили есте на отпуске к шаху в его шахове платье вздев на себя по два кафтана азымских, один кафтан наверх об одну завязку, а другой под-испод. И вы тем царскому величеству учинили не честь же, не ведомо вы были у шаха, государевы посланники, не ведомо были у шаха в шутех»⁶.

Строгое предписание об исполнении пунктов наказа отнюдь не свидетельствует о косности русской дипломатии, оно было продиктовано заботой о чести государства. Появление столь специфической формы документа, как указы российским дипломатам XVI—XVII веков, было обусловлено отсутствием постоянной оперативной связи между странами, этим же объясняется и крайняя детализация указаний.

При отправлении послам вручались также перечни (рописи) подарков главам правительств и их приближенным. В качестве подношений в росписях чаще всего фигурировал мех соболя, лисы, горноста и белки. Преподносили также «рыбий зуб», то есть моржовую кость, и ловчих птиц — соколов и ястребов. Дело доходило до курьезов. Хивинские послы Авяз-бек и Кошут привезли в Москву в 1642 году грамоту, в выписке о которой сказано: «Да он же Исфендияр царь хочет женить сына своего и просит у царского величества, чтоб царское величество его пожаловал велел прислати к нему для свадебного подъему денег несколько». Сын же хана, Сейт, писал: «А буде изволит государь царевич к нему прислати соболей, да лисиц добрых черных, да к нему же бы прислати девку черкаску добрую». В деле об этом посольстве записано: «А в Юргенчи по государеву указу послано: Исфендияру царю за его дары и по запросу для свадебного подъему соболями на 400 рублей. Сыну его, Сейту царевичу в двое против его даров на 100 рублей»⁷.

В городах по пути следования члены посольства обеспечивались продовольствием («кормом»). Росписи определяли его количество в зависимости от ранга того или иного

члена посольства. Например, в начале XVII века на отрезок пути от Ярославля до Вологды послу полагалось «по 15 ведер вина горячего, 7 пудов меду, 2 чети муки пшенинные добрые, 4 осетры, 4 пруты белужьи, 2 спины осетры»; его помощнику дьяку — «по 10 ведер вина, четверть муки пшенинные, 2 осетра, 2 прута белужья, 2 спины осетры, 4 пуды меду», в свою очередь, подьячему — лишь «по 2 ведра вина, 2 чети муки»⁸.

Завершая перечень документов, которыми снабжались дипломаты, следует отметить также «опасные» грамоты, гарантировавшие свободный въезд и выезд послов.

Копии всех вышеупомянутых документов хранились в Посольском приказе и составляли отдельную группу под названием «отпуск».

Получив все необходимые документы, посольство отправлялось в дорогу. С этого момента начинался этап его самостоятельной деятельности. Она отражалась в основном отчетном документе посольства — статейном списке, получившем такое наименование потому, что первоначально его содержание излагалось по статьям и пунктам наказа. Эти отчеты послов являются своеобразным и чрезвычайно ценным источником как по содержанию, так и по форме изложения. Они не только фиксируют состояние международных дел и дипломатические перипетии того времени, но и содержат свидетельства очевидцев о всех событиях, происходивших в дороге и во время пребывания посольства за границей. Статейные списки составлялись дьяками или подьячими для письма, а затем корректировались главой дипломатической миссии.

В те времена статейные списки являлись, по сути, главным источником информации о событиях за рубежом. Русские послы получали различного рода сведения от придворных, дипломатов, служилых людей, купцов, путешественников и т. д. Прежде всего их интересовали международные отношения. Материалы статейных списков, собранные послами, и привозившиеся ими из-за рубежа различные документы имели основополагающее значение для выработки внешнеполитического курса Российского государства.

Содержание статейных списков XVI—XVII веков говорит о том, что не было сколь-нибудь существенных политических событий в международной жизни, о которых в Москве не были бы получены достаточно исчерпывающие сведения. В XVII веке помимо отчетов в Москву систематически поступали обширные сводки из европейской прессы, подборки газет («ведомостей») и т. д. Вся информация, включая сведения, полученные от иностранных послов, резидентов и купцов в России, тщательно анализировалась и изучалась. В качестве примера анализа Посольским приказом конкретной политической ситуации можно привести следующее.

Основным направлением внешней политики России с середины 70-х годов XVII в. стала борьба с Турцией за воссоединение с Украиной. Наиболее вероятными союзниками России могли стать те государства, которые также подвергались турецкой агрессии, а именно Речь Посполитая, Империя и Венеция. В задачу Посольского приказа входила оценка военной мощи этих стран. Вот как описывали боеспособность Речи Посполитой в статейных списках 1667 года российские дипломаты И. А. Желябужский и Г. Кузмин: «...И прежь до сего владенье его (короля Яна Казимира. — *Авт.*) было несовершенно, а ныне де и досталь стало владенье королевское безмочно». В то же время послы подчеркивали, что «служилые люди и чернь готовы от турка обороняться и с великим государем перемирия не разрывать»⁹. В 1673 году переводчик Посольского приказа А. Винус в дополнение к этому писал, что в Польше «разделение великое, где друг друга встретят, бьют, скудость такая, что войску заплаты достать не могут, многие начальные люди, немцы, из Польши выезжают и за их денежной скудостью и несогласием служить им не мочно»¹⁰. После заключения в 1686 году «Вечного мира» России с Речью Посполитой дьяк К. Н. Нефимонов должен был выяснить, почему польский король, не соблюдая союзного договора, плохо воюет с турками и можно ли на него надеяться впредь. В своем отчете Нефимонов, связывая события внешней политики с внутренним экономическим положением Речи Посполитой, приходит к выводу, что войско оголодало

и «изнищало по причине великого недороду хлеба, и потому де и поборов взять не с кого»¹¹.

Особое место в отчетах российских дипломатов уделялось выступлениям народных масс, которые также оказывали влияние на внешнеполитический и внешнеэкономический курс России. В статейных списках, особенно XVII века, неоднократно говорится о столкновениях между различными социальными группами в той или иной стране. Известный русский дипломат XVII века Е. И. Украинцев, будучи в Голландии, писал о бедственном положении городских низов и мастеровых в период длительной войны во Фландрии¹². П. А. Толстой во время своего пребывания в Венеции (1697 г.) обратил внимание на частые столкновения между враждующими группами горожан¹³. Посол Г. И. Микулин и подьячий Ивашка Зиновьев подробно описали мятеж графа Эссекса в Англии (1601 г.). Они нарисовали довольно точную картину восстания, показали роль «посадских людей» в этом событии и попытались дать ему свою оценку¹⁴.

Большой интерес не только для русской, но и английской истории представляет рассказ об английской революции, содержащийся в статейном списке дьяка Посольского приказа Г. С. Дохтурова. Гонец Дохтуров был в Англии в 1645—1646 годах с сообщением о смерти царя Михаила Федоровича и вступлении на престол царя Алексея. Его пребывание в Лондоне совпало с началом гражданской войны. Король бежал из Лондона, и Дохтуров так и не смог получить у него аудиенцию. Ожидая переговоров и будучи непосредственным свидетелем бурных событий революции, он попытался понять и объяснить ее причины.

В его статейном списке прежде всего отмечается приверженность короля Карла I к «папешской вере» (католицизму). Кроме того, король хотел «владеть всем королевством по своей воле», не разделяя власти с парламентом и «думными людьми». Видя несогласие парламента и гонения на католическое духовенство, король с королевой выехали из Лондона, «будто гулять в ыные города», но королева выехала во Францию, а король начал воевать. Особо отметил Дохтуров позицию английского купечества, торговавшего в Московском государстве, подчеркивая при этом, что вся торговая компания «за парламентом, а не за королем». В статейном списке рассказывается, как проходили переговоры между враждующими сторонами: «Писал король их английский к парламенту, чтобы парламент его в Лондон на королевство пустили...» В ответном письме королю было поставлено условие, что он будет допущен на королевство в том случае, если даст парламенту письмо, «...что ему вера держать одна с ними, и ближайших своих людей выдаст парламенту». Наконец, «парламент короля разорили и в Хибирской земле (Ирландии. — *Авт.*) города поймали», гражданская война закончилась, и король был выдан шотландцами за выкуп. Парламент устроил русскому гонцу торжественный прием, на котором присутствовали обе палаты, а затем его с почетом проводили в Россию¹⁵.

В поле зрения российских дипломатов находилось и экономическое положение посещаемых стран, которое интересовало московских политиков не только в плане развития торговли, но и с точки зрения оценки экономического потенциала возможных врагов или союзников. Так, в статейном списке И. И. Чемоданова, возглавлявшего посольство в Венецию в 1656 году, отмечено, что в городе «стоят многие палаты каменные, а в них делают скляничное дело всякими мудрыми образы»¹⁶, но прежде всего развита торговля, особенно с зарубежными странами. В отчете Ивана Афанасьевича Желябужского (1667 г.) нарисованы мрачные картины разорения целых областей в Моравии и Австрии в результате войны со шведами, «а посему цесарь казною не богат» и заручаться его посредничеством для достижения «Вечного мира» с Польшей не имело смысла¹⁷. Одно из первых описаний лейпцигской ярмарки дошло до нас в отчете П. И. Потемкина и дьяка Я. Чернцова (1674 г.)¹⁸.

Наиболее пространное описание экономического положения Испании находим мы в статейном списке П. И. Потемкина и дьяка С. Румянцева (1667 г.). Среди прочего послы отметили, что испанцы в Америке «много руд золотых и серебряных в горах копают и

переплавляют и привозят морем, великим окяном на кораблях золото и серебро... в Андалузское государство в город Кадикс да в Севиллию... А и своих де гишпанских купецких людей собирают на короля в Западной Индии с золота и серебра плавленного и ефимков пятую часть королю»¹⁹. Посольство П. И. Потемкина должно было установить торговые отношения с Испанией и по возможности найти нового союзника против Турции. Русские дипломаты пробыли в Испании около полугода, познакомились с отдельными провинциями. «В Бискайе всякий хлеб, как и в государстве Московском, родится и сады великие со всяким плодовитым деревом. Руды железные много»²⁰. Весьма примечательно описаны Канарские острова: «На тех островах всякие пряные зелья родятся и сахар. А те де Канарские острова пространством верст по четыре ста и по пяти сот; города на тех островах крепкие и многолюдные и всякого де изобильства на тех островах много»²¹.

Из Испании П. И. Потемкин отправился во Францию ко двору Людовика XIV. Споры со сборщиками податей и с хозяевами гостиниц, недоразумения из-за неполно написанного титула царя в грамотах Людовика XIV к Алексею Михайловичу, любопытные наблюдения о французском народе, о городах Франции, в частности о Париже, о Версальском королевском дворце, Лувре, Сен-Жермене, описание приемов и обедов составляют основное содержание этого статейного списка²². В конце статейного списка отмечено, что «люди во французском государстве человечны и ко всяким наукам, к философским и рыцарским, тщательны», что «школ в Париже безмерно много» и по всей Франции «города великие и многолюдные, и крепкие, и пехоты в городах много ж, и сел и великих деревень много и людно безмерным обычаем».

В своих отчетах российские дипломаты немало места уделяли вопросам государственного устройства различных стран. Особенным вниманием в этом плане пользовались Польша и Литва. Достаточно сказать, что большинство посольских книг XVI—XVII веков посвящено связям России с Речью Посполитой. Практически во всех отчетах так или иначе отмечается внутреннее положение этой своеобразной республики XVII века, которую в Москве воспринимали как угрозу монархическому строю. Столкновения различных магнатских групп польско-литовского панства, особенно во второй половине XVII века, вызывали немалые опасения царя Алексея Михайловича. В путевом дневнике 1697 года, принадлежащем известному дипломату П. А. Толстому, говорится: «И всегда у них между собою мало бывает согласия, в чем они много государства своего растеряли»²³. О сложной обстановке в Польше писали российские посланники Я. Н. Лихарев и И. Песков (1658—1659 гг.), гонец Г. Богданов (1665 г.), посланник Т. Кельдерман (1668 г.)²⁴.

Уже упоминавшийся Г. С. Дохтуров в своем отчете оставил интересное описание структуры английского парламента и количественные данные о его составе: «И Аглинскою де и Шкотцкою землею и городом Лондоном и иными многими городами владеют у них парламент: изо всяких чинов выбраны думные люди. И у парламента де городов больши королевского, а у короля одна Хибирская земля... А парламент де сидят в двух палатах, а выбираны де те думные люди Аглинские и Шкотцкие земли изо всяких чинов и изо всякого города человека по 3 и по 4; в одной де палате сидят бояр 60 человек, а в другой полате мирских и служилых и ис торговых людей 420 человек»²⁵.

О республиканском строе и выборе должностных лиц в Венеции рассказывают стольник И. И. Чемоданов и дьяк А. Постников (1656—1657 гг.), административное устройство Гамбурга описано в статейном списке посланников Я. Н. Лихарева и И. Пескова²⁶.

Немало места в отчетах отводилось воспроизведению тонкостей дипломатического церемониала и придворного этикета иностранных дворов. Строгое соблюдение норм посольского обычая с обеих сторон определяло степень авторитета российского государя за рубежом и потому так подробно фиксировалось в статейных списках. Детали придворных церемоний при дворе венецианского дожа подробно изложены в статейном

списке И. И. Чемоданова: как «честь воздавали» посольству и царю, как пили государеву чашу, сняв шляпы, как сели за стол на торжественном обеде, как жители городов, встречая посольство, кричали «виват»²⁷. Г. С. Дохтуров пишет, что, когда он появился в палате лордов, ему было подано специально приготовленное кресло. Когда он сел, вставал или снимал шляпу, лорды делали то же самое. Точно так же его принимали в палате общин. После того как он сообщил обеим палатам о добрых чувствах своего великого господина, царя Алексея Михайловича, он был заверен спикерами обеих палат в искренней дружбе и уважении к Российскому государству, в связи с чем ему была вручена красиво оформленная грамота на тонком пергаменте.

Для посольских отчетов характерно подробное воспроизведение речей действующих лиц. В статейном списке И. П. Новосильцева о его «бытности» в Турции (1570 г.) момент его встречи с наместником султана передается следующим образом: «Да Касим же спросил Ивана: «С каким делом едешь от своего государя к нашему государю?» И Иван сказал: „Послал, господине, государь мой, царь и великий князь, к брату своему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте"»²⁸. Эта традиция со временем не менялась.

Другим характерным примером может служить сцена взимания пошлины с русских послов, описанная в статейном списке П. И. Потемкина во время его посольства в Испанию и во Францию: «И тот откупщик увидел у посланников образы окладные Спасов да Пресвятые Богородицы, и говорил: «Не только де с вашего посольского платья и со всякой рухледи, пошлину возьмет и с образов, что на них оклады серебряные с камнем и з жемчюги». И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Враг креста Христова, как ты не утрашился так говорить... скверный пес, не токмо было тебе с тех пречистых и святых икон пошлина иметь, и с посольского платья и с рухледи никоими меры иметь было не мочно, потому: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, для великих их государских дел и для брацкой дружбы и любви; а купецких людей и товаров никаких с нами нет, для того и пошлин иметь тебе с нас было немочно"»²⁹.

В отчетах приводились пространные описания географических особенностей страны, облика городов, подробности быта и т. д. Так, будучи в Праге, посол Л. Новосильцев (1584—1585 гг.) описал собор Святого Вита: усыпальницу императоров, императорские конюшни, зверинец, зимний сад с оранжереями и находившуюся там коллекцию печатей. «Да ездил Лука и костелу цесареву и на конюшни и в зверинцы смотрити, как их чин ведется. И в костеле алтарь великий, по их вере святое Вита, а приделов в костеле одиннадцать, а среди костела четыре гробницы, а около их железная ограда, а в тех гробах лежат цесари: Фредерих, Карлус Четвертый, Фердинанд, Максимилиан... Да на конюшне яз на аргамачье на цесарской был в городе близко двора цесарского; и на конюшне аргамаков семьдесят четыре да десять жеребцов неметцких. Да был есми в саду его в зверинце, от посаду с полверсты двор его устроен, и около ограда велика камена, и в саду полаты на подклетех и место великое, а звери в нем козы дикие. Да был есми в городе цесарском любимом его, где сам часто гуляет; и в нем полаты на подклетех,¹ а под полатами погребы, где на зиму ставят розные цветы; да в нем же колодезей с пятьдесят возведены, а разгорожен на четверо, а в них устроенье великое и печати розных земель; виноград и лимоны и гвоздики и всякие зелья тут растут, и переходы по огороду поземные и чердаки, а кругом огорода стена камена»³⁰.

В статейном списке послов Я. Молвянинова и Т. Васильева (1582—1583 гг.) содержится подробное описание Венеции: «...А город Венеция стоит не на море, на заливе морском, на мели, на островах и в разных местах; а до болшого моря от города Венеции до берегу версты с две; взливается под город морская вода и отливается назад в море, в день и ночь по шти часов: шесть часов воды убывает, а шесть прибывает., а винограды и сады всякие по монастырем и по городу во многих местах; а меж домов улицы речки, а иные

воды перекопные; а река большая скрозь посаду прошла и пала в море в том устье, где к Венеции ворота морские, а корабли тою рекою под Венецию проходят»³¹.

Русские послы с интересом наблюдали непривычные для них нравы и обычаи других народов. В этом отношении показательное описание послом Федором Андреевичем Писемским танцев при дворе английской королевы Елизаветы: «А в те поры учили в той столовой полате играте игрецы в сурны и в трубы и в ыные во многие игры; а дворяне королевнины з боярынями и з девицами учили танцевати. И советники ж Федору и Неудаче говорили: „В том де государыни нашей королевны Елизаветы не осудите, что при вас танцуют; у государыни у нашей у королевны в обычае так ведетца: по вся дни после стола живут потехи и танцеванье". И Федор, и Неудача говорили: „Волен бог да королевна нас для; ей у себя чинов не переставить; как ей годно, так и чинит"»³².

Внутренняя структура статейных списков в основном закрепляется к середине XVII века. Как правило, они начинаются с рассказа о путешествии посла в то или иное государство, день за днем излагают историю его пребывания за границей и завершаются описанием обратного пути.

Такая форма дипломатических отчетов просуществовала до первой четверти XVIII века, когда Россией была принята система постоянных дипломатических представительств за рубежом. Регулярно поступавшие оттуда сведения сделали ненужными статейные списки, и составление этих отчетов постепенно прекратилось.

Среди посольской документации выделяется группа материалов, связанная с возвращением дипломатов на родину. Во время последнего приема глава государства прощался с послами, передавал поклон великому князю и сообщал, что пошлет к нему своего посла. По мере надобности российским послам вручались так называемые ответные грамоты, почти дословно повторявшие содержание «верющей». В конце ее излагался ответ. Посольство вообще считалось несостоявшимся без последнего приема. Когда французский король Людовик XIII из-за внутривосточных распр отказал русскому посланнику И. Г. Кондыреву в прощальной аудиенции, тот поехал за королем в другой город, добился аудиенции и вернулся с ответной грамотой. Послам устраивались торжественные проводы до того места, где их в свое время официально встречали, а затем они ехали до границы с приставом. На русской границе дипломатов ждали русские приставы, сопровождавшие их к великому князю.

Во время поездки глава посольства вел переписку с Посольским приказом. Сразу же по прибытии на родину он отправлял с гонцом в Москву краткий отчет о результатах посольской миссии. В нем сообщалось о дате возвращения, о содержании ответной грамоты с целью оперативного отражения результатов посольства.

По возвращении в Москву все материалы посольства передавались в Посольский приказ. Документация, связанная с пребыванием дипломатов за границей, объединялась в группу «приезд» и, как правило, начиналась с ответных грамот. Сюда входили также статейные списки.

После того как царь совместно с думным посольским дьяком выслушивали отчет посла, начинались «распросные речи». Текст их фиксировался, и записи представляют собой свидетельства различных лиц (посла, дьяка, подьячего или переводчика), касавшиеся чаще всего поведения членов посольства, конфликтов между ними, а также отдельных деталей хода переговоров. Вели «распрос» думный дьяк и его товарищ.

Характерным примером могут служить «распросные речи» С. М. Ушакова, С. Заборовского и переводчика Т. Фо-небича. Поводом для «распроса» явилась грамота императора Матиаса («ответ господам послам»), в которой не упоминалось о царе Михаиле Федоровиче. В результате нескольких «распросов» стало известно, что послы «Степан и Семей пили и меж себя бранились и неодинова... да Степановы ж люди, напився пьяни и сидя в ночи долгое время, зажгли были в хоромех постелю...» и т. д. Вследствие этих и других поступков послы получили ответную грамоту без царского титула³³.

«Распросные речи» посланников в Империю (1658— 1659 гг.) стольника Я. Н. Лихарева и дьяка И. Пескова содержат целый список преступлений, в которых дьяк обвинял стольника: солдат, сопровождавших посольство, «бил он и увечил... а иных изувечил, руки переломал, во время ночлегов стоял на особых дворах и держал у себя толмача, чтоб его потешал и с племянником песню «березу» пел... пожелал именоваться князем... велел называть себя не посланником, а послом... а имени Пескова поминать не велел»³⁴. В свою очередь, глава посольства жаловался, что дьяк Песков «его бесчестил, лаял дураком, глупым называл, и говорил, что он во всем знает больше его и всякое дело ему за обычай»³⁵ и т. д.

«Распросные речи» были своего рода дополнением статейного списка и завершали посольскую документацию группы «приезд».

Документация иностранных посольств входила в посольские книги и, подобно упомянутым выше русским документам, также делилась на группы «приезд» и «отпуск». В XV—XVII веках иностранные послы приезжали в Россию «по случаю», а тип посла-резидента появился уже в XVIII веке.

Создававшийся в течение нескольких столетий посольский обычай Российского государства вобрал в себя многие черты придворных церемониалов и дипломатических норм удельной Руси, Польско-Литовского государства, стран Западной Европы, Византии, татарских ханств и некоторые элементы народной бытовой обрядности. Дипломатический церемониал строго соблюдался как русскими, так и иностранцами.

На границе послов встречал пристав, высланный навстречу воеводой пограничного города. Представители обеих сторон зорко следили за тем, кто раньше снимет шапку, наблюдали, чтобы не сделать лишнего шага навстречу друг другу и ехать «о высокую руку», то есть с правой стороны. «Приставы — это наши церемониймейстеры»³⁶, — писал австрийский дипломат Д. фон Бухау, посетивший Россию в 1575 году. По дороге приставы обеспечивали охрану, снабжение и ночлег послов.

В XVI веке послов, как правило, провозили через города, где собирали дворян и детей боярских, чтобы представить государство многолюдным и богатым. За несколько верст до Москвы посольство останавливалось в ожидании разрешения на въезд. В назначенный день навстречу выезжали новые, московские приставы, а из царской конюшни высылались возки, кареты и верховые лошади. Часто разгорались жаркие споры о том, кому следует первому сойти с лошади, и если не приходили к соглашению, то все сходили одновременно. Немецкий дипломат С. Герберштейн похвалялся тем, что обманул «москвитов», сделав вид, что первый готов сойти с лошади. Затем пристав читал приветствия от имени царя и садился в карету к послу, предварительно поспорив о том, какое место он займет в ней.

Для размещения особенно часто приезжавших в Москву послов — крымских, ногайских, польско-литовских и английских — уже в XVI веке существовали особые дворы, а с начала XVII века в Китай-городе на Ильинке (ныне улица Куйбышева) был устроен особый Посольский двор.

Чем выше был ранг посла, тем торжественнее обставлялось его следование во дворец. «Важно было показать чужестранцам могущество князя, а таким посольствам от иностранных государей явить всем его величие»³⁷. Въезд в Москву и следование посольского поезда на аудиенцию обставлялись с поражающей иностранцев пышностью. Улицы, по которым проезжало посольство, заполняли толпы нарядных москвичей, ближе к Кремлю рядами стояли вооруженные стрельцы. Впереди процессии также шли стрельцы, затем везли подарки царю — причудливые серебряные сосуды, коней и всякие заморские диковины. Так, в 1692 году среди подарков, привезенных персидскими послами, были живые лев и львица.

Въехав в Кремль, послы должны были спешиться на некотором расстоянии от дворцовых лестниц. В приемную палату входили двумя путями. Один, более длинный, вел через лестницу и паперть Благовещенского собора, другой — через среднюю лестницу и

Красное крыльцо. Первыми шли обычно посланцы христианских государей, вторыми — мусульманских. Перед послами шел секретарь посольства, высоко подняв в руке верительную грамоту, завернутую в камку (шелковую ткань). На лестнице и в покоях, через которые проходили послы, стояли дворяне, приказные люди и гости (купцы) «в золотом платье» и в меховых шапках, а низшие чины — в «чистом платье». Прием проходил в различных палатах дворца — в Столовой, в одной из Золотых подписных, иногда в Грановитой. Вот как изображен в хивинских делах прием посольства Нарбуна Авеза Багадыря в 1636 году: «А государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси в то время сидели в средней в золотой в подписной палате в своем царском месте в царском платье и в диадеме со скифетром. А яблоко стояло на столице от государя по правую сторону. А при государе стояли рынды в белом платье и золотых чепях. А бояре и окольные сидели от государя в левую сторону в золотом платье и в черных шапках. А в проходной палате и в сенях сидели дворяне и дьяки, и гости в золоте же и в черных шапках. А по крыльцу стояли дворяне и дети боярские и подьячие в чистом платье. А как посол вошел к государю в палату, и явил его государю челом ударить думный дьяк Федор Лихачев. И государь пожаловал, спросил посла о здоровье. И посол на государеве жалованье бил челом. А после того думный дьяк Федор Лихачев говорил послу речь. А как Думный дьяк Федор Лихачев изговорил и дал послу грамоту, и государь приказал к Исмендиарю царю с послом поклон сидя. И пожаловал посла к руке и клал на него свою царскую руку. А после того велел государь послу сказать свое государево жалованье, в стола место корм и отпустил его на подворье»³⁸.

В день аудиенции полагалось угощение послов царским обедом. Следует отметить, что во многом церемониальные нормы московских официальных обедов опирались на народные традиции и обряды. Перед началом обеда царь рассылал всем присутствующим за столом хлеб, что символизировало гостеприимство. В посольских книгах иногда говорится, что царь посылал «корки». Кроме хлеба обязательным видом «подачи» было лебединое мясо. Лебедей вначале приносили неразрезанными на больших блюда, затем уносили и вновь приносили уже разрезанными на куски. Царь сам рассылал куски гостям, в том числе к членам посольства. Отмеченный высокой милостью гость вставал, кланялся царю и на все четыре стороны. (В XVII в. вместо парадного обеда угощение непосредственно доставлялось послам на двор.) Во время обеда по определенному церемониалу произносились здравицы в честь царя и того государя, которого представляло посольство. Через несколько дней после торжественной аудиенции назначалась вторая, во время которой царь сообщал послам, что, ознакомившись с содержанием «верющей» грамоты, он назначил несколько бояр «в ответ» (для переговоров). Иногда приемы у царя происходили по несколько раз, а по окончании их назначалась последняя, прощальная аудиенция.

Среди документации Посольского приказа, относящейся к приездам иностранных послов, сохранились не только описания приемов, но и многочисленные грамоты, договоры, ратификации и т. д. Особое место занимают записи речей иноземных дипломатов. Преследуя свои дипломатические цели, посланники разных стран передавали российским государям массу различных сведений о тех или иных событиях. Речи послов фиксировались в посольских книгах и служили дополнительным источником информации для выработки внешнеполитического курса Российского государства.

Например, гонец Максимилиана II Магнус Паули, прибывший летом 1573 года в Россию, поведал Ивану IV о «кручинах» императора. Этот рассказ связан с событиями Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.) и записан посольской книге следующим образом: «...Король францовский воевался с королем нафарским, а воевая, умыслил злодейским обычаем, чтобы с ним помириться, а помирився, заговорил сестру свою за нафарского короля. И король нафарского, зятя своего, изымал и посадил в тюрьму, и ныне сидит в тюрьме, а людей его, всех бояр и дворян и всяких людей и 3 женами и 3 детьми то же ночи побил до одинова, а сказал — побил их для веры, что они не его веры, да

которые и его земли и то же веры с тел королем з нафарским, а францовской не той веры, и король францовский и тех побил; всего в то время побил всякого человека и со младенцы до ста тысяч. И королю и всея цысарской области и всем крестьянским государем пригоже о том болезновати и кручинитися, а с тем злодеем со францовским не знатца, кроме над ним мстить: то, чего ни в которых землях не бывало, что он учинил»³⁹.

Описание Паули правдиво передает события, связанные с Варфоломеевской ночью: рассказывается о борьбе протестантов и католиков во Франции, о женитьбе наваррского короля Генриха на Маргарите Валуа, сестре французского короля Карла IX, и жестоком избиении по приказу Карла IX съехавшихся по случаю свадьбы в Париж гугенотов, а также горожан Парижа.

В этой же посольской книге имеется текст ответной грамоты царя Ивана IV императору Максимилиану II со словами: «А что... скорбеть о кроворазлитие, что учинилось у францовского короля в его королевстве, несколько тысяч и до сущих младенцев избито, и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество францовский король над толиким народом учинил и кровь толикую без ума пролил»⁴⁰.

По-видимому, вся посольская документация подготавливалась подьячими с использованием архива Посольского приказа, а затем ее правил думный дьяк или его товарищ. Редакторская работа состояла в правке столбца и отборе документов для переписывания в книгу, после чего соответствующие места столбца списывались почти без изменений. Порядок и очередность появления посольских книг обуславливались непосредственным доводом (отправлением и приездом русских и иностранных посольств).

Состав и расположение документов внутри столбца — один из ключей к пониманию международной расстановки сил и политической борьбы того или иного периода. Поэтому каждая посольская книга сама по себе приобретает характер особого исторического источника, является своего рода архивом по тому или иному дипломатическому вопросу, который решался в ходе посольств. Достаточно сказать, что более чем из 760 книг, хранящихся сегодня в Центральном государственном архиве древних актов, ни одна не имеет одинакового количества листов. Книги различали по формату, который, по понятиям того времени, обозначали так: в лист, в четвертку (в четверть листа), в восьмушку (в половину четвертного листа). В делопроизводственной практике Посольского приказа наиболее Распространены были книги в четвертку.

При составлении и хранении посольских книг принимались меры для их долгой сохранности. Посольский приказ снабжался бумагой хорошего качества, о чем говорит «память» думному дьяку Посольского приказа Ф. Ф. Лихачеву, где указано «впредь в Посольский приказ имать бумагу ис приказа Большой Государевой Казны, а из рядов бумаги имать не велеть. И сколько бумаги в Посольский приказ на расход в год надобе и о том велети отписать... и ту бумагу... к вам в Посольский приказ пришлют»⁴¹. Столь же основательные меры принимались о надежной сохранности посольских книг. В 1640 году в Посольском приказе были переплетены старые посольские книги, потому что «у них старая переплетка и кожа погнила и развалилась, а иные починены в старых кожах»⁴².

Как уже говорилось, посольские книги составляли: значительную часть Царского архива XVI столетия, а затем легли в основу архива Посольского приказа. При поступлении в архив книги и столбцы посольских дел размещались в бархатных, дубовых и окованных ящиках, осиновых коробьях и холщовых «мехах». В распределении посольских документов к концу XVI века можно заметить определенную систему. Две основные группы составили дела европейских государств и дела «азиатские». Внутри этих групп документы были систематизированы на подгруппы. Дела европейских государств распределялись следующим образом: 1) польско-литовские, валашские, греческих патриархов; 2) имперские, папы римского, прусские; 3) английские, вольных немецких городов, датские, шведские, ливонские. Документы по сношениям России с государствами Востока также имели подгруппы: 1) турецкие, персидские, крымские; 2)

ногайские, астраханские, казанские, шемаханские, сибирские, казацкие, бухарские, грузинские, черкесские, ургенчские, калмыцкие.

Вероятно, такая группировка посольских документов была связана с тем, что к середине XVII века в Посольском приказе оформились пять подразделений (повытий): три — для стран Европы и два — для государств Востока.

В 1724 году по указу царя Петра I был образован Московский архив Коллегии, а затем Министерства иностранных дел. Коллегия поручила архивариусу Алексею Почайнову разобрать и описать дела Посольского приказа, Посольской канцелярии и Комиссии иностранных дел, хранившиеся в Петербурге и Москве. К этому времени дела Посольского приказа находились уже в беспорядке, так как часто переносились из одной палаты в другую из-за ветхости здания приказов.

В связи с тем, что подьячие архива теряли много времени на подыскание дел, необходимых для текущей деятельности Коллегии, началась работа по упорядочению дипломатической части архивного материала. В первую очередь были выделены договоры с иностранными государствами, которые с грамотами этих же государств были расположены по странам. Затем документы разобрали по видовому признаку: столбцы, тетради, книги, «рознь». Таким образом, материалы Посольского приказа разделили на группы, которые уже не соответствовали функционально обусловленному разделению Посольского приказа на повытья. Выдающийся археограф Н. Н. Бантыш-Каменский в конце XVIII века составил несколько десятков реестров (перечней) дипломатического архива, закрепив собрание по фондам, которые создавались по отдельным странам. Указанное разделение и классификация сохранились до наших дней, и сегодня историки пользуются многочисленными реестрами, составленными с удивительной скрупулезностью Н. Н. Бантышем-Каменским.

Посольские книги использовались не только как дипломатические документы, но и как свидетельства государственной деятельности представителей того или иного рода. Статейные списки и указы, пользовавшиеся спросом у читателей того времени, часто включались в рукописные исторические сборники XVII—XVIII веков. Это было своего рода занимательное чтение о жизни, быте и нравах других народов.

С XIX века использование посольских книг неразрывно связано с их публикацией и изучением как исторического источника.

3

«Посольских дел оберегатели»

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ВИСКОВАТЫЙ

Кого можно считать первым российским дипломатом? На этот вопрос вряд ли можно ответить однозначно. Если же говорить о руководителях Посольского приказа, то первым известным нам был Иван Михайлович Висковатый. Фамилия Висковатый (Висковатые) происходит от слова «висок» — вихрастый¹. Характер, по-видимому, яркий, самостоятельный. Какова же была жизнь человека, стоявшего во главе российской дипломатии и разделившего трагическую судьбу многих своих соотечественников в бурные годы царствования Ивана Грозного?

Ранее мы упоминали 1549 год, когда было «приказано посольское дело Ивану Висковатого». Тогда он был еще в подьячих, то есть не высок чином. Видимо, не без достаточных оснований 16-летний Иван IV через два года после того, как в 1547 году венчался на царство, указал ему «ведать посольское дело». А осенью 1570 года И. М. Висковатый был казнен по подозрению в измене. Что же произошло за эти двадцать с небольшим лет? Срок весьма значительный, учитывая крутой нрав Ивана Грозного. По отдельным сохранившимся сведениям мы можем в общих чертах воссоздать жизненный путь Висковатого².

Происхождение и дата рождения И. М. Висковатого нам неизвестны. Впервые его имя встречается в документах 1542 года. Из них мы узнаем, что он — подьячий и писал перемирную грамоту с Польшей³. Следовательно, он был достаточно грамотным человеком и к тому же доверенным лицом, приставленным к посольскому делу.

Поначалу худародный Иван Михайлович не слыл любимцем царя, но впоследствии влияние на него оказывал большое и благодаря своим природным дарованиям поднялся на высшие ступени служебной лестницы. Протестантский пастор и публицист Павел Одерборн так характеризовал Висковатого: «Муж искусством красноречия замечательный более прочих»⁴. Составитель Ливонской хроники Б. Руссов писал: «Иван Михайлович Висковатый — отличнейший человек, подобного которому не было в то время в Москве: его уму и искусству как московита, ничему не учившегося, очень удивлялись иностранные послы»⁵.

Итак, его имя упоминается в посольских делах еще до назначения главой Посольского приказа. Видимо, немалым усердием и активностью в политической борьбе отличался Висковатый.

В 30-х годах XVI в. было немало людей, связанных с организацией посольской службы, ведением дипломатических переговоров, а также причастных к хранению, описанию и систематизации посольских документов. Особенно часто упоминаются дьяки Меньшик Путятин, Федор Мишурин, Бокака Карачаров⁶. Но с января 1549 года в посольских книгах все чаще встречается указание на то, что привезенные послами грамоты царь приказывает принимать И. М. Висковатому. Его отправляют и с дипломатическими поручениями. Так, 2 января 1549 г. он был послан к ногайским послам. 17 января — к бывшему астраханскому «царю» Дербышу. Важно отметить дату 22 января, когда «с ответом к литовским послам ходили» бояре В. М. Юрьев, П. В. Морозов, дьяки И. Е. Циплятев, Б. М. Карачаров и подьячий (!) И. М. Висковатый. Тогда же в присутствии иностранных послов царь приказал называть подьячего Висковатого дьяком: «А велел его послом сказати дьяком»⁷. Официальное повышение состоялось несколькими месяцами позже и было связано с назначением Висковатого начальником Посольского приказа. При окончательном выборе главы дипломатического ведомства не обошлось, вероятно, и без влиятельных покровителей.

С этого времени начинается активная деятельность Висковатого в качестве главы Посольского приказа. Об этом, в частности, говорят многочисленные записи за разные годы, сделанные в дворцовых документах (разрядах). Так, приехавшие в Москву в мае 1553 года ногайские послы были приняты «в дьячьей избе у дьяка Ивана Михайлова». (В документах XVI в. фамильное прозвание нередко опускали и ограничивались только именем и отчеством.) 7 октября 1556 г. литовскому посланнику поел аудиенции велено было «итти в дьячью избу Ивана Михайлова дожидатися стола». 13 января 1559 г. царь вслед написать посланнику датского короля и магистра прусского, «чтоб он с немцы приехал к Москве на площадь в избу к дьяку Ивану Михайлову... а на подворье бы с немцы не заезжали нигде». Прибывший 4 сентября 1559 г. ногайский посол на другой день был «в дьячьей избе у Ивана у Михайлова и грамоту Исмаилову взял у него дьяк Иван Михайлов». 7 декабря 1559 г. повелел царь литовскому посланнику «быть в городе в Иванове избе Михайлова»; там же были окольниковый Алексей Адашев и казначей Федор Сукин. Подобных свидетельств можно привести немало⁸. С 1549 по 1559 год Москву посетили 32 посольства из разных стран. В переговорах со всеми из них обязательно участвовал Висковатый, в то время как глава Избранной рады, фактический глава правительства А. Ф. Адашев принимал участие 15 раз, казначей Ф. И. Сукин — 6 раз, другие приближенные царя — 1—3 раза⁹. Круг обязанностей И. М. Висковатого как руководителя Посольского приказа был чрезвычайно широк. Он ведал перепиской царя и Боярской думы с иноземными послами, участвовал в предварительных переговорах, решал вопросы, связанные с приездом и пребыванием в Москве иностранных дипломатов, занимался организацией отправления русских посольств в разные страны.

Как ближний государев дьяк Висковатый, согласно установившемуся обычаю, делал записи, которые затем использовались в качестве заготовок для официальной! летописи. Но дело этим не ограничивалось. Став главой Посольского приказа, Иван Михайлович получил в свое ведение Царский архив, содержащий огромное количества рукописных книг и различных государственных актов московских великих и удельных князей, их родословные, правительственное делопроизводство, всю документацию внешнеполитического характера, а также различные следственные материалы.

В конце XV — первой половине XVI века Царский архив находился в ведении великокняжеских дьяков, каждый из которых имел ларец для текущей документации, Во второй половине XVI века Царский архив окончательно оформляется в самостоятельное учреждение во главе с посольскими дьяками. Первым из них стал И. М. Висковатый.

Решая дипломатические задачи, И. М. Висковатый и его подчиненные в первую очередь должны были учитывать всю историю взаимоотношений с другими странами. Иначе невозможно было наводить справки, делать выписки, ссылки на более ранние переговоры, грамоты и т. д.

Систематизация государственного архива и организация его текущего делопроизводства стали одной из первых задач И. М. Висковатого. А трудности были немалые. Дело в том, что архив сильно пострадал от пожара в Москве, случившегося в жаркие летние дни 1547 года. Современники называли этот пожар «великим», «большим», в летописях сказано, что «казна великого царя погоре... вся»¹⁰. Необходимо было составить перечневые описи уцелевших архивных материалов, памятки об утраченных документах и уже после этого новые черновые и беловые переписные книги архива. В переписных книгах сохранилось большое количество помет, свидетельствующих о том, что именно Висковатый возглавлял работу по описанию документов Царского архива: «По Ивановым книгам Михайлова», «По Ивановым Михайлова книгам», «По Ивановым книгам». После назначения Висковатого главой Посольского приказа пометы были другие: «При дьяке при Иване Михайлове», «По Иванову письму Михайлова», «По Иванову письму»¹¹. В переписных книгах Висковатый оставлял пометы об использовании документов в текущей работе, то есть о выдаче их по требованию в различные государственные учреждения (личная казна царя, приказы и т. д.). Встречаются, например, такие записи: «взяты к государю», «у государя», «у государя в казне». Специальные чистые листы в книгах оставлялись для фиксирования возможных новых поступлений. В подведомственный И. М. Висковатому архив Иван IV передал важнейшие документы династического характера (духовные грамоты, «Свадебные книги»). Весной 1555 года в связи с женитьбой князя Владимира Андреевича Висковатому поручили «свадебный разряд ведать» (т. е. составить роспись придворной церемонии)¹². Появляются и новые книги с записями текущих дел.

Но не только благодаря усердию продвигался Иван Михайлович по службе. Кто-то стоял за его спиной, опекая и поддерживая в трудные минуты жизни. Вероятнее всего, это были родственники первой жены царя Ивана IV Анастасии — Захарьины. Они с давних пор благоволили к Висковатому, особенно после болезни царя, случившейся в 1553 году. Состояние царя было настолько тяжелым, что со дня на день ждали его кончины. В этот критический момент, заботясь о судьбе государства, Иван Михайлович напомнил государю о духовном завещании. Оно было составлено с его помощью в пользу полугодовалого наследника — царевича Дмитрия, сына Ивана IV и царицы Анастасии Романовны. В то же время царская родня Старицкие, опасаясь возвышения родственников жены царя, втайне готовились захватить престол. Двоюродный брат Ивана — Владимир Андреевич Старицкий и его мать Ефросиния, поддерживаемые знатными боярами, открыто не желали присягать младенцу — «пеленочнику» Дмитрию. Сторону Старицких принял духовник царя Сильвестр. Другой любимец царя Алексей Адашев бездействовал, но в последнюю минуту присягнул младенцу Дмитрию. Между тем отец Алексея Адашева Федор призывал присягать Старицким. Была тогда между

боярами «брань большая, крик и шум», но в конце концов большинство поцеловало крест царевичу Дмитрию. Честь же держать крест выпала по воле Захарьиных Висковатому. Царь вскоре оправился после болезни и приблизил к себе верных слуг, в том числе и Висковатого¹³.

Рядом с царем было немало людей, оказывавших определенное влияние как на него, так и на всю политику Российского государства. Одним из них был митрополит Макарий. О Макарии известно, что «был он всегда исполнен премудрости, разума духовного и чистой любви». Именно благодаря ему в 1551 году был созван знаменитый Стоглавый собор для очищения церкви от всех недостатков пороков. Макарий снискал особенную любовь народа многими своими талантами, но прежде всего даром мудрого учительства. И если царь Иван IV значение царской власти видел прежде всего в том, чтобы получить права в борьбе против своих врагов, то митрополит Макарий надеялся поощряя его, укрепить державный дух в молодом государстве и заставить его заняться государственными делами и сделать Россию достойной называться «третьим Римом».

По рекомендации Макария прибыл в Москву из Новгорода иерей Сильвестр, бывший в дружбе с митрополитом. Человек книжный, он стал вскоре священником царской домово-Благовещенской церкви и учил царя всякой мудрости. Не забывая при этом напоминать, как надо детям чтить отца своего духовного и повиноваться ему во всем. Много полезных советов содержал знаменитый «Домострой» Сильвестра — сборник правил «мудрости небесной житейской»¹⁴. Свое сочинение Сильвестр написал в форме отеческого наставления отца сыну по ведению хозяйства, учил в нем кротости, терпению и всякой христианской добродетели для приобретения людской благосклонности. Не случайно позднее Иван Грозный жаловался, что при Сильвестре ему ни в чем не давали воли, все делалось по желанию наставников, он же был как младенец.

Но не только Макарий и Сильвестр влияли на царя. В 50-е годы почти все государственные дела решались царем совместно с узким кругом приказной бюрократии. Это была своего рода партия радикальных реформ, получившая наименование «Избранная рада». В основном она состояла из активных, образованных служилых людей великокняжеского двора — дворян. Одно время фактически они и управляли страной, при этом владели землей (поместьями), пока служили при дворе. Старая боярская аристократия, желая упрочить свое положение, выдвигала на политическую арену своих ставленников — наиболее способных неродовитых дворян, «приказывая» им исполнять те или иные государственные дела. Одним из них был И. М. Висковатый. Но первым любимцем царя стал не он, а А. Ф. Адашев. Мелкий костромской землевладелец, он добросовестно служил сначала в Челобитном, а затем Казенном приказах. Вскоре он получил чин государственного казначея, вошел в состав Боярской думы, позже начал «править Русскую землю».

Не имея реальной власти, высшая приказная бюрократия постепенно превратилась в инициатора идей преобразования жизни государства не только во внутренней, но и во внешней политике.

Основным направлением внешней политики в середине XVI века стало восточное. В 1552 году было завоевано Казанское ханство, в 1556-м — Астраханское. Благодаря этим победам Российскому государству стали доступны плодородные земли Среднего Поволжья, богатые восточные рынки, волжский торговый путь. Инициаторами завоевания Казани и Астрахани, вдохновителями побед Ивана Грозного были А. Ф. Адашев и его кружок. Висковатый хотя и сопровождал царя в Казанском походе, но, по свидетельству немца-опричника Генриха Штадена, бывшего на службе в России, «был не прочь, чтобы крымский царь заорал Русскую землю..., был расположен ко всем татарам и помогал им»¹⁵. Нет также сведений об участии Висковатого в реализации восточного курса внешней политики России. Сам царь обвинял Висковатого в том, что он ссылался с Крымом и наводил на Русь бусурманство»¹⁶. Активно вел себя глава Посольского приказа там, где вопросы внешней политики касались Западной Европы.

Во второй половине XVI века Россия, не имевшая доступа к берегам Балтийского моря, осуществляла связь с Европой через побережье Белого моря. В 1553 году там бросил якорь английский корабль под командованием Ричарда Ченслера. Иван IV пригласил англичан в Москву, и они с изумлением увидели величественного русского царя, сидящего в золотом платье на троне, с огромным скипетром в руке. После пышного приема Ченслер получил дружественную грамоту для короля Эдуарда VI. В 1555 году Ченслер вновь приехал в Россию с двумя агентами торговой компании. После официального приема переговоры с ними вел И. М. Висковатый совместно с «лучшими» московскими купцами. Иван Михайлович понимал значение торговых сношений России с Англией. В результате его стараний англичане получили льготную грамоту со множеством привилегий. Получив выгодные условия, Ченслер отправился в Англию, вместе с ним отбыл русский посол Осип Непея. После многотрудного и опасного морского пути Непея прибыл в Лондон и был принят с большим почетом королем Филиппом, сменившим на престоле Эдуарда VI. В благодарность за льготы английским купцам Филипп и Мария разрешили русским подданным так же свободно и беспошлинно торговать в Англии и при этом полностью брали их под свое покровительство. Был разрешен свободный въезд в Россию художников, ремесленников, различных мастеров, медиков, «рудознатцев» и т. д. Дружественные дипломатические связи России с Англией, выгодная торговля, военная и экономическая помощь продолжались вплоть до второй половины XVII века. Современники даже называли Ивана IV «английским царем». Однако суровые природные условия на Белом море не способствовали в полной мере развитию российской торговли. Для установления широких экономических связей с передовыми странами Западной Европы нужен был выход в Балтийское море. Но Польша, Литва и Ливония фактически держали Россию в блокаде, не позволяя ей реализовывать экономические и военные интересы. В то же время господства на Балтийском море добивались Швеция и Дания. Для Москвы из-за положения у моря была особенно желанна Ливония. В описываемое время главную военную силу на ее территории представлял духовный рыцарский орден меченосцев. Магистр ордена жил в замке Венден, и под его контролем было более 50 замков. Верховная власть ордена и епископов распространялась на крупнейшие торговые города Ригу, Ревель (Таллинн), Дерпт, Юрьев (Тарту), Пернаву (Пярну), Вольмар (Вальмиера), Нарву и др. Военная организация ордена в те годы находилась в полном упадке.

Москва наследовала древнюю новгородскую торговлю с Балтийским побережьем. Через Новгород и Псков она торговала с Ригой, Ревелем, Нарвой и получала от них европейские товары. Ливонские купцы стремились держать в своих руках все торговое движение, не пускали русских людей к морю, а иностранцев в Россию. К тому же ливонцы старались не пропускать в Москву серебра, оружия и других «заповедных» товаров, а также мастеров. Одним словом, они заботились о том, чтобы всячески мешать усилению Москвы. Московское правительство желало освободиться от ливонского посредничества, завладеть морскими гаванями и вступить в прямые торговые сношения с Европой. В 1558 году русские войска вошли в Ливонию, и началась война, затянувшаяся на 25 лет.

С первых же дней войны в правительстве образовались две партии. А. Ф. Адашев и его кружок считали необходимым продолжение военных действий на юге с крымскими татарами и Турцией. Московское же дворянство вместе с начальником Посольского приказа Висковатым было решительным сторонником Ливонской войны. Программа борьбы за Прибалтику отвечала их интересам. Дворянство рассчитывало на новые поместные раздачи земель и расширение торговли со странами Восточной и Западной Европы.

В ходе военных действий под ударами русского оружия Ливонский орден распался. Весной 1558 года была взята Нарва, летом того же года сдался Дерпт, нависла угроза над Ригой и Ревелем. Победное завершение войны в Ливонии было совсем близко,

но Адашев, руководивший войсками, не воспользовался благоприятным моментом, и вскоре наступление приостановилось. Более того, в разгар успешных военных действий русских войск в Ливонии по настоянию Адашева было заключено перемирие с орденом на время с мая по ноябрь 1559 года. Неожиданный поворот в военных и политических планах русского правительства произошел вследствие борьбы по вопросам внутренней и внешней политики, которая происходила в конце 50-х годов при дворе Ивана Грозного. Прекращение военных действий в Ливонии непосредственно связано с началом похода брата Адашева — Даниила в 1559 году на крымские улусы. Сильвестр, Адашев, Курбский и их сторонники считали, что война России с Крымом и Турцией, колонизация свободных южных земель более необходимы России в настоящее время, чем решение балтийского вопроса. Впоследствии на них Иван Грозный обрушил свое негодование по поводу затянувшейся войны в Ливонии.

Иную, в отличие от кружка Адашева, позицию занял по отношению к Ливонской войне И. М. Висковатый. Успехи русских войск в Прибалтике встревожили Литву, Польшу, Швецию и Данию, также претендовавших на ливонское наследство. Они попытались дипломатическим путем прекратить вспыхнувшую войну. Основную роль в заключении перемирия 1559 года сыграло посредничество датского короля, приславшего для переговоров весной этого года посольство в Москву. Во время переговоров Висковатый решительно заявил, что Дания не должна была принимать жалобы ливонцев, подданных московского государя. Обратившись к иностранным государствам, ливонцы уподобились неверным слугам, которые, укравши ночью у своего господина часть имущества, продают его другому. Он говорил, что московские государи не привыкли уступать кому бы то ни было покоренные ими земли; они готовы на союз, но только не для того, чтобы жертвовать своими приобретениями.

Вмешательство Литвы, Польши, Дании и Швеции, опиравшихся на ливонских феодалов, значительно осложнило борьбу Русского государства в Прибалтике. Но изменение внешнеполитического курса страны противоречило интересам дворянства и посадской верхушки. Да и сам Иван IV считал посредничество датского короля «лукавым», а перемирие 1559 года — чрезвычайно вредным для России¹⁷. С начала 1560 года военные действия русской армии в Прибалтике были возобновлены, а в результате конфликта правительственных группировок правительство Адашева пало.

В 1562 году русское командование приступило к крупным военным операциям против Литвы. В походе участвовал и Иван IV. При царе находилась посольская походная канцелярия, которую вместо Висковатого возглавлял дьяк Андрей Васильев. Оставшись в Москве, Висковатый принял датское посольство, и после предварительных переговоров был принят проект договора. Согласно ему, Дания отказывалась принимать участие в военных действиях против России.

Чтобы окончательно быть уверенным в успехе и обратить все силы против Литвы, Висковатый предпринимает по тем временам достаточно неожиданный для человека его звания и чина шаг. 12 августа 1562 г. Висковатый выезжает сам в Данию для подтверждения договорной записи. Для XVI века поездка за границу самого начальника Посольского приказа — явление весьма знаменательное. В столь ответственном и важном посольстве Ивана Михайловича сопровождал его родной брат Третьяк. Благодаря успешным переговорам были заключены союзный договор с Данией и 20-летнее перемирие со Швецией. Участие в посольстве расширило представления Висковатого о настоящем соотношении международных сил. Его личный дипломатический опыт несомненно способствовал в дальнейшем развитию и совершенствованию посольской службы.

Война с Ливонией шла с переменным успехом, победы сменялись поражениями. Ряд военных неудач 1564 года, измена близкого друга Ивана IV, члена Избранной рады и командующего русскими войсками в Ливонии князя А. М. Курбского сильно пошатнули позиции России в середине 60-х годов.

В 1566 году в Москву прибыло великое польское посольство для ведения переговоров о заключении мира. Польские послы не желали уступать России морской порт Ригу, а русские Польше — Полоцк и Смоленск. Переговоры зашли в тупик. И. М. Висковатый на специальном Земском соборе, в заседаниях которого принимали участие будущие преемники Висковатого братья Щелкаловы, настоятельно рекомендовал заключить перемирие, не требуя у Польши уступки спорных ливонских городов, при условии вывода оттуда польских войск и нейтралитета Польши в Ливонской войне. Но участники Земского собора высказались против этого и заверили правительство в том, что ради полного завоевания Ливонии они готовы на любые жертвы. В дальнейшем дипломатическая прозорливость Висковатого оправдалась. Неудачные переговоры 1566 года способствовали объединению в 1569 году на польско-литовском сейме в Люблине Польши и Литвы в единое крупное государство — Речь Посполитую.

Многочисленные свидетельства деятельности начальника Посольского приказа касались не только дел внешнеполитических. И. М. Висковатый слыл одним из образованнейших людей России того времени. Он так свободно владел слогом церковно-учительной литературы, что в свое время даже писал грамоты от имени митрополита Макария. Поэтому представляется далеко не случайным то, что он оказался в центре событий, связанных с «делом о еретичестве Матвея Башкина»¹⁸.

В конце июня — начале июля 1553 года на церковном соборе в Москве были осуждены один из радикальных религиозных мыслителей XVI века Матвей Башкин и его «единомысленные». Среди последних были «тверские дети боярские» Григорий и Иван Борисовы — троюродные братья и придворные матери Владимира Андреевича Старицкого — Ефросиньи. Ереси Башкина сочувствовал лидер нестяжателей старец Артемий — бывший игумен Троице-Сергиева монастыря. По мнению церковного собора, Башкин и его сторонники отрицали божественность Христа, церковную иерархию, таинства, критически относились к церковному преданию, житийной литературе. Божественные писания они считали баснословием, делая исключение только для книг Нового завета, но и те, как отмечалось на соборе, излагали «неистинно». Одним из тезисов Башкина было отрицание полного кабального холопства, более того, сам он стал держать своих людей «добровольно». Подобные идеи проповедовал несколько раньше Сильвестр. Во время суда над Башкиным 25 октября 1553 г. И. М. Висковатый в присутствии царя и бояр обвинил Сильвестра и протопопа Благовещенского собора Симеона в пособничестве еретикам. Выше упоминался «великий» пожар 1547 года в Москве. Тогда, помимо многих других бед, выгорел в Кремле придворный государев Благовещенский собор со многими находившимися в нем иконами. Царь поручил Сильвестру восстановить росписи, пострадавшие от огня. Макарий и Сильвестр вызвали иконописцев из Новгорода, Пскова и других городов. Под их наблюдением мастера расписали стены Золотой палаты аллегорическими сюжетами, близкими к античной мифологии, изображавшими юного царя справедливым судьей, храбрым воином, щедрым правителем, сюжетами из русской истории. Те же иконописцы расписали стены и написали новые иконы для Благовещенского собора. Таким образом Макарий и Сильвестр пытались воздействовать на внутренний мир молодого государя.

Против нововведений, не соответствовавших, как ему казалось, церковным канонам иконописания и заимствованных с Запада, и выступил И. М. Висковатый. На соборе, осудившем Башкина, он открыто заявил об этом. Но вскоре дело приняло иной оборот. Висковатый стал обвиняемым. Об этом свидетельствует определение церковного собора, данное «диаку Ивану Михайлову... к его душевному исправлению» за то, что он в течение трех лет «от своего мнения о тех святых честных иконах сомнение имел, и вопил и возмущал народ... в соблазн и поношение многим».

Висковатый подал митрополиту пространную «Исповедь» с изложением своих сомнений. Дерзкий дьяк, впавший, по словам Сильвестра, в «бесстыдство», потребовал,

чтобы его «список был извещен священным собором, то есть заслушан, и ему дали официальный ответ»¹⁹.

В результате 14 января 1554 г. Висковатого на три года отлучили от церкви. В первый год он должен был стоять около храма, каяться и просить входящих в храм помолиться за него; во второй — входить в церковь только для слушания божественного писания; в третий — находиться в церкви, но без права общения. Довольно грубо ему предписывалось «ведать свой чин» и не воображать себя «головой», будучи «ногой».

Служебное положение Висковатого не изменилось в связи с отлучением от церкви: он оставался главой Посольского приказа. Не исключено, что сам царь покровительствовал Ивану Михайловичу, поощряя его противостояние Макарию и Сильвестру.

Иван IV давно уже тяготился опекой Избранной рады. Ему казалось, что «поп» и бояре «снимают с него власть» и хотят сами вместо него «царством владеть». Отношение к ним царя еще более ухудшилось после смерти в 1560 году царицы Анастасии. Эти обстоятельства способствовали тому, что Висковатый на какое-то время занял одно из центральных мест в правительстве. Противники Избранной рады пустили слух, что царица умерла не своей смертью, а ее «счаровали» враги. Поскольку с родней царицы, Захарьиными-Юрьевыми, ближайшие советники царя враждовали, то подозрение пало на них. В Москве был созван собор, который осудил Сильвестра и А. Ф. Адашева как «ведомых злодеев», околдовавших царицу. Правительство объявило о конфискации костромских и переяславских земель Адашева. Сильвестр, пытавшийся предотвратить отставку Адашева, сначала был отпущен в Кириллов монастырь, а затем переведен на вечное заточение в Соловки. Находившийся под стражей в Юрьеве А. Ф. Адашев после осуждения умер в 1561 году, впад «в недуг огненный».

Расправившись с бывшими любимцами и освободившись от их опеки, Иван IV нуждался в новых советниках. Вероятно, поэтому 9 февраля 1561 г. он жалует Висковатого званием печатника, называет его «своим ближним и верным думцем»²⁰. С 1561 года Висковатый в дипломатических документах одновременно именуется печатником и дьяком. Немец-опричник Генрих Штаден, бывший на службе в России, свидетельствовал: «Кто получил свою подписную грамоту, должен итти к Ивану Висковатому, который хранил печать. Человек он гордый, и счастливым мог почитать себя тот, кто получал от него грамоту в течение месяца»²¹. Перед нами, таким образом, законченный портрет державного правительственного сановника с манерами, присущими истинному бюрократу. Другому современнику этих событий принадлежат следующие беспощадные слова о царе и его ближайшем помощнике Висковатом: «Секретарь тирана и заместитель казначея»²². Правая рука Ивана IV, Висковатый неоднократно произносил речи от его имени. Так, в 1561 году, когда шведы просили о частичном изменении практики обмена посольствами между Москвой и Стокгольмом, он говорил: «То дело надлежит тягостнее свыше всего, что прородители своих старина порушители»²³. В дипломатической практике часто использовались вь держки из документов Царского архива, ссылки на примеры прошлого. Послы украшали свою речь цитатами из библейских текстов, пословицами и афоризмами. Среди прочих Висковатому принадлежат слова: «А непожитьем меж государей всем их подданным лиха ся достанет, кабы и Адамова греха»²⁴.

Между тем, несмотря на внешнее благополучие, положение Висковатого не было столь безоблачным. После возвращения из Дании в ноябре 1563 года он постоянно назначается царем в состав боярских комиссий для переговоров с иностранными послами, но практически не занимается делопроизводством Посольского приказа. Во время пребывания Висковатого в Дании дьяк Андрей Васильев стал называться «Царского Величества думным дьяком» и оставался таковым в дальнейшем. Таким образом, летом 1562 года дело посольского дьяка И. М. Висковатого фактически переходит к Андрею Васильеву. Висковатый как глава Посольского приказа продолжал оставаться советником.

На протяжении 60-х годов XVI в. в России произошло немало драматических событий. Война за Ливонию, раздор царя с боярами, учреждение опричнины, измена Курбского, разгром земской оппозиции и «московское дело» — это далеко не полный перечень событий одного десятилетия. Какое место в это сложное время занимает Висковатый, какова была его общественная и гражданская позиция в ходе кровавых событий опричнины?

Документальных свидетельств о его деятельности по возвращении из Дании имеется очень мало. Мы знаем, что он, А. Васильев и ставленник Захарьиных Никита Фуников, стоявший во главе Казенного приказа, держали в своих руках важную приказную документацию. Влияние высшей приказной бюрократии возрастало. Оттесненная от власти, но еще сильная удельно-княжеская оппозиция все чаще обращала свои взоры в сторону Литвы. Предполагая возможное предательство и желая избавиться от инакомыслящих, Иван IV предавал опале удельных князей Бельских, Глинских, Воротынских, обвиняя их в намерении «поддаться» польскому королю. Одновременно гонениям подвергались «великие бояре»: Курлятевы, давние «сопротивники» князя Старицкие, Шуйские-Суздальские, Куракины. Преследовались все «сродники», друзья и даже соседи Сильвестра и Адашева. Первые места в государстве занимали военачальники, воеводы, сторонники решительных мер в борьбе с оппозицией. Среди них — А. Басманов-Плещеев, А. Вяземский и др.

Не имея твердой поддержки среди князей и части духовенства, опираясь на дворян, но не расширяя их сословных прав и привилегий, Иван IV присваивает себе неограниченную власть. В 1565 году он создает карательный корпус, личную гвардию — «опришнину», чтобы без совета с Боярской думой управлять страной. Началась полоса террора, жестокостей и насилий, деспотизма. Усилилась подозрительность царя.

Для оправдания репрессий необходимы были официальные документы, компрометирующие влиятельных лиц государства. Как говорилось выше, государственный архив с момента образования Посольского приказа находился в ведении думного посольского дьяка. И. М. Висковатый прекрасно ориентировался в его фондах и, вероятно, мог оказать определенную помощь в подборе компрометирующих материалов.

Ярким примером деятельности Висковатого как историографа является его участие в официальном московском летописании, к которому в XVI веке в значительной мере был причастен Посольский приказ. В период описываемых событий непосредственное отношение к составлению летописей имели А. Ф. Адашев и И. М. Висковатый, использовавшие документы Царского архива.

Во второй половине XVI века по велению Ивана Грозного составляется крупнейшее летописно-хронографическое произведение средневековой Руси — «Лицевой свод», своего рода историческая энциклопедия XVI века. Он содержит изложение событий всемирной и отечественной истории от «сотворения мира» до царствования Ивана IV. Предварительная работа — отбор используемых летописных списков и других памятников письменности, изобразительных образцов, написание черновиков, «памятей» и т. д. — осуществлялась в Посольском приказе при деятельном участии И. М. Висковатого. На страницах и в миниатюрах «Лицевого свода» неоднократно упоминается его имя как активного и преданного сторонника Ивана Грозного, особенно во время болезни царя в 1553 году.

Уцелевшие до наших дней части этого грандиозного труда составляют около 9700 листов с оборотами и 16 тыс. миниатюр. Трудно представить объем проделанной работы и тем более определить степень участия И. М. Висковатого в осуществлении замысла царя. «Лицевой свод» неоднократно редактировался в соответствии с необходимостью определить чью-либо вину или заслуги, но положение думного дьяка и печатника Висковатого оставалось неизменным.

Между тем обстановка в стране становилась все более напряженной. В 1567 году был раскрыт заговор бояр, якобы вступивших в сношения с польским королем

Сигизмундом II Августом с целью возведения на российский престол двоюродного брата царя В. А. Старицкого. Сохранился далеко не полный поминальный список (синодик) лиц, казненных в связи с этим. Он был составлен в конце жизни Ивана IV по его личному распоряжению. Согласно данным синодика, следствие по делу о заговоре Старицкого длилось три года (1567—1570 гг.), были в результате казнены 3200 человек, при этом разгоняли дворню, грабили крестьян, жгли их дома.

Но не только погромы опричников опустошали страну. Неурожаи 1568—1569 годов породили чуму и голод. Грозный постоянно находился в Александровой слободе, а иностранным дипломатам объясняли, что уехал-де из столицы государь «в село для своего прохладу».

В 1569 году небольшой литовский отряд захватил хорошо укрепленную крепость Изборск. Подозрительный и мнительный царь всюду опасался измены. Переворот же в Швеции, в результате которого его союзник король Эрик XIV был свергнут с престола, предрешил судьбу мятежных Новгорода и Пскова. Опричная Дума принимает решение о походе в западные районы, и в январе 1570 года карательная экспедиция вступила в древний Новгород. О жестоком погроме, который учинили опричники в Новгороде, остались многочисленные свидетельства и скорбная память.

К тому времени Висковатый был уже окончательно отстранен от руководства внешней политикой. Пришедшая ему на смену опричная дипломатия терпела одно поражение за другим. Не имея опытного руководителя, Посольский приказ не смог вовлечь Данию и Швецию в антипольскую коалицию. Потерпел неудачу проект образования вассального ливонского королевства под контролем Ивана IV. В обстановке террора и всеобщего недоверия влияние на царя при дворе переходило к выскочкам из представителей дворянства типа Малюты Скуратова-Бельского, Василия Грязного и др. Уничтожив наиболее строптивых представителей удельно-княжеской знати и боярской аристократии, попирая сановное духовенство, Иван Грозный искал оппозицию среди наиболее авторитетных высших приказных чинов, а также бывших вождей опричнины. Их теснили новые фавориты из числа дворян, которые уже поднялись по служебной лестнице и теперь нуждались в чинах и пожалованиях.

В конце 60-х годов XVI в. все более высокое положение при дворе занимают братья Андрей и Василий Щелкаловы. Можно предположить, что они специально затеяли спор о праве на владение землями И. М. Висковатого, в результате которого Василию Щелкалову присудили за «бесчестие» 200 рублей и Висковатый был вынужден в счет денег уступить ему свою вотчину в Переяславском уезде. Интрига Щелкаловых сыграла не последнюю роль в будущей опале Висковатого, а Андреем Щелкаловым царь уже предполагал заменить Висковатого на посту руководителя Посольского приказа:

Но пока, 7 мая 1570 г., Иван IV принимает в Москве литовских послов, а «...встречи им были две: первая встреча, вышед из столовых сеней на рундуке печатник Иван Михайлович Висковатого, да дьяк Андрей Щелкалов». В июне 1570 года И. М. Висковатый участвует в боярской комиссии, ведущей переговоры с польскими послами в Москве, и 22 июня вручает послам грамоту. Еще 12 июля от имени Висковатого была составлена грамота в Польшу. Менее чем через месяц после этого он будет казнен. Нет сомнений, что участь Висковатого была уже предрешена, необходим был лишь внешний предлог. Сразу же после возвращения царя из Новгорода было затеяно так называемое «московское дело» высших приказных чинов, по которому среди прочих арестовали и казнили родного брата Висковатого Третьяка.

Иван Михайлович резко объяснился с царем, убеждая его прекратить кровопролитие. Болезненно подозрительный Иван IV решил, что против него сложилась оппозиция. Висковатый настойчиво советовал царю, чтобы он «...в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей». В ответ на слова Висковатого царь разразился угрозами: «Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я

постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось»²⁵. Вскоре более чем 300 человекам было предъявлено обвинение, в том числе почти всем главным дьякам московских приказов. И. М. Висковатому инкриминировали заговор с целью сдать Новгород и Псков польскому королю, посадить на трон Старицкого, обвинили в изменнических сношениях с турецким султаном и крымским ханом, которым он будто «предлагал» Казань и Астрахань. Тем самым опричные деятели снимали с себя многие «вины» за военные неудачи.

Суд и розыск по «московскому делу» были недолги. 25 июля 1570 г. более 100 человек, осужденных на казнь, вывели на рыночную площадь, именуемую в народе «Поганой лужей». На этот раз заговорщиками оказались не княжата, не бояре и даже не рядовые дворяне. Это были руководители и представители центрального государственного аппарата, высшие приказные чины, дьяки и подьячие. На площади были приготовлены орудия пыток, горел высокий костер, над которым висел чан с водой, стояли виселицы. Иван Грозный явился в окружении тысячи стрельцов. После подобных приготовлений в народе началась паника, и москвичей насильно сгоняли к месту казни. Висковатый был казнен первым. Сначала опричники пытались заставить его публично признаться в своих «преступлениях» и просить царя о помиловании. Но его последние слова были: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» После гордого отказа Ивана Михайловича распяли на кресте из бревен и расчленили живого на глазах царя и толпы²⁶.

Так расправился Иван IV со своим испытанным советником, которого, по свидетельству современников, любил, как самого себя. Вслед за Висковатым казнили более 100 человек, в том числе и бывшего его помощника, главу Посольского приказа А. Васильева и государственного казначея Н. Фуникова, которого сварили, обливая кипятком.

Описывая казнь Висковатого, польский хронист Александр Гваньини заключил: «Таков конец превосходного мужа, выдающегося по уму и многим добродетелям, канцлера великого князя, равного которому уже не будет в Московском государстве»²⁷.

Остается добавить, что, учреждая в 1583 году во всех монастырях поминовение опальных, Иван Грозный прислал в Троице-Сергиев монастырь очень большой вклад на помин души Висковатого — 223 рубля и на 23 рубля вещей. Для сравнения можно отметить, что на поминовение Сильвестра в Кирилло-Белозерский монастырь было выделено лишь 25 рублей и 25 алтын²⁸. В последующих приписках к «Лицевому своду», которые были сделаны, очевидно, самим царем уже после смерти Висковатого, особенно подчеркивались его полезные дела и верность. Все это свидетельствует о заслугах И. М. Висковатого и полной его реабилитации уже в последние годы царствования Ивана Грозного.

БРАТЯ ЩЕЛКАЛОВЫ

После казни Висковатого и его преемника А. Васильева Посольский приказ один за другим возглавляют два родных брата Щелкаловы: Андрей Яковлевич — в 1570—1594 годах и Василий Яковлевич — в 1594—1601 годах¹.

Андрей Яковлевич, наиболее талантливый из братьев, инициатор и проводник царских реформ 60—90-х годов XVI в., был человеком безусловно выдающимся. Сложившиеся исторические обстоятельства, общая атмосфера времени во многом предопределяли его поступки и этапы карьеры. Если И. М. Висковатый был убежденным и преданным слугой царя почти до конца своих дней, то А. Я. Щелкалов предстает перед нами как расчетливый политический делец. Свидетельства современников достаточно красноречиво говорят о деловых и моральных качествах человека, которого Иван Грозный называл «наш ближайший дьяк»². Борис Годунов, постоянно пользовавшийся помощью и поддержкой Щелкалова, распространял о нем легендарные слухи: «Я не слышал о таком

человеке, я полагаю, что весь мир был бы для него мал. Этому человеку было бы прилично служить Александру Македонскому»³. Противник беспошлинной торговли, не жаловавший английских купцов, получавший многочисленные подарки и занимавший для себя под проценты деньги у голландских торговцев, А. Я. Щелкалов заслужил соответствующую оценку иностранцев. Английский посланник Джером Боус: «Когда я выехал из Москвы (после смерти Ивана IV. — *Авт.*), Никита Романович (Юрьев-Захарьин. — *Авт.*) и Андрей Щелкалов считали себя царями и потому так и назывались многими людьми, даже многими умнейшими и главнейшими советниками»⁴. Голландец Иссак Масса: «Думный дьяк Андрей Щелкалов — человек необыкновенно пронырливый, умный и злой... Во всех областях и городах ничего не делалось без его ведома и желания. Не имея покоя ни днем, ни ночью, работая как безгласный мул, он был недоволен тем, что у него мало работы, и желал еще больше работать»⁵. Английский купец Джером Горсей: «Важные государственные Щелканы.; отъявленным негодяем Щелкановым.; он тонкая и двуличная лиса, это хитрейший скиф, какой когда-либо жил на свете»⁶. Высоко ценил деловые качества А. Я. Щелкалова, его значение и влияние при дворе писатель и публицист первой половины XVII века дьяк Иван Тимофеев: «...В царских ступающих тайных... без него ж никакая же державных тайна и о земле-правлении законоустановленная положения не совершася»⁷.

А. Я. Щелкалов — типичный приказный человек, бюрократ, обязанный своей карьерой собственной предприимчивости, опытности, природным способностям, а также благоволению вышестоящего боярства или царя. Не обошли своим вниманием Щелкаловых и российские историки. «Лукавый дьяк государственный Андрей Щелкалов»⁸, — писал о нем Н. М. Карамзин. Наиболее объективную характеристику дал ему известный историк-археолог Н. П. Лихачев: «Нельзя думать, что деятельность и личность братьев Щелкаловых стоит совершенно особняком от деятельности других дьяков. Щелкаловы только наиболее ярко выразили могущество дьяческого влияния благодаря необыкновению в энергии характера и силе ума»⁹. Какие же истоки питали энергию и силу братьев? Родились Андрей и Василий в семье подьячего Якова Семеновича Щелкалова. Год их рождения неизвестен, но в челобитной 1598 года имеются некоторые сведения об их предках: «А Васильев отец был подьячей — сидел в Разбойном приказе, а прадед его был барышник на конской площадке (торговал скотом. — *Авт.*) и дед с молода да и под старость был православный поп»¹⁰. В 1549 году Я. С. Щелкалов получил должность дворцового дьяка, стал придворным человеком". Положение отца открыло перед братьями дорогу в среду дворцовых служащих. Так, уже с 1550 по 1556 год «Андрюшко Яковлев сын Щелкалов состоял в разрядах в числе податней у рынд»¹², то есть был помощником оруженосцев-телохранителей. В те времена в этой должности обычно служили дети и родственники дьяков.

В 1550 году был издан государев указ о выборе 1000 человек из числа родовитой знати и об «испомещении» (поселении) «лутчих слуг» под Москвой для государственной службы и различных посылок. Так образовался разряд дворян московских. Тогда и появляется одно из первых упоминаний об А. Я. Щелкалове среди «детей боярских третьей статьи»* (* Служилые люди делились на статьи или разряды.)» по Москве. Это дает возможность предполагать, что Щелкаловы были родом из Подмосковья. При получении же новых поместий служилые люди записывались по новому городу, в уезде которого помещалось их «пожалование». Так, в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. оба Щелкалова значатся по Владимиру, а Андрей Яковлевич — также и по Козельску¹³.

В приговорной грамоте Земского собора 1566 года А. Я. Щелкалов уже указан в числе пяти думных дьяков. Надо сказать, что он не был особенно разборчив в выборе средств: выдавал грамоты «не по делу», то есть вымогал в свою пользу вотчины менее сильных соперников и щедро одаривал лиц, услуживших ему, по мере своего восхождения выводил в люди своих незнатных родственников. Характерным примером служит рассказ о возвышении братьев Бориса и Федора Сукиных и их взаимоотношениях с А. Я.

Щелкаловым: «И за многие доводы и клеветы тот Федор пожалован был в казначеи... помогали ему Щелкаловы». Помимо прочего, «Федко и Бориско свою сестру Улку подвели на постелю к дьяку к Ондрею Щелкалову и по той причине учили их выносить в люди Ондрей да Василий Щелкаловы. А из Пскова переведены к Москве совсем... и учили они, Федко и Бориско, ездити по городам для денежных зборов и ко всякие корыстные посылки и побогатели зело». По ходатайству Щелкалова Б. Сукин был послан в Мещеры строить город, и ему «не смели и слова молвить, грабил как хотел и богател паче меры...» «И учили Сукины племянница (родниться. — *Авт.*) со многими чесными роды, а Борисова сына Василья женили Ондрей да Василий Щелкаловы, взяли за него у Остафья Пушкина дочь неволею...»¹⁴. Если учесть, что Федор Сукин был казначеем уже в 1544 году, его поддержка, в свою очередь, весьма способствовала карьере самого А. Я. Щелкалова, любые проступки которого оставлялись без последствий, видимо, еще и потому, что местнические споры, ссоры бояр поощрялись царем.

В 1569 году А. Я. Щелкалов возглавил Разрядный приказ, и его возможности стали поистине неограниченными. В его ведении находились чинопроизводство от подьячих до бояр, постройка городов и крепостей, решения о том, кого куда послать на службу, о размере жалованья, о должности и прибавке. Через канцелярию Разрядного приказа проходили все распоряжения царя, справки для Боярской думы, и Щелкалов был, по сути, посредником между правительством и другими приказами.

Ко времени казни Висковатого Щелкаловы уже достаточно освоились на дипломатическом поприще. С 1570 года А. Я. Щелкалов возглавляет кроме Разрядного и Посольский приказ.

По стопам старшего брата шел и Василий Яковлевич Щелкалов. Будучи моложе Андрея лет на десять, он также начал службу подьячим в одном из многочисленных приказов. Отличившись усердием и преданностью, был назначен дьяком в Стрелецкий приказ, затем управлял Разбойной избой. Помимо грамотности и определенных знаний служебные заботы и окружение требовали особого склада характера. Жесткий и волевой дьяк В. Я. Щелкалов в 1566 году вместе с братом уже участвует в Земском соборе и подписывает его определение о продолжении Ливонской войны. В январе 1567 года он отправляется к литовской границе для «размена» находившегося в русском плену полоцкого воеводы Довойны на князя В. И. Темкина. Вообще с 60-х годов XVI в. Василий Яковлевич играет все более заметную роль в государственной жизни: участвует в боярских комиссиях, присутствует на приемах иностранных послов, встречает на границе прибывающих дипломатов. Но если до 1570 года его имя в дипломатических документах встречается эпизодически, то после назначения старшего брата посольским дьяком он участвует почти во всех приемах и переговорах с иностранными представителями. Вначале играя роль подчиненную, он со временем действует все более самостоятельно.

В 1577 году Василий Яковлевич заменяет брата на посту главы Разрядного приказа и становится думным дьяком. Андрей Яковлевич тем не менее продолжает принимать активное участие в делах Разряда. В свою очередь, и младший брат участвует в посольских делах. С этого времени значение и влияние братьев огромно. Практически они держали в руках все нити государственного аппарата как во внутренней, так и во внешнеполитической сфере. Но ведущая роль и последнее слово всегда принадлежали старшему — Андрею Яковлевичу. Он составляет росписи службы детей боярских в 1570 году, разбирает огромное количество местнических споров, организует и контролирует все дипломатические переговоры, участвует в заседаниях Боярской думы. Продолжает он и работу по описанию и систематизации государственного архива. В описи архива Посольского приказа 1626 года имеется запись: «Книга перепись новая по ящиком посольским старым и новым делали при дьяке при Ондрее Щелкалове, по старой переписной тетради дьяка Ондreja Васильева...»¹⁵.

Следует отметить особое внимание Андрея Яковлевича к местническим земельным спорам, которые, по-видимому, приносили ему немалый доход и во многом способствова-

ли его карьере* (* Первоначально понятие о месте (местничество) сложилось среди бояр за княжеским столом, где они рассаживались в порядке старшинства. Впоследствии эта традиция была перенесена на все служебные отношения и на правительственные должности.). Так, в 1573 году Андрей Щелкалов «посылай дьяком в поход в Муром против казанцев» и во время вспыхнувшего там местнического спора между И. В. Шереметевым, князьями Хованским и Курлятевым «...к выгоде Шереметева... был его приятель Андрей Яковлевич Щелкалов»¹⁶. Ставший к тому времени весьма могущественным и влиятельным лицом, А. Я. Щелкалов решил спор в пользу И. В. Шереметева. Подобные дела и, видимо, не без соответствующего вознаграждения он проделывал неоднократно.

В Разряде А. Я. Щелкалов не только постоянно разбирали местнические споры и раздавал поместья, но решал немало других вопросов. В 1579 году князь И. Ф. Мстиславский, А. Я. Щелкалов и В. Я. Щелкалов наделяли землями каширских «беспомесных новиков** (** Новик (т. е. новичок) — тот, кто недавно вступил в какое-либо состояние, должность, общество.)»¹⁷. 15 марта 1577 г. князь И. Ф. Мстиславский и П. Д. Пронский, Н. Р. Юрьев и дьяки Щелкаловы «слушали росписи» служилых людей и «приговаривали» выдачу им жалованья¹⁸. В октябре 1580 года Н. В. Морозов, А. Я. Щелкалов и А. Демьянов обсуждали, как расположить русские войска под Ржевом. 10 октября князь С. Д. Пронский и А. Я. Щелкалов рассматривали вопрос «о роспуске голов* (* Голова — военное или гражданское должностное лицо.) с поля по домам со всеми людьми»¹⁹. А. Я. Щелкалов решал, кого и в каком количестве послать осваивать новые земли, строить города. Он скреплял грамоты, обеспечивающие военную поддержку сибирским «экспедициям» Строгановых. Наказом «за приписью» А. Я. Щелкалова воеводе М. Трахониотову поручалось «присмотреть под город место, где пригоже, где быти новому городу»²⁰. Осуществляя широкую опеку дворянского сословия, А. Я. Щелкалов занимался вопросами о «беглых людях».

А. Я. Щелкалов проводил политику единения верховной светской и духовной власти, делая пожалования церкви крупных земельных владений и различных льгот. Перечисление некоторых жалованных грамот монастырям, скрепленных А. Я. Щелкаловым, дает представление о характере его деятельности в этом направлении. Царская грамота от 4 августа 1574 г. воеводе князю Булгакову о пожалованных Илантову монастырю угодьях была скреплена А. Я. Щелкаловым. Он же скрепил царскую жалованную грамоту Астраханскому Троицкому монастырю на рыбную ловлю от 12 февраля 1575 г.²¹ Им же были скреплены и многие другие подобные грамоты: грамота от 8 июня 1578 г. Троице-Сергиеву монастырю о невзимании пошлин²²; грамота от 11 августа 1584 г. Соловецкому монастырю об освобождении от пошлин и повинностей монастырской вотчины и двора в Новгороде с заменой ежегодным оброком²³ и т. д. Делая личные пожалования монастырям, Щелкаловы надеялись получить поддержку церковных иерархов. Денежные и имущественные вклады укрепляли их общественное положение и расширяли сферы влияния.

С 1570 года Андрей Яковлевич управляет также местными государственными учреждениями — Казанским, Нижегородским и Мещерским дворцами. 6 августа 1572 г. им была подписана грамота Строгановым «о приведении в покорность черемисы», о результатах исполнения предписывалось сообщать «на Москву в Приказ Казанского Дворца и дьяком нашим Ондрею Щелкалову и Кирею Горину»²⁴.

Одним из постоянных источников государственного и личного доходов в XVI—XVII веках было вымогательство у иностранных послов и купцов денег и подарков. Обычно в составе каждого иноземного посольства приезжало несколько десятков торговых людей (купцов), которые находились под защитой посла и в случае успешных переговоров получали некоторые привилегии в торговле. Часто одной из побочных функций иностранных купцов было «лазутчество». Царь даже специально собирал 1 октября 1585 г. заседание с боярами по этому поводу. Шпионская деятельность торговых

людей, другие всевозможные их проступки всегда позволяли найти повод для обвинений и конфискации их имущества в казну. Торговля же с Москвой была выгодна, и купцы часто рисковали, приезжая без послов. В результате в момент отъезда на родину они нередко бывали «на смерть побиты и помордованы и все товары их пойманы»²⁵.

Зачинщиком злоупотреблений различного рода часто был сам А. Я. Щелкалов. Английский посол в Москве Е. Боус жаловался Ивану IV на А. Я. Щелкалова, который «корм ему дает дурной: вместо кур и баранов дает ветчину, а он к такой пище не привык»²⁶.

В 1575—1576 годах Иван Грозный фиктивно передал власть в государстве крещеному татарскому хану Симеону Бекбулатовичу, которого объявил «великим князем всея Руси». В течение этого времени А. Я. Щелкалов по всем официальным вопросам обращался только к Ивану IV, что говорит об истинной внутривластной расстановке сил, а также о доверии царя к думному дьяку и их взаимопонимании.

В результате активной деятельности и главенствующего положения в государственном аппарате братья Щелкаловы накопили громадное состояние. Н. М. Карамзин приводит свидетельство Флетчера, согласно которому в 1589 году имение А. Я. Щелкалова оценивалось в 60 тыс. марок, или 300 тыс. серебряных рублей²⁷. Были у него поместья в Шацком и Московском уездах, в Шеринском и Горетове станах. В «Актах Московского государства» мы встречаем названия: Щелкалово — село Мецговского уезда; Щелкалово — село Вяземского уезда; Щелкаловщина — местность на реке Угре²⁸. Не забывали Щелкаловы и о престижных родственных связях: дочь Андрея Яковлевича была женой князя В. Г. Долгорукого.

Разумеется, столь блестящей карьерой братья Щелкаловы были обязаны не только собственным природным дарованиям и трудолюбию, чем особенно отличался Андрей Яковлевич. — Клевета, интриги, казни соперников сопровождали их в течение всей жизни, неуемное тщеславие и колоссальная алчность руководили многими их поступками. Английский дворянин Джером Горсей, неоднократно бывавший в России в качестве торгового агента английской «Московской компании», оставил красноречивое свидетельство о том, что Андрей Щелкалов часто изменял в грамотах смысл царских приказаний, нередко бывал наказан за ложь и не исправлялся: «Царь Иоанн употреблял его всегда в орудие своего тиранства для угнетения подданных; Годунов уважал в нем опытность и разум, но не верил ему»²⁹. Ум, жесткая, злая воля сочетались в характере братьев Щелкаловых с беспринципностью и готовностью к любым компромиссам. Многие эти качества проявились в их деятельности на дипломатическом поприще.

Дипломатическая карьера обоих братьев началась с выполнения отдельных поручений. Безместные служащие выполняли свои нехитрые обязанности с максимальным усердием и постепенно закреплялись в различных приказах. Второстепенная дипломатическая работа в качестве пристава, исполнение обязанностей податня в придворных церемониях позволили Андрею Щелкалову занять следующую должность в иерархии дипломатических служащих: он стал вторым посольским дьяком.

В 60-е годы XVI в., после первых побед русских в Ливонской войне, А. Я. Щелкалов участвует в сложных переговорах, целью которых было предотвращение оформления антирусского союза. Так, 26 февраля 1564 г. царь принимал крымского посла, а «в сенях крымчан встречали казначей Микита Фуников и дьяк Андрей Щелкалов»³⁰.

Во время переговоров с польскими послами в 1566 году А. Я. Щелкалов выполнял роль курьера, передававшего государю речи дипломатов, чтобы тот мог контролировать ход переговоров и направлять их в нужное русло. Такое поручение было под стать лишь человеку доверенному и ловкому. В марте 1570 года в «памяти» П. И. Волынскому, приставу при литовских послах, указывалось, «которым детям боярским быти у послон на встрече и на береженье, и им тех детей боярских имен списки взяти в розрядной избе у дьяка у Ондreja Щелкалова». В мае того же года братья Щелкаловы присутствовали на совете царя с боярами, где речь шла об условиях перемирия с Литвой³¹.

Смена в 1570 году руководства Посольского приказа произошла в очень напряженной и сложной международной обстановке. Это налагало особую ответственность на А. Я. Щелкалова как на нового главу Посольского приказа.

В начале 70-х годов XVI в. России было необходимо сосредоточить все силы в борьбе за Ливонию. Этому мешали голод, эпидемии, постоянные набеги крымцев и их требования дани, подарков и т. д. Так, неудачное развитие русско-шведских военных действий усугубилось нападением в мае 1571 года войск крымского хана Девлет-Гирея на южные окраины России. 15 июня 1571 г. царь в селе Бра-тошине принимал крымских гонцов. По приказу Ивана IV Андрей Щелкалов принял от них грамоту Девлет-Гирея, полную угроз и требований возвратить Крыму Казань и Астрахань. Встречи А. Я. Щелкалова с крымскими гонцами и посланниками состоялись в том же Братошине в декабре 1571 года и в селе Лучинском в сентябре 1572 года. В январе 1573 года в деревне Ядрине царь вновь принимал крымских послов и гонцов. Переговоры вели братья Щелкаловы вместе с В. И. Умным-Колычевым и благодаря искусной дипломатии расстроили планы Девлет-Гирея добиться от России территориальных уступок. Показательно, что в октябре 1576 года во время очередных переговоров с крымцами в селе Братошине речь шла уже не о возвращении Крыму Казани и Астрахани, а всего лишь об отпуске задержанного в России крымского посла Янболдуя. Переговоры вел А. Я. Щелкалов³².

Во второй половине XVI века основные противоречия в Восточной Европе были между Россией и Речью Посполитой. Каждая из сторон надеялась подчинить другую своей власти и создать единое государство.

После смерти 7 июля 1572 г. короля Сигизмунда Августа одним из претендентов на польский престол был Иван IV. Послу Ф. И. Мясоедову еще в 1569 году поручалось выяснить, насколько влиятельна русская партия в Речи Посполитой. В свою очередь, польский посол Михаил Гарабурда, прибывший в Москву в 1572 году, интересовался позицией русской стороны в этом вопросе. Во время переговоров он пытался убедить Ивана IV, что единственным приемлемым кандидатом на польский трон может быть лишь его младший сын Федор. Помимо этого между обеими сторонами должен быть заключен «Вечный мир», а также предусмотрены территориальные уступки со стороны России. В резкой форме царь отверг все предложенные литовскими магнатами условия и противопоставил им свою концепцию унии между Россией и Речью Посполитой.

В апреле 1573 года Андрей Щелкалов через гонца П. Жукова послал вслед уехавшему М. Гарабурде письмо и список условия, которые выдвигал Иван IV. Русская программа предполагала создание на территории Восточной Европы своеобразного объединения трех государств — России, Польши и Великого княжества Литовского — под властью единого русского монарха. В качестве условий избрания его на польский престол оговаривались коронование по православному обряду, женитьба на русской подданной и т. д.

Претендентами на польский престол были также император Максимилиан II, его сын эрцгерцог Эрнест, брат французского короля Карла IX принц Генрих Валуа, шведский король Иоанн III, королевич Сигизмунд. Основная борьба велась между австрийскими Габсбургами и французским принцем, и в результате в мае 1573 года польский сейм избрал королем Генриха Валуа.

Прошло немногим больше года, и 18 июня 1574 г. поляки проснулись без короля: Генрих Валуа, узнав о смерти своего брата французского короля Карла IX, тайно бежал в Париж, и польский трон вновь оказался свободным. Началось новое обсуждение возможных кандидатур, в котором русские дипломаты заняли осторожную позицию. В случае предложения со стороны поляков было решено согласиться на избрание только тогда, если Ивану IV будет позволено диктовать свою волю. В частности, он хотел получить в результате переговоров с поляками Литву и Ливонию. На переговорах в Дорогобуже 30 ноября 1575 г. присутствовали Н. Р. Юрьев, князь В. А. Сицкий, А. Я.

Щелкалов, а на переговорах в Можайске 24 января 1576 г. присутствовали оба брата. Однако переговоры успеха не имели. Речь Посполитая нашла себе защитника от всех претендентов — талантливого семиградского воеводу Стефана Батория, который и был избран на польский престол.

Коронация Стефана Батория состоялась 1 мая 1576 г., а 27 октября в Москву прибыли его посланцы Ю. Груденский и Л. Буховецкий. Баторий стремился выиграть время для военных приготовлений и потому предлагал России не нарушать перемирия и прислать опасные грамоты на великих послов. Потерпев неудачу в притязаниях на польский престол, Иван IV решил использовать это обстоятельство для требований территориальных уступок со стороны Речи Посполитой. В переговорах участвовали братья Щелкаловы. Российские дипломаты поставили под сомнение знатное происхождение Стефана Батория («не ис прирожденных государей»), а также подчеркнули то обстоятельство, что на польский престол взошел правитель небольшого Семиградского воеводства, подчиненного Венгерскому государству, а не такой могущественный государь, как царь Иван IV. Поскольку послы не захотели объявить родословную Батория, их демонстративно не пригласили к царскому столу, а затем дали понять, что прочный мир между обеими сторонами невозможен.

Летом 1577 года царь «сам ходил созрिति и очистити (от поляков. — *Авт.*) свою отчину Лифлянскую землю». А. Я. Щелкалов остался в Москве, в походе не участвовал и вел все дипломатические переговоры с иностранными дипломатами. В октябре он отправил в Новгород письмо-доклад царю о своей деятельности. В свою очередь, Иван IV все время консультировался с посольским дьяком и присылал ему дипломатические документы для ознакомления. Он высоко ценил советы своего слуги, о чем, в частности, говорит следующее его указание князю С. Д. Пронскому и дьяку А. Я. Щелкалову: «Чтоб они поговоря, мысль свою отписали ко государю, как литовскому посланнику быти у государя»³³.

Царь постоянно посылал в Посольский приказ различные распоряжения: выяснить причину задержки послов в дороге, уведомить его об их прибытии, послать в Смоленск наказ о встрече дипломатов и т. д. В ходе переговоров с великими польскими послами С. Крыйским, Н. Сапегой и Ф. Скуминым в январе 1576 года А. Я. Щелкалов говорил от имени царя. Он же принял от послов «верующую» грамоту, список речей, а затем вручил им ответную грамоту. 28 января была достигнута договоренность о трехлетнем русско-польском перемирии и содержании перемирных грамот.

В своей повседневной дипломатической практике братья Щелкаловы не всегда придерживались норм посольского обычая. Так, в конце апреля 1578 года в Москву прибыл гонец П. Гарабурда, но аудиенцию у царя он получил лишь 31 августа, отпущен же на родину был лишь 11 января 1579 г. Гонца специально «позадержали», чтобы он не смог информировать короля о нарушениях сроков перемирия. Иван IV медлил с ответом, дожидаясь результатов похода русских воевод в Ливонию.

К этому времени относятся факты неприглядного поведения А. Я. Щелкалова в Литве. Осенью 1578 года русские войска осадили ливонский город Венден, однако ввиду приближения неприятеля осада была снята. Поляки напали вместе со шведами, русские отступили в свой лагерь и отстреливались до самой ночи. Согласно данным Гейденштейна и других источников, воспользовавшись ночной темнотой, «Петр Хворостинин и Андрей Щелкалов, начальствующие над конницей, вместе с нею бежали», более того, «товарищев своих бояр и воевод выдали и наряд покинули»³⁴. Оставшиеся на позициях войска были наголову разбиты поляками. Впоследствии А. Я. Щелкалов так объяснил царю свои «маневры», что не только не подвергся опале, но даже был награжден. Среди аргументов «отважного» воеводы основным был довод, что он-де старался увести конницу от неминуемого разгрома³⁵.

Поражения 1578—1579 годов предрешили исход Ливонской войны. В 1580 году Баторий овладел Велижем, Усвятом, осадил Великие Луки, к концу 1581 года шведы

захватили почти все побережье Финского залива. Осада Баторием Пскова заставила Россию торопиться с дипломатическими переговорами.

В 1579—1581 годах А. Я. Щелкалов стремился путем переговоров приостановить неудачное развитие военных действий. В это время польский король требовал, чтобы Россия отказалась от Ливонии, Новгорода, Пскова, Смоленска. По приезде литовского гонца Криштопа Держка в июне 1581 года А. Щелкалов вручил ему грамоту с «обидами» царя на Стефана Батория. В ней весьма пространно и краноречиво царь Иван IV отстаивал правоту России и с горечью перечислял проступки польского короля: антирусскую политику Батория, его агрессивность, несправедливость к русским послам, клятвопреступное нарушение перемирия, несоблюдение христианской морали. Теснимый с двух сторон Швецией и Речью Посполитой, Иван IV был вынужден искать мира, и это отчетливо видно в данном документе. Не исключено, что эта грамота, ставшая ярким памятником дипломатического искусства того времени и близкая по стилю к посланиям Ивана Грозного к Курбскому, составлялась в Посольском приказе, а затем была отредактирована Иваном IV³⁶.

Для влияния на короля Стефана Батория русскими использовались переговоры с послом папы Григория XIII иезуитом Антониом Поссевино, посредничавшим при заключении мирного договора. Так постепенно путем предварительных встреч, обмена грамотами, приемов в 1581 — 1582 годах гонцов Матвея Проворовского, Петра Визгерда и др. Россия готовила мирные переговоры, которые начались после прибытия в Москву 16 июня 1582 г. литовских послов — князя Януша Збаражского «со товарищи».

В результате переговоров в январе 1582 года в Запольском Яме (недалеко от Пскова) между Россией и Речью Посполитой был заключен мир на 10 лет. Подписание его нельзя считать удачей русской дипломатии. Условия договора были тяжелыми для России: она отказывалась от Ливонии, теряла Полоцк и Велиж. Но другого выхода не было, так как продолжение войны привело бы к еще более плачевным результатам. Успехом можно было считать уже то, что не осуществились планы Швеции о союзе с Речью Посполитой. Что же касается Швеции, то перемирие с ней было заключено в 1583 году, при этом к Швеции отошли Эстляндия и земли от Нарвы до Ладожского озера (Иван-город, Ям, Копорье, Орешек, Корела).

В целом сложившаяся обстановка препятствовала экономическому развитию России и откладывала решение балтийского вопроса.

В 1583-м — начале 1584 года дипломатическая деятельность А. Я. Щелкалова носила будничность: разрешение постоянно возникающих конфликтов на границах с Речью Посполитой, «размен» пленными, частые разборы внешнеторговых неурядиц и т. д.

Резкие перемены в жизни братьев Щелкаловых начались после смерти Ивана Грозного 18 марта 1584 г., с воцарением Федора Ивановича. Умные и решительные советники, обладавшие жесткой и непреклонной волей, братья Щелкаловы, оказавшись рядом с податливым, христолюбивым царем Федором, практически взяли власть в свои руки. Если Иван IV внимательно прислушивался к советам посольского дьяка А. Я. Щелкалова, то новый царь практически препоручил ему всю внешнюю политику.

Еще раньше начинают складываться и особые отношения между А. Я. Щелкаловым и Борисом Годуновым, что в конце концов и привело к опале всесильного дьяка. А. Я. Щелкалов оказал немалую услугу Годунову во время розыска по делу о гибели 15 мая 1591 г. в Угличе младшего сына Грозного Дмитрия. А. Я. Щелкалов сделал все, чтобы отвести от Б. Годунова подозрения в убийстве царевича. 2 июня 1591 г. он зачитал в Кремле высшим духовным чинам государства полный текст угличского «обыска». Основное внимание было обращено на «измену» Нагих — главных противников Годунова, а смерть царевича была признана нечаянной («учинилась божьим судом»). В целом А. Я. Щелкалов во многом способствовал выдвижению Годунова, который, по некоторым сведениям, даже называл его «отцом».

Начало царствования Федора сопровождалось осложнением внешнеполитической обстановки. Приезд польского посла Льва Сапеги совпал со смертью Ивана IV. Чтобы задержать рвавшегося обратно с важной информацией посла, А. Я. Щелкалов попросту посадил его в тюрьму, а через некоторое время послал в Речь Посполитую Андрея Измайлова с сообщением о воцарении Федора.

В июле 1584 года состоялся прием Л. Сапеги новым царем. При этом выше рынд стоял боярин и окольный Борис Федорович Годунов. А возле рынд стоял дьяк Андрей Щелкалов. От имени польско-литовского правительства Сапега заявил, что со смертью Ивана IV мирный договор, заключенный в 1582 году сроком на 10 лет, между Россией и Речью Посполитой считается прекратившим свое действие. Если русское правительство хочет мира, то договор будет заключен при условии, что к Речи Посполитой отойдут Северская земля и Смоленск. В случае отказа признать права Речи Посполитой на эту территорию Россию ожидает война.

Чтобы найти оптимальные условия разрешения противоречий в Прибалтике, Россия начала искать новых союзников. Смерть Стефана Батория в декабре 1586 года и неудачные попытки австрийских Габсбургов занять польский престол сближали Россию и Австрию. В это время А. Я. Щелкалов ведет с Речью Посполитой переговоры о заключении «Вечного мира» и «соединении обоих государств воедино» и вместе с тем пытается договориться с Габсбургами о разделе Речи Посполитой. Не оставлял думный дьяк и надежды возвести на польский престол царя Федора в случае приглашения со стороны поляков.

В своих действиях А. Я. Щелкалов пользовался любыми средствами, включая подкуп влиятельных польских и литовских дворян. Например, послам Елизарию Ржевскому и Захару Свизеву была дана инструкция: «Тех панов, которые государя хотели обирать, похвалить и жалованье к ним послать». Был даже составлен своего рода преискурант взяток, чаще всего в форме подарков³⁷.

Фактически стоявшие у руководства Русского государства Б. Годунов и А. Щелкалов выступили с предложением к польско-литовским феодалам быть «под... царскою рукою с государством Московским сопча заодин». Московские руководители предусматривали разрыв Люблинской унии 1569 года, создание русско-литовского объединения и восстановление Великого княжества Литовского в его первоначальных границах. При этом Годунов и Щелкалов полагали, что царь будет постоянно жить «на своем прежнем государстве на Московском», а в новые владения приезжать на «недолгое время». Вместе с тем русские политики сделали все возможное, чтобы провалить кандидатуру другого претендента на польский престол — шведского принца Сигизмунда Вазы. Весной 1587 года А. Щелкалов объявил польско-литовским посланникам, что в случае избрания шведского принца «...на первый час которым было из Астрахани и из-за Волги ногойским людем и казанским итти на Крым... и тех в тот же час поворотят на Литовскую землю»³⁸.

Однако воспользоваться польским «бескоролевьем» не удалось. Сближение Речи Посполитой и Швеции, неудачные переговоры России с Габсбургами вынуждали Москву искать мирное решение в борьбе с Речью Посполитой. В январе 1591 года был заключен договор о 12-летнем перемирии между Россией и Речью Посполитой.

В процессе поисков различных вариантов внешнеполитических решений проявились дипломатические способности А. Я. Щелкалова, его международный кругозор. Проекты Щелкалова предвосхищали программу русско-польского сближения, которую в XVII веке выдвинул другой выдающийся русский дипломат А. Л. Ордин-Нащокин. Особого внимания заслуживает деятельность А. Я. Щелкалова в области русско-английских отношений. Со времени основания в Англии «Московской компании» (1554—1555 гг.) английское правительство постоянно боролось за полное подчинение экономики России интересам английского купеческого капитала. Сближение сторон было в определенной степени взаимовыгодным, так как Иван IV искал кратчайшую морскую

дорогу на Запад и считал, что развитие дружественных отношений с Англией поможет ему в борьбе за балтийский морской путь в Европу.

В 60-е годы XVI в. «Московская компания» получила право монопольной торговли в Нарве. Иван IV постоянно предоставлял англичанам все новые привилегии. По существу, это была торговая экспансия Англии в России.

Но с 70-х годов XVI в. картина начинает меняться: отменяется ряд привилегий для английских купцов, устанавливаются пошлины, запрещается транзитный проезд. Подобные перемены были связаны с крушением надежд, которые Иван IV возлагал на Англию. Во время Ливонской войны Королевский совет отказался предоставить английский морской флот России для военных действий на Балтике, и подготовленный в Вологде союзный договор между Россией и Англией не был ратифицирован. В ответ на это царь Иван в октябре 1570 года написал королеве Елизавете послание, полное упреков. В нем было сказано, что в Англии правит не она, королева, а «торговые мужики». Не забыл Иван IV с презрением отозваться о безбрачии королевы: «А ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая (обыкновенная. — *Авт.*) девица»³⁹. Это, однако, не помешало царю строить планы относительно женитьбы на Елизавете. После того как королева отказалась идти с ним под венец, он в августе 1582 года, всего за два года до смерти, отправил в Англию посла Федора Писемского для заключения брака с племянницей королевы Марией Гастингс. Этот брак, по мнению царя, должен был поднять престиж России после ее военных поражений и способствовать военному союзу России и Англии. Кроме того, царь не исключал возможную победу боярства и на случай потери власти готовил себе убежище в Англии. Надежды царя так и не оправдались: королева отказала ему в руке племянницы под предлогом слабого здоровья невесты. Неудачный ход этих переговоров также не мог не отразиться на привилегиях английских купцов. К середине 90-х годов английский торговый капитал в России уменьшился в восемь раз по сравнению с 1583 годом.

С приходом в Посольский приказ А. Я. Щелкалов снискал славу первого врага Англии. Нам трудно судить, определялось ли его негативное отношение к англичанам трезвым взглядом политика, понимавшего невозможность англо-русского союза в сложившейся международной обстановке. Более определенно здесь можно говорить о личных антипатиях А. Я. Щелкалова к некоторым представителям английской «Московской компании», например к Джерому Горсею. На первом месте, по-видимому, стояли корыстные интересы. Дело в том, что конкурентами английских купцов в России были голландцы. И те и другие имели влиятельных сторонников в окружении царя Ивана. Голландцы считали своим покровителем дьяка А. Я. Щелкалова. Во всяком случае, если судить по английским источникам, кроме постоянных подарков он ежегодно получал от голландцев 5 тыс. марок. А. Я. Щелкалов ловко использовал возникавшие у Грозного сомнения в целесообразности укрепления английских привилегий, играя на том, что английские дипломаты возмущали царя своей кичливостью, английские товары — более низким качеством по сравнению с голландскими, французскими и немецкими, а английские купцы — частыми обманами и «лазутчеством».

Показательна роль А. Я. Щелкалова в деле англичанина Мерша. Некто Антоний Мерш, бывший служащий «Московской компании», проводил торговые операции в Сибири и Астрахани. Занятые у русских бояр и купцов деньги в сумме свыше 23 тыс. рублей он перевел на имя компании, которая, в свою очередь, отказалась платить долги своего бывшего агента. Это дело разбиралось в Москве в 1588 году. В ходе разбирательства Мерш уличил своих сограждан в политическом шпионаже и преступной торговле. В результате в уплату его долга были конфискованы товары компании на сумму 7900 рублей. Вернувшись в Англию, Мерш объявил, что «все те долги велел мне делати... канцлер Ондрей Щелкалов, да и болши того — велел все те кабалы на гостины имяна писати»⁴⁰. Не удивительно, что после этого А. Я. Щелкалов получил определение «хитрейший скиф, какой когда-либо жил на свете»⁴¹.

Немалое участие приняли братья Щелкаловы в столь важном для политической истории России событии, как учреждение патриаршества.

К концу XVI века под гнетом турок-завоевателей могущественная в прошлом византийская церковь пришла в полный упадок и русская церковь оставалась единственной крупной ветвью «вселенского православия». В силу «дряхлости» греческого Востока и появляется идея преемственности русского патриархата. Эта идея органически выросла из всей истории развития Московского государства. К концу XVI века здесь окончательно сложилась теория: Москва — «третий Рим» как оплот православия, и московский царь — прямой наследник византийских императоров и покровитель всего православного мира.

После того как Иван IV в 1547 году принял царский титул, естественно возник вопрос о новом, более высоком титуле главы русской православной церкви. Однако Грозный, постоянно конфликтовавший с митрополитами, опасался роста авторитета духовенства. Впервые реальная возможность принять титул патриарха главе русской церкви появилась после восшествия на престол царя Федора Ивановича.

Введение патриаршества положило конец многолетней распре России с Литвой и Польшей из-за приверженности русской митрополии к православию. Перспектива присоединения к унии усиливала в русских иерархах стремление к самостоятельности.

Некогда могущественные восточные патриархи, обремененные долгами, часто обращались в Москву за «милостыней». По этой причине в 1586 году в столицу Российского государства прибыл антиохийский патриарх Иоаким, с которым и начались переговоры об учреждении патриаршества. Московские дипломаты окружили его великолепием. По их замыслу, Иоаким должен был проникнуться идеей величия русского митрополита и почувствовать себя обязанным за прием и подарки. Немалую роль в переговорах играли Борис Годунов и могущественные дьяки братья Щелкаловы. В результате Иоаким обещал передать пожелания российского духовенства и вельмож относительно учреждения патриаршества в России собору греческой церкви.

Летом 1588 года с большой свитой (27 человек) в Смоленск прибыл константинопольский патриарх Иеремия. Визит состоялся после разорения турецким султаном его патриархии, когда кафедральный храм был превращен в мечеть, а патриаршие дома разграблены. Сказочная Московия встретила восточного владыку пышной торжественностью, обильным угощением и бдительным присмотром начальника Посольского приказа А. Я. Щелкалова.

13 июля 1588 г. Иеремию с великой честью провезли по лучшим улицам Москвы и поместили на Рязанском подворье. Все его контакты с внешним миром допускались только с разрешением того же Андрея Щелкалова: «Беречи, чтобы к двору к патриарху и к митрополиту и к архиепископу никто не приходил из гречан и турчан и иных никаких иноземцев, и его людей никого з двора не спущати...»⁴².

К тому времени на московский митрополичий престол Борис Годунов возвел своего любимца Иова. Б. Годунов вместе с А. Я. Щелкаловым пытались склонить Иеремию к тому, чтобы он благословил Иова на патриаршество. На Иеремию был наложен своего рода почетный арест, и с помощью умелой лести от него постепенно добились некоторых уступок. Иеремия изъявил согласие на утверждение русского патриаршества, но лишь при условии, что пост русского патриарха будет предоставлен ему самому. Тогда ему предложили основать свою резиденцию во Владимире, чтобы фактическим главой церкви оставался московский митрополит Иов. На это Иеремия заявил, что «патриархи бывают при государе всегда, а то что за патриаршество, что жити не при государе тому статья никак невозможно»⁴³.

С этого момента московские политики ведут переговоры в ультимативной форме. Братья Щелкаловы обещали патриарху дорогие подарки, содержание, города и области в управление, но одновременно ему дали понять, что он не уедет из Москвы без положительного решения вопроса о патриаршестве. Одному из советников Иеремии,

митрополиту Иерофею, А. Я. Щелкалов пригрозил даже, что утопит его в реке, если тот и впредь будет мешать успеху переговоров.

В конце концов 13 января 1589 г. патриарх сообщил Б. Годунову и А. Щелкалову о своем согласии, и 26 января состоялся торжественный обряд интронизации Иова на московский патриарший престол. Патриарх Иеремия и его свита получили весьма щедрые подарки, а также субсидию в размере 1000 рублей на строительство новой резиденции в Константинополе. 19 мая им наконец разрешили выехать на родину.

После смерти Ивана Грозного активная деятельность А. Я. Щелкалова продолжалась еще в течение 10 лет. Причины его отставки и пострижения в монастырь до конца не выяснены, хотя без сомнения можно утверждать, что здесь сыграли роль его особые отношения с Б. Годуновым.

По данным «Временника Ивана Тимофеева», в свое время между А. Щелкаловым и Б. Годуновым существовала тесная связь: «...Он (Годунов — *Авт.*) имел некоего наставника и учителя своему злу, искусного во всяких злых кознях...» А. Щелкалов учил Бориса «одолевать благородных» и руководил его восхождением «от малых на великие». Между обоими братьями и Б. Годуновым существовала «на кресте утвержденная клятва, чтобы им троим управлять царством». Во исполнение этой клятвы Щелкаловы и возвели Бориса на вершины власти, но тот «нарушил данную двум братьям клятву и хотя не убил..., но изнурил их бесчестным и медленно текущим многолетним существованием и, отняв, лишил их имущества»⁴⁴.

В целом отношения А. Щелкалова и Б. Годунова были достаточно сложными. Щелкалов был популярен среди служилого сословия и не признавал превосходства Годунова над собой. Оказывая большое влияние на деятельность всего государственного приказного аппарата, он как глава Посольского приказа мог создавать определенное мнение за рубежом о том или ином человеке. Так, в разговоре с английским послом Флетчером Щелкалов говорил, что Годунов такой же, как и он, приказный человек⁴⁵.

В 1589 году австрийский посол Н. Варкоч отмечал, что А. Щелкалов находится в опале, за ним следят и Борис совсем к нему не благоволит⁴⁶. Возможно, Андрей Яковлевич предчувствовал свой бесславный конец по злой воле Годунова еще до его воцарения и, когда увидел стремление Бориса занять престол после смерти Федора Ивановича, решительно воспротивился этому. Согласно мнению С. Ф. Платонова, в конце 1593 года московские вельможи, среди которых был и А. Щелкалов, обсуждали план возведения на российский престол в случае смерти царя Федора австрийского эрцгерцога Максимилиана. 17 декабря 1593 г. состоялись тайные переговоры А. Щелкалова с Н. Варкочем. Получив щедрые подарки, Варкоч передал императору Рудольфу II приглашение на русский престол для эрцгерцога Максимилиана. Борис Годунов, узнав об измене Щелкалова, отстранил его от всех дел. С другой стороны, Р. Г. Скрынников полагает, что эти переговоры велись по поручению самого Годунова, чтобы женить австрийского принца на дочери царя Федора Феодосии. Борис был бы столь же полновластным правителем при племяннице, как и при сестре⁴⁷. Однако династический брак не удался: в январе 1594 года царевна умерла в годовалом возрасте.

Как бы то ни было, Годунов в любом случае не хотел видеть на своем пути к трону столь влиятельного и слишком много знающего думного посольского дьяка. В мае — июне 1594 года Андрей Яковлевич потерял свою должность в Посольском приказе и вскоре постригся в монахи. В момент низложения всесильного дьяка ему было около 60 лет. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря содержит сведения о том, что именно в этой обители А. Я. Щелкалов провел последние дни своей жизни монахом под именем Феодосии. Очевидно, не зря братья Щелкаловы предусмотрительно делали значительные вклады в эту монастырскую обитель. Но недолго пробыл в монастыре А. Я. Щелкалов, отмаливая грехи и наслаждаясь покоем. В 1597 (1598) году он скончался.

Как ни странно, опала старшего брата нисколько не пошатнула положения Василия и даже упрочила его. К переговорам о приглашении на престол эрцгерцога Максимилиана

он не был причастен и не только не разделил участи брата, но даже сменил Андрея на посту начальника Посольского приказа, получив в 1594 году звание думного посольского дьяка. Как дипломат В. Я. Щелкалов к этому времени был человеком достаточно известным и у себя на родине, и за рубежом. Его имя упоминается в посольских делах по сношениям России со многими странами.

С 1596 года В. Я. Щелкалов именуется в посольских документах также печатником. О значении и авторитете Василия Яковлевича свидетельствует отзыв цесарского посла, назвавшего его в 1597 году «великим человеком» и «канцлером». Именем В. Я. Щелкалова пестрят почти все отечественные дипломатические документы конца XVI века. Тем не менее посольские дела В. Я. Щелкалов докладывал царю почти всегда через Б. Годунова.

Однако через несколько лет опала постигла и Василия Щелкалова. В 1600 году он перестал быть печатником, вместо него хранителем царской печати стал давний сподвижник Годунова Игнатий Татищев. А в мае 1601 года Щелкалов и вовсе был отстранен от дел.

Причины его опалы, вероятнее всего, были непосредственно связаны со слишком большой осведомленностью братьев о закулисной деятельности Бориса Годунова. Так, в начале 1585 года переводчик Посольского приказа Я. Заборовский передал полякам информацию о переговорах Годунова с венским двором во время болезни царя Федора. Годунов предложил Вене обсудить вопрос о возможности заключения в будущем брака между его сестрой Ириной, женой царя Федора, и австрийским принцем. Он не надеялся, что сестра сохранит трон после смерти мужа. Царь выздоровел и узнал о замыслах своего шурина. Сватовство окончилось скандалом. Это был далеко не единственный случай, когда коварство Годунова получило огласку. Недаром 30 ноября 1585 г. он сделал громадный вклад в Троице-Сергиев монастырь. При опале деньги, вложенные в монастырь, не конфисковывались, и подобный широкий жест вместе с тем обеспечивал приличное содержание семье опального. Вероятно, было чего опасаться всесильному временщику, если в 1595 году он через английского агента Джерома Горсея просил предоставить ему и его семье убежище в Англии. Предварительно он направил свои сокровища в Соловецкий монастырь для последующей отправки в Лондон. Конечно, братья Щелкаловы были в курсе обращений Годунова к иностранным дворам и со временем сделались ненужными свидетелями.

Через неделю после смерти царя Федора, в феврале 1598 года, в Москве распространилась весть о пострижении царицы Ирины в монахини. Среди наиболее вероятных претендентов на трон были Романовы, Мстиславские и Годуновы. Борьба за власть среди бояр привела к острым разногласиям и спорам в Боярской думе. После длительных прений собравшиеся в Кремлевском дворце бояре обратились к народу с Красного крыльца с призывом присягнуть Думе и учредить в стране боярское правление. Особым красноречием отличался Василий Щелкалов, убеждавший народ в том, что присяга постриженной царице утратила силу и единственный выход — целовать крест боярам. Впоследствии В. Щелкалов подписал грамоту на избрание Бориса, но последний наверняка не забывал о симпатиях посольского дьяка к Боярской думе.

Опала В. Щелкалова продолжалась до самой смерти Б. Годунова. В 1605 году Лжедмитрий I призвал бывшего главу Посольского приказа ко двору и пожаловал его званием окольничего, в котором тот оставался и при Василии Шуйском. 8 мая 1605 г. В. Я. Щелкалов присутствует на свадьбе Лжедмитрия. Незадолго до своей смерти, в сентябре 1610 года, он был пожалован грамотой, в которой указывалось: «Василею Яковлевичу Щелкалову и сыну его Ивану дано привилей на поместье в Мещерском уезде в Недоходове стану, село Дубровку и село Рожественку с деревнями и с починки»⁴⁸. Скончался В. Я. Щелкалов в конце 1611 года.

В середине XVII века в Западной Европе появилось издание записок придворного математика и библиотекаря герцога голштинского Адама Олеария. В них наблюдательный автор подробно делился своими впечатлениями от путешествия в составе посольства в Московское государство и Персию. Нельзя сказать, что все увиденное в России было им понято и правильно истолковано. Но, несомненно, секретарь голштинского посольства стремился быть в своем сочинении точным и объективным. Критические высказывания в адрес русских соседствуют здесь с признанием, что среди них есть люди «весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью». Олеарий называет имя одного из таких людей и не без удивления сообщает о нем следующее: «Алмаз Иванович в молодости своей побывал в Персии и Турции и в короткое время так изучил языки этих стран, что теперь может говорить с людьми этих наций без переводчика»¹.

Не так много дошло до нас непосредственных отзывов современников о реальных людях, живших в России более 300 лет назад. Эти же строки особенно ценны для нас тем, что посвящены человеку действительно незаурядному — Алмазу Ивановичу, или, как называют его источники, Алмазу Иванову — крупному дипломату середины XVII столетия, начальнику Посольского приказа.

Составить рассказ об Алмазе Иванове нелегко. Сохранилось немало деловых бумаг, в которых упоминается его имя, имеются его собственноручные пометы на полях. Но по этим скудным данным трудно проследить даже внешнюю канву жизни и деятельности А. Иванова. Попытаемся все же свести отдельные факты в единое целое.

О происхождении Алмаза Иванова сохранилось короткое упоминание в записках барона Августа Майерберга. Он посетил Москву в качестве посланника римского императора в 1661—1662 годах. «Происходя от родителей простого звания, — пишет Майерберг, — он счастливо занимался торговлей». От внимания императорского дипломата не ускользнула и такая деталь, свидетельствующая о социальном положении Алмаза Иванова: «Самое имя показывает, что это человек из самого низкого состояния, потому московитяне в подписях и в разговоре прибавляют к своему собственному имени еще отцовское, с тою, однако ж разницею, что знатные придают к этому последнему окончание «вич», а незнатные этого не позволяют»². От Майерберга мы узнаем настоящее имя Иванова: при крещении он был наречен Ерофеем³. Алмаз — его прозвище. Нам неизвестна дата его рождения. Впервые имя Алмаза Иванова встречается в документах за 1626 год. В одном из них он назван торговым человеком гостиной сотни, получившим награду дорогими мехами за сбор «кабацких денег»⁴. Гостиная сотня — название второй по значению после гостей привилегированной корпорации, объединявшей наиболее состоятельных торговых предпринимателей, обязанных за получаемые ими льготы нести государственную службу по линии торговли или финансов.

В это время у Алмаза Иванова имеется уже свой дом в Москве. В переписной книге Кремля и улиц Китай-города за 1626 год указано: «Из Воскресенского ж переулка тупик промеж дворов боярина князя Ивана Никитича Одоевского и гостя Федотова двора Котова гостинные сотни торго-ваго человека к Алмазову двору Иванова попереч в обеих концех две сажени, и тому тупику быть по-прежнему...»⁵. Торговая деятельность А. Иванова продолжалась еще почти полтора десятка лет. В 1638 году мы видим его вместе с Федором Горбовым — таможенным и кабацким головою на Двине. Здесь им «велено торговых людей и их суды и товары ведати...»⁶.

Мы не знаем точно, на продаже каких товаров специализировался сам Алмаз Иванов. Можно предположить, что занимался он торговлей тканями. Во всяком случае, один из его сыновей, Андрей, унаследовал первоначальное занятие отца и торговал на рубеже XVII—XVIII веков в Москве в районе Никольской улицы в Сурожском ряду (кстати, его лавка находилась рядом с торговой лавкой, принадлежавшей известному живописцу Симону Ушакову)⁷.

Занятие торговлей было сопряжено с частыми переездами из одного района страны в другой, а для некоторых категорий купцов — с посещением иностранных государств. Возможно, Алмазу Иванову приходилось бывать за пределами России, сопровождая торговые караваны. Видимо, это имел в виду Олеарий, говоря о пребывании Алмаза в молодости в Персии и Турции, где он проявил завидные способности к языкам. Вряд ли это относится ко времени его службы в Посольском приказе. Во-первых, на дипломатическое поприще он вступил уже в зрелом возрасте. Во-вторых, в хорошо сохранившихся дипломатических документах середины XVII века не удалось найти какие-либо упоминания о поездке Алмаза Иванова в эти страны. В пользу версии о заграничном путешествии Алмаза Иванова в период его торговой деятельности свидетельствуют записки барона Майерберга: «Потом, будучи знаком с иноземными краями, при исправлении многих посольств, столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайным архивом царства, за иностранными послами и докладчика их посольств»⁸. Очевидно, что речь здесь идет о знакомстве Иванова с иностранными державами еще до перехода на дипломатическую службу.

Среди многочисленных приказов XVII века существовало ведомство, в которое чаще, чем в другие центральные учреждения, призывались на службу лица купеческого звания. Это — Казенный приказ, выполнявший, по существу, функции хранилища наиболее ценного царского имущества. Поэтому и зачислялись сюда люди, знавшие толк в дорогих товарах, умевшие оценивать и организовывать их точный учет. Наиболее крупные торговцы сразу получали дьяческий чин. Среди этих людей оказался и Алмаз Иванов. Вероятно, в конце 1639 года, покинув торговое поприще, он начинает карьеру государственного чиновника в качестве дьяка Казенного приказа⁹. Служба эта была хлопотной и разнообразной. По роду своей деятельности он должен был подбирать в Казне платья, драгоценности, символы царской власти для различных церемоний, в том числе дипломатических. Кроме того, А. Иванов участвовал в отборе подарков, которые вручались послам на торжественных приемах и отправлялись иностранным правителям, а также контролировал ведение специальных книг посольских расходов. Так он приобщался к дипломатической практике.

Казенный приказ издавна имел близкое отношение к посольским делам. Нередко его представители участвовали в дипломатических приемах и переговорах. Не удивительно поэтому, что Алмаз Иванов, способный от природы и отличающийся деловыми качествами администратора, переводится в начале 1646 года в одно из ведущих ведомств — Посольский приказ¹⁰. Одновременно он числится дьяком приказа Новгородской четверти¹¹, находившегося в подчинении Посольского приказа.

Главой посольской службы в этот период был думный дьяк Григорий Васильевич Львов, человек весьма интересный. Два десятка лет прослужил он в Посольском приказе¹². Отличался образованностью и начитанностью. Так, был он, по всей видимости, редактором-заказчиком одной редкой по тем временам математической рукописи. Показательно, что именно ему было поручено ответственное дело — обучать письму царевича Алексея Михайловича. Известно о его богатых книжных вкладах в Кожеозерский монастырь, где игуменом в 1642—1646 годах был знаменитый впоследствии патриарх Никон, находившийся в близких отношениях с братом Григория Львова — Борисом (в иночестве — Боголепом)¹³.

Служебные отношения Алмаза Иванова с его начальником складывались удачно. Вскоре он становится фактическим заместителем Г. В. Львова и ведет в его отсутствие дела приказа. Так, в ноябре 1646 года в Москве встречали польского посла Юрия Илича. Переговоры с ним вел Алмаз Иванов. Источники поясняют: «... а думной диак Григорей Львов того дни за болезнью в городе не был»¹⁴. От болезни Г. В. Львов так и не оправился и вскоре, в декабре того же года, скончался.

Место его занял Назарий Чистой. Положение Алмаза Иванова при новом начальстве не изменилось: он остается первым помощником главы посольского ведомства. Это как бы символически закреплялось тем, что именно Алмазу Иванову было поручено объявить Н. Чистому о его производстве в чин думного дьяка и о назначении на должность начальника приказа¹⁵. Кстати, Чистой был выходцем из той же среды, что и А. Иванов. До поступления в 1626 году на приказную службу Чистой значится в источниках как ярославский гость. Сословная близость позволяла Алмазу Иванову надеяться на покровительство начальника.

Однако их совместная служба было недолговременной. В начале июня 1648 года в Москве вспыхнуло одно из самых мощных в XVII веке городских восстаний. Восставшие обрушили свой гнев на ненавистных им представителей знати и администрации. Среди них был и Назарий Чистой. Двор его подвергся нападению, а сам он был убит.

Вскоре начальником Посольского приказа становится думный дьяк Михаил Волошенинов. Это был опытный администратор более чем с 30-летним стажем приказной службы, в том числе посольской. Последние годы перед этим назначением он возглавлял Разрядный приказ¹⁶. Таким образом, уже в начальный период своей посольской службы Алмаз Иванов имел возможность перенимать опыт работы у руководителей крупного масштаба.

Сам он все активнее проявляет себя как дипломат, входя в состав различных комиссий, ведущих переговоры с иностранными послами. В октябре 1647 года он участвует в переговорах с польскими послами, в июле 1648 года — голландским послом Конрадом Бургом, тогда же — со шведским резидентом Карлом Помереннингом. Впрочем, приходилось заниматься и менее привлекательными делами, вполне соответствовавшими духу времени. Так, в мае 1646 года указано пленного татарина Резенова «окольничему князю Петру Федоровичу Волконскому да дьяку Алмазу Иванову у пытки спрашивать и пытать». Далее: «И тот татарин пытан: было 20 ударов, и что говорил в распросе до пытки, и с пытки говорил те же речи»¹⁷.

Напряженную дипломатическую службу Алмаз Иванов сочетал с не менее насыщенной работой в Новгородском приказе. Кстати, его пометы, сохранившиеся в документах этого приказа, по мнению историка Н. В. Устюгова, «свидетельствуют об остроте его ума, находчивости и прекрасном знании действовавшего законодательства и основ приказного делопроизводства»¹⁸.

Алмаз Иванов непосредственно участвовал в разработке многих реформ, направленных на обогащение государственной казны. Так, в конце 1648 года он велел перевести казаков Новгородского уезда, служивших за хлебное и денежное жалованье («и в том нашей казне потеря большая»), на земельное обеспечение. Тогда же он организовал зачисление служивших в России иноземцев незнатного происхождения, «которые молодые люди и обычных отцов дети», в стрельцы, «а которые полутче», то есть более родовитых, — в казаки¹⁹.

По мере успешного развития служебной карьеры Алмаза Иванова укреплялось его материальное положение. Денежный его оклад в это время составлял сравнительно большую сумму — 90 рублей годовых, поместный — 700 четвертей (350 десятин). Правда, поместный оклад числился за Алмазом Ивановым лишь на бумаге. Реальных поместий (как и вотчин) у него пока не было. В феврале 1649 года он решается подать челобитную о назначении ему нового, более высокого оклада. Просьба эта была высказана в связи с поручением, открывавшим новый этап в его служебной деятельности.

Впервые за три года пребывания в Посольском приказе Алмаз Иванов был включен в состав посольства, отправлявшегося для переговоров за границу — в Стокгольм. Посольство возглавил окольничий Б. И. Пушкин. Перед русскими дипломатами была поставлена нелегкая задача. По Столбовскому миру, заключенному между Россией и Швецией в 1617 году, стороны обязаны были разыскивать и выдавать друг другу перебежчиков. Причем в соответствующей договорной статье подразумевались те люди,

которые уходили за кордон, скрываясь от наказания властей. Однако на практике из России возвращали всех перебежчиков. Теперь же московское правительство не желало по экономическим соображениям расставаться с осевшими на его землях крестьянами и ставило вопрос о первоначальной, более узкой трактовке этой статьи договора.

Послы получили два варианта инструкции: «большой наказ», по которому надлежало добиться согласия шведов на предложение русских послов без каких-либо оговорок и условий, и «меньшее письмо» — тайный наказ, допускавший выплату шведскому правительству денежной компенсации за отказ от претензий на перебежчиков.

Первое предложение, как и следовало ожидать, вызвало резкое возражение шведского двора, ссылавшегося на убытки, наносимые побегами крестьян. Б. И. Пушкину его товарищам пришлось прибегнуть к тайному наказу и начать со шведами торг.

Послы продемонстрировали высокое дипломатическое искусство. Они существенно сбили сумму денежной компенсации за невыданных перебежчиков — до 190 тыс. рублей. На этих условиях и было заключено соглашение. Шведским дипломатам не удалось увести переговоры; в сторону. Русские послы твердо держались своей линии, заявив, что «покаместь они то договореное перебежитцкое дело не совершат и записки не разменятца, о иных ни о каких делах говорити не учнут»²⁰.

В Москве были весьма довольны результатами переговоров. Служебное положение Алмаза Иванова упрочилось. Его личные заслуги в этом деле были отмечены наградой. Он получил за «свейскую посольскую службу» придачу, к окладу в размере 30 рублей и 100 четвертей (50 десятин)²¹.

Становление Алмаза Иванова как крупного государственного деятеля пришлось на один из самых сложных периодов в истории внешней политики России XVI—XVII веков. Русскому государству предстояло решить ряд жизненно важных внешнеполитических вопросов. Центральный среди них — возвращение западных земель и городов, в первую очередь Смоленска, отошедших к Польше; после Смутного времени по Деулинскому перемирию 1618 года.

Эта задача была теснейшим образом связана с планами воссоединения Украины и Белоруссии с Россией, чему в немалой степени способствовала начатая в 1648 году под руководством Б. Хмельницкого освободительная война украинского народа против панской Речи Посполитой. Одновременно русское правительство стремилось получить выход к Балтийскому морю. На юге страны в это время шла оборонительная борьба с Крымским ханством и ногайскими татарами.

Параллельно решить две крупные задачи на западных границах (война с Речью Посполитой за Украину и со Швецией — за прибалтийские земли) было практически невозможно. Следовало маневрировать, накапливая силы для борьбы в одном направлении, ища временного союзника — на другом.

В начале 50-х годов XVII в. правительственные круги России сосредоточили внимание на русско-польском вопросе. Убежденным сторонником борьбы с Речью Посполитой за воссоединение южных и западных земель с Русским государством, одним из главных идеологов антипольского внешнеполитического курса был Алмаз Иванов. Он сосредоточивает все свое внимание на проблеме русско-польских отношений.

В 1651 году состоялась первая дипломатическая миссия Алмаза Иванова в Краков. Он прибыл туда в качестве посланника вместе с дворянином Афанасием Прончищевым. Им было поручено присутствовать на сейме, рассматривавшем по требованию московского правительства дело о неточном написании в официальных документах титула российского самодержца, что расценивалось как оскорбление. Польские послы при перечислении владений Алексея Михайловича опускали упоминание о подчинении ему карталинских и грузинских царей, а также Кабардинской земли. Виновные должны были понести наказание. Однако разбирательство дела и приговор по нему носили формальный характер. Русские же дипломаты настойчиво требовали для провинившихся смертной казни. Знатным вельможам, подписавшим такие оскорбительные для государя грамоты,

допускалось сохранить жизнь. Но, по мнению русских посланников, их земли подлежали конфискации в казну польского короля, который, в свою очередь, должен компенсировать моральный ущерб, нанесенный московскому монарху, передачей ему бывших русских городов.

Эта затейливая комбинация раскрывала конечную цель дипломатической игры. Конечно, сейм категорически отказался расплачиваться завоеванными землями. А. Прончищев и А. Иванов незамедлительно покинули пределы Речи Посполитой. Вряд ли в Москве рассчитывали на иной исход переговоров. Но и отрицательные результаты посольства могли быть в дальнейшем использованы русским правительством. Они давали в случае необходимости Формальный повод для разрыва отношений.

Переломным моментом в быстро набирающей темп дипломатической карьере А. Иванова стало его участие в посольстве, отправленном в Речь Посполитую в апреле 1653 года во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским. Официальная задача посольства заключалась в попытке примирить Речь Посполитую с Б. Хмельницким, хотя правительство серьезно не рассчитывало на это. Еще в феврале — марте 1653 года оно обсуждало вопрос о предстоящей войне с Речью Посполитой за Украину. В мае в Москве открылся Земский собор, участники которого единодушно высказались за принятие «под высокую государеву руку» украинского народа. Об этом знаменательном событии немедленно были уведомлены русские послы. Причем утверждение соответствующего решению собора законодательного акта отложили до окончания их дипломатической миссии.

На самом деле посольство должно было выяснить внутреннее состояние Речи Посполитой и готовность ее правительства к войне с Россией. Попытки русских дипломатов найти компромиссное решение как основу для примирения Б. Хмельницкого и польского двора успеха не имели. Но важно было другое: в ходе переговоров послы убедились в нестабильности внутреннего положения Речи Посполитой. У правительственных кругов России появились основания рассчитывать на успешный исход предстоящей войны.

Послы возвратились в Москву 25 сентября 1653 г. В столице были весьма довольны их миссией. Особенно высоко оценили заслуги Алмаза Иванова. На третий день после возвращения он был возведен в чин думного дьяка Посольского приказа. Это означало, что одновременно Алмаз Иванов становился главой дипломатической службы России. (Бывший перед ним руководителем приказа Михаил Волошенинов умер в апреле 1653 г.) Одновременно А. Иванов возглавил еще два центральных приказа — Новгородский и Печатный.

Заступив на должность главы Посольского приказа, Алмаз Иванов тут же включился в работу и активно участвовал в решении украинского вопроса. 1 октября 1653 г. Земский собор принял официальный акт о воссоединении Украины с Россией. Через три дня в Золотой палате встречали послов от Богдана Хмельницкого. Переговоры вел новый руководитель Посольского приказа: «И указал государь думному посольскому дьяку Алмазу Иванову посланникам объявить свое государево жалованье, что гетмана Богдана Хмельницкого и войско Запорожское пожаловал, велел их принять под свою государеву высокую руку»²².

В мае 1654 года начались военные действия против Речи Посполитой. В первые месяцы войны Россия добилась значительных успехов. В июне русская армия заняла города Белая и Дорогобуж. Чуть позднее пали Рославль, Мстиславль, Шклов. В сентябре была решена одна из главных задач кампании — возвращен Смоленск.

Во время боевых действий Алмаз Иванов находился в Москве, вдалеке от театра войны. Но события, которые ему пришлось пережить в столице в этом же, 1654 году, были не менее драматичны, чем ожесточенные сражения.

В этом году по территории России прокатилась эпидемия чумы. К осени она достигла Москвы. По данным барона Майерберга, посетившего Москву через семь лет

после этой трагедии, чума унесла в столице Русского государства 70 тыс. жизней²³. Вероятно, цифра эта завышена. В любом случае масштабы бедствия были огромны. Сухие строки деловых документов рисуют страшную картину разорения города. Вот, например, некоторые данные за декабрь 1654 года: на дворе боярина князя Н. И. Одоевского в наличии — 15 человек, умерли — 295; из дворовых людей боярина Н. И. Романова выжили 134 человека, погибли — 352; у князя Я. И. Черкасского насчитали 110 человек, умерли — 423²⁴.

В эти тяжелые дни дворянская знать и служилая бюрократия старались спрятаться от беды в самых отдаленных своих поместьях и вотчинах. Отбыл из Москвы и государев двор с царицей Марией Ильиничной и царевичем Алексеем (царь Алексей Михайлович находился в военном походе). Но нельзя было совсем оставить город без присмотра властей. В этих нелегких условиях управление Москвой поручается князьям И. А. Хилкову и В. Г. Ромодановскому и Алмазу Иванову. В октябре 1654 года царица, обеспокоенная долгим отсутствием известий о Ромодановском и Иванове, запрашивает Хилкова: «На Москве ль или с Москвы куды съехали, или померли, о том ты к нам не отписал, неведомо для чего». Ответил сам думный дьяк: «И околничей князь Василей Григорьевич Ромодановский и я, холоп твой, Алмазко, были на Москве, никуды с Москвы не съезжали»²⁵.

Им приходилось быть в постоянных заботах: принимать меры против грабежей, организовывать охрану города, заниматься устройством застав, руководить тушением пожаров и т. д. О дипломатической деятельности думать пока Алмазу Иванову не приходилось. Кстати, штат Посольского приказа понес основательные потери: «подьячих 3 человека, переводчиков и толмачей живых 30 человек, а умерло с 30 же человек»²⁶.

К концу 1654 года мор «учал тешеть». Жизнь города стала постепенно входить в нормальную колею.

Война с Речью Посполитой продолжалась. Летняя кампания 1655 года принесла русской армии новые победы. Были взяты Минск и столица Великого княжества Литовского Вильно. Усилиями русских и украинских войск удалось полностью освободить Белоруссию и значительную часть Украины.

Военные успехи России заставили Речь Посполитую, ведущую одновременно войну со Швецией, искать пути для заключения мирного договора с Москвой. Польский двор рассчитывал добиться успеха, используя осложнения в русско-шведских отношениях. Крупные военные победы шведов (взятие Варшавы, Кракова) насторожили московское правительство. Оно не было заинтересовано в чрезмерном усилении Швеции — соперницы Российского государства в его борьбе за выход к Балтийскому морю. На этих противоречиях и строились планы польской стороны.

В начале 1656 года в Москву из Речи Посполитой прибыло посольство Петра Галинского. Он привез проект мирного договора и сообщил о коварных замыслах шведского короля, якобы заявившего о своем желании захватить русскую столицу. Посольство было принято холодно. В переговорах участвовали Б. М. Хитрово и Алмаз Иванов. Заявление польского дипломата о том, что мир может быть заключен лишь при условии возвращения польской короне всех завоеванных Россией земель, было отвергнуто сразу и категорично. Договорились лишь о проведении посольского съезда, на котором следовало решить вопрос о мире. Военные действия временно прекращались.

Такой поворот событий означал, что русское правительство меняло свою внешнеполитическую ориентацию. На данном этапе оно сочло целесообразным не продолжать войну с Речью Посполитой. Россия начала готовиться к войне со Швецией. На первый план выдвинулась задача приобретения прибалтийских земель. В правительственных кругах России были убежденные сторонники этого курса, среди них А. Л. Ордин-Нащокин. Ради выхода к Балтийскому морю он предлагал идти на союз с Речью Посполитой, даже если придется уступить ей Украину. Против этой радикальной позиции решительно выступали многие политические деятели. Противником крайней

точки зрения А. Л. Ордина-Нащокина был Алмаз Иванов, немало сил отдавший делу воссоединения Украины с Россией.

Возможно, поэтому А. Иванов не был включен в состав посольской делегации, направлявшейся летом 1656 года в Вильно для заключения мира с Речью Посполитой. Впрочем, окончательного соглашения на этом посольском съезде добиться не удалось. В октябре было заключено лишь временное перемирие. Русско-шведская война была уже в разгаре.

События на этот раз развивались не столь благоприятно, как во время войны с Речью Посполитой. Правда, удалось овладеть южной частью Ливонии. Русские гарнизоны заняли крепости Динабур, Кокнесе, Юрьев, Нейгаузен, Мариенбург. Удалось достичь определенных успехов в Карелии и Ижорской земле. Однако ключевая задача кампании — овладение Ригой и Нарвой — осталась нерешенной. К весне 1658 года боевые действия были приостановлены, так как Речь Посполитая возобновила войну с Россией.

В Вильно в мае 1658 года для переговоров была послана делегация во главе с боярином Н. И. Одоевским. В ее составе находился Алмаз Иванов. Начавшиеся после долгих проволочек переговоры быстро зашли в тупик. Польские дипломаты вновь выдвинули неприемлемое для русского правительства условие об отказе от завоеванных Россией земель. Настроены они были решительно: «Если же царское величество завоеванных городов и земель отдать не изволит, то нам и бог поможет, и если мы что отыщем войною, то вам будет стыдно»²⁷. Крайняя позиция польской стороны делала переговоры бессмысленными. В октябре 1658 года они были прерваны. Надежды русского правительства на союз с Речью Посполитой в борьбе со шведами не оправдались.

В создавшихся условиях единственно правильным политическим решением правительства России было прекращение войны со Швецией. В ноябре 1658 года добиться этого было поручено Ордину-Нащокину. Несмотря на свои антишведские настроения, талантливый дипломат, понимая, что в данной обстановке реализация его политических планов невозможна, сделал все для скорейшего заключения мира на выгодных для России условиях. В деревне Валиесар, расположенной около Нарвы, был заключен договор на три года. За Россией оставалась территория, занятая до мая 1658 года. Валиесарский мир в Москве расценивали как большой дипломатический успех. Повылся и укрепился авторитет А. Л. Ордина-Нащокина, одного из главных соперников Алмаза Иванова на внешне политическом поприще.

В 60-е годы XVII в. А. Иванов непрерывно участвовал в дипломатических переговорах различных рангов, уровней и направлений. Но, конечно, его коньком были русско-польские связи. Компетенция Иванова в этих вопросах признавалась и ценилась даже политическими противниками. Тот же Ордин-Нащокин, советуя царю начать переговоры с Речью Посполитой, писал: «...А в великих послах быть боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, потому что его Литва хорошо знает, разум и дела его выставляет везде, да с ним быть думному дьяку Алмазу Иванову»²⁸.

Война между Россией и Речью Посполитой, принявшая затяжной характер, истощала воюющие стороны. В ходе новой военной кампании, которая проходила с переменным успехом, русское правительство все отчетливее осознавало необходимость мирного урегулирования проблемы. Такая попытка была сделана в мае 1660 года. В город Борисов для заключения «Вечного мира» выехала представительная делегация во главе с Н. И. Одоевским, в которую входил А. Иванов. Переговорам придавалось большое значение, и проводы посольства были обставлены чрезвычайно торжественно: «...Шли на съезд с польскими комисары со всеми своими службами, стройным делом, с трубами и с литавры по посольскому обычаю через Кремль по переходы в Спасские ворота»²⁹. Несмотря на то, что в состав посольства входили сильнейшие русские дипломаты, добиться каких-либо положительных результатов им не удалось.

Новая попытка заключить мир была предпринята через два года, в середине 1662 года. В Смоленск для переговоров была отправлена делегация под началом уже неодно-

кратно упоминавшегося Н. И. Одоевского. На сей раз кроме Алмаза Иванова в нее был включен А. Л. Ордин-Нащокин. Хотя их внешнеполитические взгляды различались, им предстояло теперь делать одно дело. Но целый год прошел в напрасных ожиданиях польских дипломатов. В мае

1663 года русские послы покинули Смоленск. Единственное, что удалось сделать, — организовать «размен» пленными.

Еще одна попытка примирения была сделана весной 1664 года. И вновь в посольскую комиссию включают А. Л. Ордина-Нащокина и Алмаза Иванова. Переговоры русских и польских представителей начались 1 июня 1664 г. в деревне Дуровичи.

Обстановка на театре военных действий складывалась в это время не в пользу России. Польская армия осадила Витебск. Используя это обстоятельство, польские дипломаты вновь выдвинули совершенно неприемлемые для России условия «Вечного мира» — возврат всех завоеванных земель. И опять, который уже раз, переговоры были прерваны.

50-е — начало 60-х годов были для Алмаза Иванова временем его политического расцвета. В этот период он достиг наивысших успехов в своей служебной деятельности.

До нас дошло изображение Алмаза Иванова, правда, очень схематичное. Обязаны мы его появлению упоминавшемуся посольству римского императора во главе с бароном Майербергом. В его свите, прибывшей в Россию в 1661 году, находился придворный живописец и рисовальщик Иоганн Рудольф Сторн. Он должен был делать зарисовки интересных событий, видов, типажей во время путешествия и переговоров в Москве. Сложился, таким образом, своеобразный путевой дневник в виде графических листов. Это неоценимый материал для изучения быта Российского государства середины XVII столетия. На одном из рисунков изображена аудиенция, данная царем Алексеем Михайловичем римским послам 27 мая 1661 г. Вот как описал ее сам Майерберг: «Наши приставы поставили нас в десяти шагах от царя... В некотором расстоянии позади нас стояли все члены нашего общества. Тогда Думный Дьяк... Алмаз Иванов., сидевший с немногими другими на одной из лавок, влево от Великого князя, стал вровень с нами и сказал, что прибыли Послы Великого Римского Цесаря»³⁰. Именно этот эпизод и запечатлел Сторн. На рисунке отчетливо виден высокий, стройный Алмаз Иванов. Он, отделившись от группы царедворцев, составлявших ответную посольскую комиссию, представляет послов, указывая правой рукой в их сторону. В левой руке у него — большая соболья шапка. Одет Алмаз в длинный кафтан с высоким воротником. Крупные черты лица обозначены эскизно, но, надо полагать, с определенным портретным сходством. Художник присутствовал на аудиенции и наверняка изобразил ее по свежим впечатлениям. Алмаз Иванов — крепкий, еще нестарый мужчина с окладистой кудрявой бородой и длинными, спадающими до плеч волосами³¹.

Напряженная дипломатическая деятельность Алмаза Иванова не мешала ему активно участвовать в решении важнейших внутривосточных проблем, особенно касающихся экономической жизни страны. Здесь он использовал большой опыт и знания, полученные в годы занятий торговлей. Впрочем, и в последующее время он не терял связей с купеческой средой. Под его руководством была разработана в 1653 году и внедрена новая таможенная уставная грамота. Это — крупное прогрессивное событие в истории развития русской торговли XVII века. Суть таможенной реформы, зафиксированная в уставе, заключалась в том, что все прежние многочисленные пошлины заменялись единой, так называемой рублевой, взимаемой в строго установленном порядке (5 копеек с 1 рубля). Ликвидация старой системы обложения и унификация торгового оборота способствовали успеху складывавшегося всероссийского рынка. Будучи главой финансового ведомства (приказа Новгородской четверти), Алмаз Иванов самым внимательным образом следил за соблюдением статей таможенного устава на местах. Проводя эту реформу, он выступал как представитель новой формации предпринимателей, ставших непосредственными предшественниками дельцов

Петровской эпохи. Здесь позиция Алмаза Иванова объективно сближалась с устремлениями А. Л. Ордина-Нащокина, автора Новоторгового устава 1667 года.

В середине 50-х годов XVII в. к разнообразным постам Алмаза Иванова прибавился еще один: он стал начальником Монастырского приказа. На этой должности Алмаз Иванов имел тесные контакты с всесильным тогда патриархом Никоном, которого интересовала деятельность приказа. Через приказ осуществлялась раздача земельных владений монастырям, нередко — по указанию патриарха. Правда, это не помешало Алмазу Иванову позднее принять активное участие в деле низведения Никона с патриаршего престола. Он посылался для переговоров с Никоном в Воскресенский монастырь, а в 1666 году вошел в состав комиссии, подготовившей по документам центральных приказов обвинения в адрес бывшего духовного владыки. Комиссия инкриминировала ему в том числе незаконные вмешательства в дела, находившиеся в компетенции Монастырского приказа.

Алмаз Иванов в годы расцвета своей деятельности считался влиятельным государственным деятелем, связями с которым весьма дорожили. Некоторые дипломатические документы с просьбами и предложениями адресовались не царю, а прямо на его имя. В нем искали заступника и покровителя.

Не забывал Алмаз Иванов и о своем материальном благополучии. Получив чин думного дьяка, а с ним и высокие денежные доходы, он приобрел в 1654—1655 годах вотчинные владения в Ростовском и Московском уездах. Тогда же ему даются поместные земли в Нижегородском уезде. В 1655 году А. Иванов совершает еще одну сделку: покупает дом в Китай-городе, на Введенской улице³².

Но вернемся к внешнеполитической обстановке середины 60-х годов XVII в. Основной задачей для России оставалось заключение долгожданного мира с Речью Посполи-той. В апреле 1666 года в деревне Андрусово начался новый этап переговоров. Главой русской делегации был назначен А. Л. Ордин-Нащокин. Алмаз Иванов в состав делегации не вошел. На этот раз перемирие было достигнуто.

Андрусовское перемирие — крупный внешнеполитический успех России и личный триумф А. Л. Ордина-Нащокина, который после его заключения стал одним из самых влиятельных политических деятелей России.

Алмазу Иванову уже трудно было конкурировать с удачливым дипломатом, получившим к тому же боярский чин. (Купеческое происхождение А. Иванова лишало его возможности достичь такого же высокого чина.) В марте 1667 года думный дьяк уступает место главы Посольского приказа новоявленному боярину А. Л. Ордину-Нащокину.

На этом закончилась длившаяся более 20 лет дипломатическая карьера Алмаза Иванова. Но с уходом из посольского ведомства не прекратилась его государственная деятельность. Не изменилось к нему и отношение со стороны верховной власти. Алмаз Иванов получает чин печатника и остается на посту руководителя Печатного приказа, на который он был назначен еще в 1667 году. Под его началом остается приказ Новгородской четверти. Он — постоянный участник торжественных придворных церемоний. Успешно продвигаются по службе сыновья Алмаза Иванова.

Сам же Алмаз Иванов недолго прожил после ухода с должности начальника Посольского приказа. Умер он 29 апреля 1669 г.³³ Можно предположить, что погребен был бывший канцлер в церкви Введения, находившейся на Введенской улице рядом с его домом. Здесь же были похоронены жены его сыновей Андрея — Акси́нья и Семена — Марфа³⁴.

За последние 14 лет пребывания во главе дипломатической службы Алмаз Иванов оставил заметный след в истории внешней политики России XVII века. Достаточно сказать, что в этот период при его непосредственном участии был решен вопрос воссоединения русского и украинского народов. Уже одно это дало нам основание уделить его биографии несколько страниц.

АФАНАСИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ОРДИН-НАЩОКИН

«Никто из московских государственных дельцов XVII века не высказал столько, как он, преобразовательных идей и планов, которые после осуществил Петр»¹, — так характеризовал «русского Ришелье» — Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина — В. О. Ключевский. Действительно, в русской дипломатии XVII столетия это наиболее яркая личность, человек, воплотивший в себе все своеобразие «бунташного века». Деятельный государственный ум аналитика с самостоятельным взглядом на окружающий мир и своей программой действий сочетался в нем с неутомимостью труженика. Для своего времени он был хорошо образован: умел писать «слогательно», изучал математику, владел латинским и немецким языками; про него говорили, что он «знает немецкое дело и немецкие обычаи знает же»². При этом, как справедливо заметил австрийский дипломат Август Майерберг, встретившись однажды с А. Л. Ординым-Нащокиным в Ливонии, он «вовсе не глупый подражатель наших обычаев».

Человек широких взглядов, Афанасий Лаврентьевич писал царю о недостатках в государственных учреждениях, в военном устройстве, осуждал консервативные московские порядки и нравы. Сторонник сближения с Западной Европой, он искал его в интересах России: «Какое нам дело до иноземных обычаев — их платье не по нас, а наше не по ним»³. Характеризуя А. Л. Ордина-Нащокина, врач царя Алексея Самуил Коллинз пишет: «Великий политик, очень важный и мудрый государственный министр и, может быть, не уступит ни одному из министров европейских»⁴.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин родился около 1607 года в семье дворянина из пригорода Пскова Опочки Лаврентия Денисовича Ордина-Нащокина, служившего по псковскому списку служилых людей. Детство Афанасия протекало в бурные годы борьбы с нашествием поляков и шведов на русскую землю, оставившие глубокий след в его сознании.

С ранних лет проявились у него любознательность и тяга к учению. Местный священник научил его русской грамоте, а заезжий поляк — польскому и латинскому языкам. Тогда же зародилась у него любовь к чтению, сохранившаяся в течение всей его жизни.

В 1622 году, когда Афанасию исполнилось 15 лет, отец отвез его в Псков. Здесь он был записан в псковский полк на государеву службу как сын боярский (низший чин служилого человека по отечеству) из Опочки.

В начале 30-х годов, находясь по делам в Пскове, А. Л. Ордин-Нащокин подружился с псковским дворянином Василием Колобовым, вскоре женился на его дочери и окончательно перебрался из Опочки в Псков. В молодой семье родились два сына — Воин и Василий. А. Л. Ордин-Нащокин был рачительным хозяином: познакомился с иноземными купцами, продавал им хлеб, пеньку, дом его был полной чашей.

Укрепив свое материальное положение, энергичный Афанасий Лаврентьевич стал подумывать о более широкой деятельности. Задача облегчалась тем, что его тесть В. Колобов был знаком с Б. М. Дубровским — товарищем начальника приказа Большой казны, «тайнейшим и начальнейшим боярином в царстве» Ф. И. Шереметевым. Прибыв в Москву в начале 40-х годов XVII в., А. Л. Ордин-Нащокин познакомился кроме Ф. И. Шереметева и Б. М. Дубровского, ставшего казначеем и думным дворянином, с начальником Посольского приказа Ф. Ф. Лихачевым, с печатником, влиятельным дьяком Новой чети И. И. Патрикеевым. Знал Ордин-Нащокин и другого дьяка Новой чети — Томилу Истомина, дьяка Посольского приказа Григория Львова и других деятелей московских приказов.

Образованный, начитанный, владевший иностранными языками, обходительный молодой дворянин заметно выделялся на фоне не только провинциального, но и московского служилого люда. Поэтому, когда он был представлен ведущим деятелям

московской приказной администрации, они его охотно приняли и при первом же удобном случае не преминули использовать на дипломатическом поприще.

На рубеже 30—40-х годов XVII в. резко обострились русско-турецкие и соответственно русско-крымские отношения. Но воевать с Османской Портой Россия тогда не могла. Военно-дипломатическая осторожность России на юге объяснялась не только слабостью экономического потенциала страны, но и сложностью ее взаимоотношений с Речью Посполитой: старинный русский ключ — город Смоленск оставался под ее властью, с нею продолжались пограничные споры. А на Украине, потрясаемой народными восстаниями, звучали призывы к борьбе с панско-католическим гнетом за воссоединение с Россией.

Постоянные конфликты с грозной Османской Портой и пограничные споры с поляками породили в Москве слухи, что в Варшаве и Стамбуле могут договориться о совместных действиях против России. Надо было проверить достоверность этих слухов, организовав глубокую разведку и сбор информации.

Для выполнения этой сложной задачи царю Михаилу рекомендовали послать в качестве наблюдателя А. Л. Ордина-Нащокина, а местом его пребывания был определен город Яссы — столица Молдавии, бывшей тогда в вассальной зависимости от Порты. Молдавский господарь Василе Лупу (1634—1653 гг.) благожелательно относился к единой России. Город Яссы был расположен на перекрестке дорог из Стамбула через Балканы на Русь, Украину и в Речь Посполитую. Мимо него не могли проехать православные греческие монахи, направлявшиеся в Москву и возвращавшиеся оттуда, а также русские паломники, послы из Речи Посполитой в Крым и Турцию. Находясь в Яссах, можно было, как в зеркале, увидеть весь узел политических дел Восточной Европы.

24 октября 1642 г. Афанасий Лаврентьевич выехал из Москвы с тремя помощниками, везя в подарок господарю 11 сороков и 5 пар соболей и шкуру чернобурой лисы. Ехать пришлось ночами через наводненную польскими жолнерами Украину, оглядая большие города, так как в пределах Речи Посполитой действовал указ о задержании всех лиц, прибывающих из России. Господарь радушно принял посланца русского царя, благодарил за подарки и обещал всяческую помощь. Московскому дипломату были определены резиденция, питание, прислана национальная одежда. Все переговоры велено было вести через близкого к господарю И. Астафьева.

Ордин-Нащокин тщательно собирал информацию о намерениях польского и турецкого правительств и их военных приготовлениях, а также следил за событиями на границе. От его внимания не ускользали действия польских резидентов в Бахчисарае и Стамбуле. Писал он о запорожских и донских казаках, проводивших в то время довольно самостоятельную политику. Через доверенных лиц Ордин-Нащокин знал, например, о чем шел разговор на польском сейме в июне 1642 года, о противоречиях внутри польско-литовского правительства по вопросу об отношениях с Россией. Неустанное наблюдение вел московский дипломат и за действиями крымских ханов и писал в Москву, что послов их, ехавших от царя, перебили литовцы, что сами они готовят свои армии для нападения на Россию.

Миссия А. Л. Ордина-Нащокина имела существенное значение и для большего сближения Молдавии с Россией: вассал Османской Порты, территория которого была зажата между враждующими инаковерующими державами и периодически разорялась то татарами, то турками, молдавский господарь Василе Лупу естественно тяготел к своему северному соседу — единой России и «показал свое радение и совет» русскому царю. На встрече 23 декабря 1642 г. царский посланец всячески одобрял помощь Василе Лупу России.

В ответ Василе Лупу клялся в искренней любви и преданности России, обещая подробную информацию и помощь: «Где ни услышу де какое дурно к ево царскому величеству, или што де мне укажет его царское величество, и яз де готов ему, государю, головой своей служить»⁵.

И действительно, молдавский господарь оказывал материальную и всякую другую поддержку А. Л. Ордину-Нащокину во время его многомесячного пребывания в Яссах. Он стремился создать все условия для успеха миссии: держал его при себе как служилого человека, якобы переехавшего к нему на службу, брал с собой во время инспекционных поездок вдоль границ, помог установить безопасную пересылку донесений в Москву и т. д.

Оценивая миссию А. Л. Ордина-Нащокина в плане дипломатическом, можно сказать, что она была своевременной и полезной: позволила выяснить обстановку на юге после «азовского сидения» казаков и подготовить почву для успеха предполагаемых посольств России в Варшаву и Стамбул.

Была она успешной и в субъективном отношении: позволила Ордину-Нащокину оценить свои возможности и способности как дипломата и на многое взглянуть как бы извне.

Уже тогда благодаря своему критическому уму А. Л. Ордин-Нащокин стал подмечать недостатки в организации посольской службы и акцентировать на них внимание царя: «Житье наше русское, что царя-колокола звон — што дале от колокольни отойдешь, то больши слышат».

Посланец царя проявил интерес и к молдавской экономике и торговле, просил прислать из Москвы для выгодной продажи изделия из золота и серебра пряденого.

Глубокое зондирование политической и международной обстановки на юге дало в руки правительства Михаила Федоровича чрезвычайно важные сведения и позволило, сохранив мирные отношения с соседями, правильно сориентироваться и не сделать промахов в сложных условиях продолжавшейся общеевропейской Тридцатилетней войны.

В 1643 году, закончив дела в Яссах, дипломат возвратился в Москву, но пробыл здесь недолго. Молдавское посольство принесло Афанасию Лаврентьевичу лишь моральное удовлетворение — его служебное положение не изменилось: вернувшись домой в Псков, он заполнял свой досуг заботами о хозяйстве.

Однако вскоре, уже в конце 1644 года, о нем вспомнили и поручили проверить слухи о якобы готовящемся польско-датском вторжении в Россию. Как и раньше, в Молдавии, А. Л. Ордин-Нащокин сделал ставку на помощь православных иерархов. Он установил связь с архимандритом Духова монастыря в Вильно Никодимом и от него узнал, что Польша и Литва охвачены внутренними смутами и что правительство Владислава IV не намерено было в тот момент сводить счеты с Россией по пограничным вопросам. Эти сведения подтвердили и специально посланные А. Л. Ординым-Нащокиным в Литву с товарами купцы.

Афанасий Лаврентьевич сообщил успокоительные сведения и по датской проблеме: скованная борьбой со Швецией, Дания не будет ссориться с Россией из-за неудавшегося сватовства принца Вольдемара к царевне Ирине Михайловне, сестре царя. Однако в том же, 1644 году польские лазутчики распустили слух о предполагаемом вторжении польско-датского войска в пограничные уезды России. Жители Псковского, Островского, Опоческого и Вилейского уездов пришли в волнение, стали покидать насиженные места — начался «всполох великий» от этих «затейных речей». А. Л. Ордину-Нащокину в середине июня 1645 года быстро и оперативно удалось восстановить порядок и успокоить жителей пограничных районов. Но и эти энергичные усилия не внесли изменений в служебное положение псковского дворянина: его имя не упоминается в официальных бумагах целое пятилетие. Только события во время восстания в Пскове изменили судьбу А. Л. Ордина-Нащокина. Произошло это так. В 1649 году, как уже было сказано, в Стокгольме со шведами был заключен договор о выплате денег за перебежчиков. В Москве решили погасить часть долга путем продажи шведам хлеба по рыночной цене. Псковские помещики, основные поставщики товарного хлеба, совместно с гостем Ф. Емельяновым провели спекулятивную операцию, в результате которой цены на хлеб на псковском рынке стремительно возросли. Псковичи — посадские люди, давно

роптавшие на дороговизну, — были возмущены этими махинациями и 28 февраля 1650 г. взбунтовались. Они решили написать челобитную царю, а прибывшего в Псков за хлебом шведского коммерсанта Нумменса арестовали. 1 марта город бурлил и фактически вышел из повиновения воеводе Н. С. Собакину.

Противников восстания объединил находчивый А. Л. Ордин-Нащокин, употребивший дипломатические способности на подавление восстания: посоветовал отвлечь псковичей составлением новой челобитной царю Алексею Михайловичу. Сам же Ордин-Нащокин, собрав все сведения о восстании, 5 марта спешно выехал в столицу. 12 марта он уже рассказывал о восстании молодому царю Алексею Михайловичу, настойчиво советуя ему расколоть ряды мятежников политикой «кнута и пряника». Усердие его было замечено, и, как справедливо считает академик М. Н. Тихомиров, приезд в Москву послужил своего рода трамплином для последующей карьеры А. Л. Ордина-Нащокина⁶. Инцидент с подавлением псковского восстания показывает, что с первых шагов своей службы Ордин-Нащокин был последовательным и преданным сторонником крепкой абсолютной монархии.

Прошло немногим более года, и в 1652 году мы видим А. Л. Ордина-Нащокина во главе комиссии по размежеванию границы со Швецией. Назначение на эту должность не застало дипломата врасплох. Еще в 1642 году он участвовал в размежевании земель по рекам Пивже и Меузице. Тогда А. Л. Ордин-Нащокин показал себя искусным в полемике дипломатом, решительным сторонником мирного решения спорных вопросов, мастерски справившимся с порученным государственным делом, и гостеприимным хозяином: по русскому обычаю он устроил прием для шведских делегатов в своей печорской деревне, подчеркнув этим, что русские люди умеют дорожить спокойствием на своих рубежах. Работа межевых комиссий в 1652 году была осложнена проблемой выплаты денежной компенсации за перебежчиков из-за шведского рубежа в Россию. Лишь в октябре, несмотря на сопротивление помещиков и той и другой стороны, А. Л. Ордину-Нащокину удалось обменять на обе стороны 100 семей, а в ноябре шведам были переданы 607 человек и приняты от них 462. Что же касается уточнения границ по рекам Пивже и Меузице, то, как и в прошлый раз, А. Л. Ордин-Нащокин обратился за помощью к крестьянам, хорошо знавшим межевые знаки, и вновь подтвердил права России. Все же добиться окончательного разрешения пограничных споров ему не удалось.

Так закончился начальный период дипломатической службы псковского дворянина. Работа в межевых комиссиях и молдавское посольство были прекрасной школой, в которой формировались его незаурядный талант и характерные черты «нащюкинского» стиля в дипломатии: безоговорочно и твердо отстаивать интересы своей Родины, связывать внутренние проблемы страны с ее внешней политикой и проявлять смелость, «не боясь опалы», при решении назревших вопросов.

Участие в войнах против Речи Посполитой и Швеции — этап в служебной биографии А. Л. Ордина-Нащокина. В сентябре 1654 года он уговаривал жителей захваченного поляками Витебска принести присягу царю и сдать город без боя, а через месяц вместе с отрядом псковского воеводы И. И. Салтыкова штурмовал города по среднему течению Западной Двины. В конце года Афанасий Лаврентьевич — воевода Друи, небольшого города Полоцкого воеводства, вплотную примыкавшего к шведским владениям в Прибалтике.

Чтобы закрепить военные успехи на северном участке русско-польского фронта и создать здесь стратегический плацдарм на случай борьбы за Балтийское побережье, друицкий воевода в том же году предложил царю Алексею овладеть Латгалией и занять ее главный город Динабург (Даугавпилс). Предложение было принято правительством, и А. Л. Ордин-Нащокин в феврале 1655 года выехал в Резицу (Резекне), куда должно было подойти подкрепление из Пскова.

Дабы не нарушить неустойчивого мира со шведами, напуганными успехами русского оружия, воевода уведомил губернатора Риги о предполагаемом походе в Южную

Ливонию и заверил, что границы шведских владений не будут нарушены. А сам с отрядом в 700 человек 10 апреля осадил Динабург.

Но взять Динабург не удалось: для штурма города своих сил у воеводы было явно недостаточно, а резервы из Пскова не успели — чванливый боярин Салтыков посчитал унижительным помогать безродному псковскому дворянину. В мае 1655 года к осажденному Динабургу подошел полк литовского шляхтича С. Комаровского в 4 тыс. штыков, и А. Л. Ордин-Нащокину с боями пришлось отходить назад к Резице. Чуть позже с согласия литовских магнатов Радзивиллов в Динабург вошли шведские войска.

Летом 1655 года русская армия стремительно наступала по всему русско-польскому фронту. В Литве были заняты города Вильно, Ковно, Гродно. Войска воеводы С. Урусова, в составе которых находился отряд друйского воеводы, дошли до Бреста и преградили здесь путь шведским полкам.

Успехи русского оружия в войне с Речью Посполитой напугали Швецию: Россия вплотную подходила к берегам Балтийского моря, угрожала ее прибалтийским провинциям и ставила под сомнение идею полного господства шведов на Балтике. Правительство Карла X, сговорясь с рядом польских и литовских магнатов, решило напасть на ослабленную Речь Посполитую, захватить ее земли, отобрать у России все, что она приобрела в ходе войны, и поставить заслон на ее пути к морю.

В январе 1656 года русское правительство после долгих размышлений приняло решение искать пути примирения с Речью Посполитой и готовить войну со Швецией.

По распоряжению царя А. Л. Ордин-Нащокин еще в сентябре 1655 года возвратился из похода на Брест в Друю и разгромил поставленные по Западной Двине после захвата Динабурга шведские заставы. Он укрепил гарнизоны Друи и Дриссы, привлек на царскую службу часть литовской шляхты и содействовал возрождению хозяйственной деятельности края. Одновременно он вел энергичную переписку с курляндским герцогом Яковом и рижским генерал-губернатором Делагарди, первому предлагая верно служить России, а от второго требуя отвести войска из района Друи.

Накануне вступления русской армии в Прибалтику А. Л. Ордин-Нащокин организовал детальную разведку шведских сил, составил описание состояния дорог и укреплений и даже рекомендовал царю удобный маршрут движения на Ригу.

Но сам друйский воевода в этом походе не участвовал: за несколько дней до выступления армии в поход он по распоряжению царя отправился к герцогу Якову в Митаву, (Елгава), чтобы передать ему послание Алексея Михайловича, гарантировавшее неприкосновенность территории и населения Курляндии. Русский посол просил герцога и его канцлера помочь русским войскам продовольствием и обеспечить безопасность русской армии со стороны Курляндии. Курляндский канцлер Фолькерзам обещал сделать все, чтобы привлечь рижан на сторону России. Посольство А. Л. Ордина-Нащокина в Митаву закончилось более чем успешно: он договорился с герцогом о дружественном союзе и получил от него заверение всячески помогать России в приобретении Риги.

Попутно посол решал и другие вопросы. Он собрал ценные сведения о концентрации шведских войск в Риге, о состоянии ее обороны, на свой страх и риск провел полезные для России переговоры с оказавшимся в Митаве послом Бранденбурга Эйленбургом для выяснения истинной позиции курфюрста — в тот момент союзника Швеции. В ходе переговоров выяснились лояльная позиция курфюрста к России и его негативное отношение к агрессивным планам шведского короля.

9 августа в русском стане на Западной Двине А. Л. Ордин-Нащокин лично докладывал царю о результатах своей поездки в Курляндию и изложил свой план захвата Риги: армию форсированным маршем бросить к стенам крепости, отряд Ордина направить к устью Двины, чтобы взять морские ворота города — Дюнамюнде (Шанцы).

Алексей Михайлович решил последовать совету Ордина-Нащокина. Однако осуществить этот дерзкий план не удалось: шведские корабли упредили рейс к Дюнамюнде сухопутного кавалерийского отряда Ордина-Нащокина и вошли в устье

Двины. А царь после безуспешной двухмесячной осады балтийской твердыни в первых числах октября отвел свои войска обратно вверх по Западной Двине.

При отводе войск А. Л. Ордин-Нащокин следовал со своим полком сначала по левому берегу с курляндской стороны, а затем совершил контрудар в сторону Риги, чтобы не дать шведам захватить русские суда, засевшие на мели. Эти меры обеспечили отход русских войск в строгом порядке и почти без потерь. Алексей Михайлович после неудачи под Ригой покинул ставку и возвратился в Москву.

Указом от 12 октября 1656 г. А. Л. Ордин-Нащокин, которого царь теперь хорошо знал и высоко ценил за распорядительность, был назначен воеводой Кокнесе (Царевичев-Дмитриев-города). В его ведение вскоре были переданы все города Прибалтики, занятые русскими войсками. В течение пяти лет А. Л. Ордин-Нащокин жил в Кокнесе, где был воеводой вплоть до 1661 года. Отсюда он внимательно изучал экономическую и политическую жизнь сопредельных стран, их административные порядки, познакомился с ведущими отраслями экономики прибалтийских городов, что дало ему пищу для размышлений и выработки своей программы преобразований.

Воевода много и плодотворно работал для прибалтийской земли и оставил заметный след в жизни латышского народа как умелый администратор, чутко относившийся к нуждам местного населения. Он многое сделал для того, чтобы на землях Ливонии обращение с крестьянами и горожанами со стороны русских войск было гуманным и справедливым, содействовал восстановлению экономики городов и налаживанию сельского хозяйства. Это вскоре дало свои результаты: Ливония с 1658 года стала снабжать хлебом не только свое население и расположенные на ее территории войска, но и пограничные русские районы, опустошенные врагом.

Первостепенной заботой воеводы Царевичев-Дмитриева-города было повышение боеспособности воинских сил и всемерное стратегическое укрепление всего подведомственного ему района. В первую очередь он занялся экипировкой гарнизонов и полков нового строя.

В переписке с царем А. Л. Ордин-Нащокин изложил стройную программу перестройки системы комплектования и управления армией. Вместо ополчения дворян, прибывавших в армию по мере надобности со своей экипировкой и своими людьми, показавшего несостоятельность в военных условиях, он предложил расширить «строительство» новых солдатских и рейтарских полков путем набора так называемых даточных людей, призываемых на службу из низших слоев населения и зачисляемых на «государево жалованье». Для них он считал целесообразным установить определенный срок службы, а дворянам и казакам категорически запретить самовольные отлучки из армии. Существенную роль отводил воевода комплектованию и обучению стрелецкого войска. И наконец, советовал царю не отказываться от приглашения в русскую армию наемников из числа крестьян-латышей, справедливо полагая, что это ослабит армию противника, комплектовавшуюся в значительной мере за их счет.

С точки зрения А. Л. Ордина-Нащокина, управление армией в России было поставлено совершенно неудовлетворительно. Излишняя централизация при отсутствии быстрой связи осложняла действия воевод, сковывала их инициативу и вела к затягиванию боев, а то и к поражению. Так, А. Л. Ордин-Нащокин считал, что руководить боевыми действиями на территории Лифляндии должны воеводы Пскова. Ссылка на Псков — не проявление местного патриотизма, а глубокое убеждение в том, что этот город, расположенный в непосредственной близости к шведской границе, должен играть в военном отношении гораздо большую роль, чем, например, Новгород.

Политика А. Л. Ордина-Нащокина в занятой части Прибалтики имела глубокий экономический смысл и тонкий политический расчет. Он стремился утвердить среди латышей добрые отношения к России, считая, что плохой мир лучше доброй ссоры. Для этого он возвращал населению несправедливо изъятое имущество, в городах сохранял

городское самоуправление в виде магдебургского права, по которому решение всех городских вопросов предоставлялось местной выборной верхушке из среды горожан.

Всемерная поддержка горожан, в основном торговцев и ремесленников, входила в экономическую программу воеводы Царевичев-Дмитриева-города. Он, будучи проводником идей меркантилизма, считал, что государству нужен активный торговый баланс, то есть превышение доходов над расходами во внешней торговле. Добиваясь этого, Ордин-Нащокин содействовал экспорту поташа, древесины и продуктов переработки леса. Ему же царь поручил построить в городе денежный двор и наладить выпуск медных денег.

Но сколь ни энергичны и целесообразны были действия А. Л. Ордина-Нащокина как воеводы и администратора, все же большую часть времени он отдавал делам дипломатическим. Оно и понятно: ведущие европейские державы с тревогой следили за развитием событий в Восточной Европе — за вторжением шведов в Речь Посполитую и попыткой России прорвать блокаду Балтийского моря. Дипломаты Англии и Франции прилагали энергичные усилия, чтобы примирить Швецию с Россией и Речью Посполитой. Одним из них был посланный Кромвелем Ричард Бредшоу. Прибыв в Ригу, он потребовал от А. Л. Ордина-Нащокина, находившегося в Кокнесе, пропустить его в Москву. Афанасий Лаврентьевич поспешил изложить царю свои соображения на сей счет. Он писал, что англичане будут пытаться вернуть себе торговые привилегии, полученные еще в XVI веке и отобранные у них в 1649 году, что они намерены вести переговоры с целью остановить продвижение русских войск в Лифляндии и тем помочь шведам. Подобные же соображения высказал и находившийся в Дании русский посол Д. Мышецкий.

Трезво оценив эти сообщения, царь распорядился не пускать англичан в глубь России. Близ Смоленска они были остановлены и под предлогом опасности заражения чумой отправлены в Мемель (Клайпеду). Такую же неудачу потерпела и миссия француза Якова Деминьера. Россия не допустила англо-французского вмешательства в русско-шведские отношения.

Очутившись в трудном положении летом 1657 года, шведы настойчиво искали примирения с Россией, пытаясь одновременно ударить ей в спину кривой саблей турецкого султана: Карл X предложил Мухаммеду IV объединиться против России. Царь Алексей колебался. Боярская дума еще в феврале 1657 года приняла решение возобновить переговоры с королем Швеции, а воевода Царевичев-Дмитриева-города через приказ Тайных дел — личную канцелярию царя — засыпал его письмами, убеждая не делать этого. Ордин-Нащокин считал, что сложилась благоприятная обстановка для похода на Ригу: Карл X завяз в Польше, гарнизон Риги ослаб, а курляндский герцог Яков и литовский гетман Гонсевский обещали царю поддержку.

На основании этих писем некоторые исследователи представляют А. Л. Ордина-Нащокина как одержимого, доходившего порой до безрассудства сторонника непримиримой войны со Швецией. В действительности же его программа внешней политики России менее всего походила на застывшую догму. Он справедливо полагал, что в ситуации, когда России угрожали на севере Швеция, на юге — Турция и Крымское ханство, единственным вероятным союзником России может быть лишь славянская страна, равным образом страдавшая от тех же противников, — Речь Посполитая.

Так же Ордин-Нащокин думал и в 1657 году, когда ему казался таким близким успешный исход борьбы за Балтику. Победа России открыла бы сдерживаемые шведами шлюзы для широкой торговли и духовного общения России с развитыми европейскими странами. Поэтому, стоя у ворот Риги, он так настойчиво пытался преодолеть сопротивление придворных группировок, упрямо стремившихся к войне с Речью Посполитой.

Ордин-Нащокин трезво оценил трудности Швеции: создание антишведской лиги, истощение финансов и подрыв экономики державы, воевавшей непрерывно почти 40 лет, военные неудачи в Речи Посполитой — и настаивал на активных действиях русских войск для овладения Ригой. Он считал достаточным послать из России 10-тысячное

войско и воспользоваться помощью Курляндии. Но противники взглядов Ордина-Нащокина одержали верх.

По мере восхождения худародного дворянина по служебной лестнице росла ненависть к нему со стороны боярской аристократии и приказных дьяков.

Царь, однако, не забыл деятельного администратора и дипломата. В апреле 1658 года А. Л. Ордин-Нащокин был пожалован в думные дворяне. В царской грамоте отмечалось, что придворный чин дан ему за то, что «ты о наших великого государя делех радеешь мужественно и храбро, и до ратных людей ласков, а ворах не спускаешь и против швейского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем»⁷.

Пожалование в думные дворяне не было делом случая. В международном положении России и в ее внешней политике на рубеже 1657—1658 годов наметились серьезные изменения: после смерти Б. Хмельницкого его преемник гетман И. Выговский, противник России, перешел на сторону польского короля; польский сейм отверг кандидатуру царя на польский престол. А в Москве на царя оказывала сильное давление антипольская группа бояр. Больше того, царская казна за годы войны опустела, войска устали, флота не было, не хватало и реальных сил, чтобы довести до победного конца войну со Швецией. Все это привело к необходимости начать переговоры со шведами о примирении.

В 1657 году шведская сторона через М. Делагарди настойчиво добивалась прекращения войны. Русское правительство, трезво оценив обстановку на Украине и приняв во внимание враждебные шаги Речи Посполитой, приняло предложение заключить мирный договор. Был объявлен состав русского посольства на переговорах. В него вошли боярин князь И. С. Прозоровский, думный дворянин А. Л. Ордин-Нащокин, стольник И. А. Прончищев и дьяки С. Дохтуров и Е. Юрьев. Алексей Михайлович уполномочил ливонского воеводу (такой титул носил теперь А. Л. Ордин-Нащокин) вести секретные переговоры со шведами и «всеми мерами», вплоть до выплаты денежной компенсации, добиваться уступки корабельных пристаней на Неве в Канцах (Ниеншанц) и Орешке, Кокнесе на Двине и Ругодиве.

Переговоры, открывшиеся в деревне Валиесар (между Нарвой и Сыренском) 17 ноября 1658 г., протекали очень бурно. Шведы требовали восстановить в полной мере условия Столбовского договора 1617 года и выплатить денежную компенсацию за перебежчиков. А русская делегация стремилась закрепить завоеванное в Прибалтике и настаивала на свободе торговли для русских купцов. А. Л. Ордин-Нащокин на тайной встрече со шведами говорил об уступке России за выплату крупной суммы Нарвы, Риги и Ревеля. В крайнем случае он предлагал иметь в Риге шведского и русского губернаторов, чтобы на месте решать торговые споры.

Острыми были дискуссии о судьбе Курляндии. Русская делегация настаивала на возвращении в Митаву плененного шведами герцога Якова с семьей и выводе из Курляндии шведских войск.

Ливонский воевода твердо вел дипломатическую дуэль в Валиесаре и добился крупного успеха, в известной мере неожиданного для правительства. По договору о перемирии от 20 декабря 1658 г. за Россией на три года закреплялись все земли Ливонии, занятые русскими войсками, с городами Кокнесе, Юрьев, Мариенбург, Анзль, Сыренск, Ям-на-Нарове, побережье Чудского озера, а также города, взятые у Речи Посполитой: Динабург, Резица, Лютин, Мариенгауз с их уездами. Россия вновь овладела гаванями на Двине и Нарове и небольшим участком Финского залива, то есть фактически получила доступ к Балтийскому морю.

Удалось прекратить оккупацию Курляндии шведами. Герцог Яков был освобожден и возвратился на родину. Был решен и вопрос о перебежчиках: всем русским людям и карелам, оказавшимся после Столбовского мира на шведской территории, разрешалось по их желанию возвратиться в Россию.

Царь высоко оценил труды русской посольской делегации в целом и А. Л. Ордина-Нащокина в частности. Назначив его главой посольской делегации, Алексей Михайлович потребовал от лифляндского воеводы любой ценой превратить перемирие в «Вечный мир», сохранить за Россией выход к морю и попытаться склонить шведов к союзу против Речи Посполитой, возобновившей войну на Украине и в Белоруссии.

С огромным рвением великий посол взялся за выполнение наказа царя, но успеха не достиг. Два года шли бесплодные переговоры между А. Л. Ординым-Нащокиным и шведским генералом Бент-Горном сперва на Двине, в Томсдорфе, а затем в Эстляндии, в Святогорской деревне. Русская делегация добивалась заключения «Вечного мира» с сохранением всего приобретенного, а шведские комиссары требовали восстановления предвоенных границ. Объективные и субъективные факторы были на стороне Швеции. Во-первых, польско-шведская война шла на убыль. Франция и Англия прилагали все усилия, чтобы примирить Швецию с Речью Посполитой и Данией, и добились желаемого. В мае 1660 года в Оливе был заключен между ними мирный договор, развязавший Речи Посполитой руки для войны на востоке. Согласно статье пятой договора, текст которого А. Л. Ордин-Нащокин спешно переслал в Москву, все земли, приобретенные Россией в этой войне, должны были вновь отойти к Швеции и Речи Посполитой.

Во-вторых, на Украине события приняли грозный для Москвы оборот: в 1659 году под Конотопом казаки Выгов-ского вместе с татарами нанесли поражение войску А. Н. Трубещкого; потеряв несколько тысяч человек, воевода едва спасся за крепостными стенами. А в следующем году под Чудновом попала в окружение и была почти целиком пленена 10-тысячная армия В. Б. Шереметева. Бездарный полководец И. А. Хованский, которого царь называл «тараруем» (дураком), терпел одно поражение за другим в Белоруссии. Утомленное налогами и разоряемое медными деньгами население России роптало.

В результате послы подписали со шведами Кардисский договор (1661 г.), который целиком восстанавливал тяжелые условия Столбовского мира.

Длительные, сложные, но неудачные переговоры со Швецией многому научили дипломата. Им был сделан один очень важный вывод, который лег в основу всей его дальнейшей деятельности: без заключения мира с Речью Посполитой нельзя победить Швецию, поэтому «надобно поскорее промышлять о мире с польским королем.., потому что... уже время дать покой»⁸. Достичь этого можно, предложив полякам «союз нерозорванный» для борьбы против общих врагов и компромисс по территориальному вопросу.

Это был новый, выстраданный дипломатом стратегический ход, призванный, по его мнению, разрубить узел русско-польских противоречий.

Новые принципы примирения с Речью Посполитой не сразу были признаны в Москве. В июле 1661 года по условиям Кардисского мира Ордин-Нащокин сдал шведам Ца-ревичев-Дмитриев-город, предварительно вывезя оттуда оружие и боеприпасы. А осенью того же года как полковой воевода А. Л. Ордин-Нащокин выступил из Динабурга на соединение с И. А. Хованским. Объединенный отряд русского войска вступил в пределы Литвы, но в боях с противником из-за нераспорядительности И. А. Хованского под деревней Кушликовы Горы потерпел поражение и отошел к Полоцку. Отсюда Афанасий Лаврентьевич вновь обратился к царю с предложением начать серьезные переговоры с Речью Посполитой и просил выслушать его доклад по этому вопросу.

В январе 1662 года думный дворянин был принят царем в Кремле, в передней царского дворца, и включен в состав посольства Н. И. Одоевского, стоявшего под Смоленском в ожидании приезда польских комиссаров. Но бесперспективность этого стояния толкнула думного дворянина на новый шаг: он обратился к царю с предложением послать его в Речь Посполитую во главе специальной миссии для секретных переговоров с королем и сенаторами, о чем в принципе договорились на январской встрече в Кремле.

Н. И. Одоевский пришел в бешенство, узнав об этой идее. Но остановить специальную миссию А. Л. Ордина-Нащокина боярин не смог.

Глубокой осенью того же года в Москве было созвано специальное совещание ближних бояр Я. Черкасского, И. Милославского, П. Салтыкова, Л. Стрешнева, Ю. Долгорукого, окольничих Б. Хитрово, Ф. Ртищева, думного дворянина А. Ордина-Нащокина и думного дьяка Л. Лопухина, с тем чтобы обсудить вопрос об условиях мира с Речью Посполитой. Ближняя дума предписала своим послам добиваться «Вечного мира», справедливо полагая, что сам факт переговоров может в известной мере ослабить русско-польскую борьбу, а успешное окончание их сделает объединенные силы государств устрашающими для врагов.

Но единодушие Ближней думы об основной цели посольства не исключало заметных расхождений в путях и методах достижения мира. Некоторые бояре словно забыли горькие уроки прошлого и предложили послам настаивать на избрании царя королем Речи Посполитой. А. Л. Ордин-Нащокин выступил решительным противником борьбы России за польскую королевскую корону. Последовательный сторонник суверенитета славянской соседки, он доказывал членам Ближней думы, что стремление царя получить польский престол будет способствовать антирусской пропаганде в Литве и Польше, усилит позиции польской дипломатии на международной арене и осложнит положение России, так как заденет политические интересы Австрии, Франции, Швеции, Крыма и Турции. Не борьба за польский престол, считал думный дворянин, а идея «союза и любви» приведет к миру, сблизит Россию и Речь Посполитую, наведет страх на султана, потому что Молдавия и Валахия — христианские страны — «отложатся» от Турции и сблизятся с Россией и Речью Посполитой. Эти соображения дипломата были учтены: в наказе не упоминалось о польской короне.

А. Л. Ордин-Нащокин был командирован в Речь Посполитую как полномочный посол. Ему было поручено вести переговоры с польским правительством по всем спорным вопросам и утверждать любые договоры, если они окажутся выгодными для России. Только в том случае, если послу не удастся добиться удовлетворительного решения вопроса, ему рекомендовалось отложить переговоры до съезда великих послов.

В Москве понимали, что самую острую дискуссию на переговорах вызовет вопрос о границах. В связи с этим послу поручалось предложить на первой же встрече «границы учинить по Днепр и Двину». В случае отказа поляков мириться на этих условиях А. Л. Ордин-Нащокин имел право уступить Двину с городами, «а говорить о старых городех, о Смоленске с товарищи, да черкас (Украину. — *Авт.*) поделить»⁹.

Но и это не было окончательным решением Боярской думы по территориальному вопросу. 19 октября 1662 г. думный дворянин получил из приказа Тайных дел особую инструкцию о крайних пределах уступок при заключении мира, которая обязывала посла, если польские комиссары не согласятся с предложением России о разделе Украины по Днепру и станут угрожать объединением сил с татарами, «от своего имени... говорить с клятвою, что им и другая сторона (Левобережная Украина. — *Авт.*)» будет отдана на будущем съезде великих послов. Но при этом поляки должны были дать клятву, что они об уступке Украины нигде не будут рассказывать, а сам Ордин-Нащокин не должен был давать письменное обязательство. Этот наказ свидетельствует о том, что идея уступки Левобережной Украины исходила не от А. Л. Ордина-Нащокина, которому это приписывали, а была рекомендована ему русским правительством в тяжелой военно-политической обстановке конца 1662 года.

В наказе также обстоятельно была разработана проблема взаимоотношений с крымским ханом. А. Л. Ордин-Нащокин должен был обрисовать возросшую турецко-татарскую опасность как для России, так и для Речи Посполитой, настоять на разрыве польско-крымского союза и добиться согласия Яна Казимира на союз против Турции и Крыма.

В конце 1662 года А. Л. Ордин-Нащокин вместе с дьяком Г. Богдановым выехал в Польшу. 5 декабря, будучи в Динабурге, он узнал о трагической гибели литовского гетмана В. Гонсевского, что, разумеется, осложнило, но не остановило посольства. Русский дипломат обратился к польским конфедератам с просьбой пропустить его к королю во Львов. Получив разрешение на проезд, в марте 1663 года посол прибыл ко двору короля, хотя Ян Казимир просил задержать его в Гродно или Бресте до ликвидации очередного восстания шляхты.

Приезд А. Л. Ордина-Нащокина вызвал бурную реакцию правящих кругов Речи Посполитой. Часть сенаторов заявила королю протест, отказалась встречаться с русским послом и настаивала на продолжении войны с Россией. Король, однако, заручившись поддержкой сената, назначил новый состав посольской делегации. В числе комиссаров, с которыми московской делегации предстояло вести переговоры, были видные представители феодальной знати Речи Посполитой: канцлер К. Пац, С. Потоцкий, М. Радзи-вилл и другие делегаты.

Переговоры начались 19 марта и пошли было по старому руслу. Послы начали спорить о титулах царя и короля, своих полномочиях, верительных грамотах и других формально-правовых вопросах. Но вскоре характер переговоров изменился. А. Л. Ордин-Нащокин предложил заключить русско-польский союз и объединить силы против Турции и Швеции — общих врагов славянских народов.

В беседе с канцлером К. Пацем 1 апреля 1663 г. русский дипломат подробно изложил план союза и указал на те многочисленные выгоды, которые получит страна от сближения с Россией. Формальным завершением этой беседы явилось вручение К. Пацу 5 апреля условий соглашения, написанного по-польски.

В проекте соглашения, как и в беседе, посол подчеркивал, что предварительным условием должно стать утверждение за Россией Смоленска и северских городов. При этом он подчеркнул, что, хотя упомянутые земли находятся в данное время в руках России, за них полякам будут уступлены другие города, занятые русскими войсками в ходе войны.

А. Л. Ордин-Нащокин отдавал себе отчет в том, что заключение русско-польского союза будет тяжелым ударом для Швеции, вынудившей Речь Посполитую и Россию подписать невыгодные для них польско-шведский Оливский и русско-шведский Кардисский договоры. Русский посол убеждал К. Паца, что Швеция всегда стремилась поссорить соседние славянские страны, выгодно используя противоречия между ними, и что с этой целью она уступала Южную Ливонию поочередно то России, то Речи Посполитой. В новых условиях Швеция вынуждена будет изменить свою политику, а размещение союзных войск по Двине на границе шведской Лифляндии, по мысли дипломата, будет сдерживать агрессию шведов и способствовать мирному урегулированию конфликтов.

При обсуждении всех аспектов союза, естественно, уделялось большое внимание проблеме борьбы с Турцией. Русский посол указал литовскому канцлеру, а через него — правительству Речи Посполитой на растущую опасность со стороны Оттоманской Порты и обосновал настоятельную необходимость союза славянских стран для борьбы с ней. Союз с Россией, говорил посол, избавит Речь Посполитую от угрозы турецкого вторжения и создаст условия для мирной жизни. Он страстно убеждал поляков, что союз и дружба России и Речи Посполитой откроют новую страницу в их взаимоотношениях с южнославянскими странами и серьезно подорвут позиции Турции на Балканском полуострове. При этом он имел в виду такой прецедент, как договор 1656 года о переходе Молдавии в подданство России. По мнению русского дипломата, союз двух стран поможет Австрии в ее борьбе с Турцией, что несомненно будет способствовать присоединению Австрии к союзу.

Что касается польско-крымских отношений, то и они, по мысли Ордина-Нащокина, должны были измениться в пользу Речи Посполитой. Заключение союза с Россией будет выгодно Речи Посполитой еще и потому, что таким образом она обезопасит свои границы

с Бранденбургом, который в последние годы решительно потеснил Речь Посполитую на северо-западе. Представитель России доказывал, что совместными усилиями можно сдерживать агрессивные домогательства императора Фридриха-Вильгельма и заставить его искать дружбы со славянскими странами.

Создание русско-польского союза также позволило бы речи Посполитой решить весьма сложные внутригосударственные проблемы и в том числе с помощью русского займа ликвидировать недовольство в армии и стране.

Несмотря на очевидную умеренность и обоюдную выгоду русских предложений, ответ правительства Яна Казимира, врученный послу 20 апреля 1663 г., был отрицательным. Польские комиссары упрямо настаивали на восстановлении границ по Поляновскому договору 1634 года, по которому за Речью Посполитой закреплялись Смоленск, Киев и Левобережье, и требовали денежной компенсации в несколько миллионов рублей за причиненные войной убытки. В грубой форме были отклонены предложения русской стороны о совместной борьбе против общих врагов. Проявляя удивительную политическую близорукость, польские послы упорно твердили, что их не надо пугать турками и татарами, с которыми у них есть договоры о дружбе и союзе, что Россия сама должна опасаться набегов татар — «вечных вашего государства неприятелей».

Декларация, составленная К. Пацем и одобренная сенатом, заканчивалась открытой угрозой объединить силы королевства с силами соседей для совместного удара против Москвы, если она откажется восстановить границы Поляновского мира. Польские магнаты готовились к продолжению войны с Россией в союзе с крымским ханом и отвергли идею союза и компромисса, изложенную А. Л. Ординым-Нащокиным.

И все же переговоры во Львове не прошли бесследно. Ордину-Нащокину удалось получить обещание короля и сенаторов направить в Москву комиссаров для переговоров о мире и в какой-то мере наметить решение вопроса о границах по Днепру.

Вместе с тем в ходе переговоров был обозначен новый подход к решению русско-польских противоречий, поставлена и глубоко обоснована идея союза между Россией и Речью Посполитой. В прагматическом плане переговоры дали возможность увидеть притязания сторон и определить границы возможных уступок друг другу. Поэтому переговоры 1663 года — важный этап в дипломатической подготовке Андрусовского соглашения 1667 года.

Неудача переговоров во Львове и последовавшее вскоре вторжение польской армии на Украину не поколебали решимости России добиться сближения с Речью Посполитой.

Продолжая вести против ее армии успешные боевые действия, русское правительство одновременно приняло меры, чтобы прекратить бои и установить мир. Двукратная поездка русского гонца К. Пущина в лагерь польского короля на рубеже 1663—1664 годов, внимательное отношение в Москве к королевскому агенту С. Венславскому, прибывшему с грамотами Яна Казимира, свидетельствовали о миролюбивом настроении русского правительства.

А. Л. Ордин-Нащокин принимал живое участие в подготовке условий для возобновления русско-польских переговоров. Он присутствовал на первых встречах с С. Венславским, сообщившим о желании короля возобновить переговоры.

В марте 1664 года думный дворянин по приказу царя выехал под Новгород-Северский, куда, как уверял С. Венславский, польский король предполагал направить своих комиссаров. Ордин-Нащокин должен был договориться о времени и месте переговоров и заключить предварительное соглашение о безопасности великих послов.

Перед выездом из Москвы А. Л. Ордин-Нащокин, продолжая спор со своими политическими противниками, представил царю доклад «О миру Великой России с Польшей», в котором нарисовал заманчивую картину будущего мира между Россией и Речью Посполитой и раскрыл одновременно преимущества союза между ними. Думный дворянин страстно доказывал царю, что только «Вечный мир», подкрепленный союзом,

может прекратить длительные споры и кровопролитные войны между обеими странами, что вслед за миром начнут возрождаться разоренные земли и оживится торговля, что мир и союз с Речью Посполитой дадут возможность России сохранить за собой то население, которое было переброшено во время войны из Белоруссии и Литвы в восточные районы.

А. Л. Ордин-Нащокин писал, что Швеция и Крым, опасаясь русско-польского союза, умышленно ссорят соседей между собой и толкают их к войне друг с другом. Заключение же союзного договора с Речью Посполитой прекратит интриги врагов, укрепит позиции России на Балканах, усилит освободительную борьбу Молдавии и Валахии и приведет в конце концов к объединению этих стран со славянскими странами, и прежде всего с Россией.

Ордин-Нащокин изложил свое мнение о сторонниках борьбы за польский королевский престол для представителя русской династии. Он убеждал царя, что в этом предложении скрывается много дипломатической хитрости. Думный дворянин справедливо заметил, что разговоры об избрании царя польским королем нужны панам для того, чтобы добиться от России выгодного мира и территориальных уступок, и считал, что только в случае заключения союза можно будет ставить вопрос об унии.

Передав свой доклад царю, А. Л. Ордин-Нащокин выехал из Москвы для организации встречи великих послов. Весной 1664 года из Брянска, где он остановился, в Москву от него стали поступать сведения о тяжелом положении отходившей с боями польской армии, об огромных потерях королевской конницы, об успешных действиях русских воевод. Однако свою основную задачу дипломату выполнить не удалось, так как правительство Яна Казимира вопреки договоренности отказалось направить на переговоры своих дипломатических представителей.

Пробыв несколько недель под Брянском, А. Л. Ордин-Нащокин вынужден был переехать в Смоленск. Здесь, в деревне Шейново, он встретился с польским представителем П. Бростовским и после непродолжительных переговоров заключил 16 апреля 1664 г. соглашение о гарантиях безопасности великих послов, встречи которых были назначены на май того же года в Дуровичах. Пока в Москве составляли инструкцию очередному посольству Н. И. Одоевского и Ю. А. Долгорукого, А. Л. Ордин-Нащокин оставался в Смоленске и собирал сведения о событиях на границе и в Речи Посполитой.

Известие о составе русского посольства, куда вошли политические противники Ордина-Нащокина и где ему отводилась третьестепенная роль, а также уклончивый ответ царя на его предложение о союзе осложнили положение дипломата. В июльском письме в Москву он жаловался царю, что к его предложениям русско-польского союза бояре Н. И. Одоевский и Ю. А. Долгорукий совершенно не прислушиваются, хотя, по его убеждению, это единственный путь вывести переговоры из тупика, в котором они оказались. Учитывая создавшуюся обстановку, думный дворянин считал своевременной и полезной военную демонстрацию на фронте, а также предлагал сохранить за литовской шляхтой владения на Смоленщине и Северщине, обещать польскому войску и сенаторам крупную сумму и подкупить П. Бростовского, который пользовался доверием в Литве.

Через некоторое время А. Л. Ордин-Нащокин был вызван в Москву для доклада о ходе переговоров. Из Москвы он привез приказ об отстранении Ю. А. Долгорукого от участия в переговорах и о его назначении на пост главнокомандующего русской армией. Одновременно царь согласился на значительное расширение посольских полномочий думного дворянина: ему было поручено склонять польских комиссаров к миру обещанием денежных выплат и крупных подарков и разрешено поставить на обсуждение вопрос о военно-политическом союзе между Россией и Речью Посполитой.

Отстранение Ю. А. Долгорукого от участия в переговорах и расширение прав А. Л. Ордина-Нащокина свидетельствовали о новых неудачах московских сторонников жесткой политики в отношении Речи Посполитой и о согласии царя с предложениями думного дворянина. Однако некоторое изменение взглядов русского правительства не содействовало успеху переговоров в Дуровичах, как и настойчивые старания самого А. Л.

Ордина-Нащокина увлечь польских делегатов перспективой выгодного для обеих сторон союза против Крыма и Турции.

Убедившись в бесплодности переговоров, русское правительство согласилось с предложением Речи Посполитой отложить встречу послов до лета 1665 года. По распоряжению царя весь состав посольства был отозван в Москву.

Возвращение А. Л. Ордина-Нащокина в столицу совпало с судом над опальным патриархом Никоном, стремившимся поставить свою власть наравне с царской, и его сторонником боярином Н. И. Зюзиным, к которому с сочувствием относился думный дворянин. Это бросило тень на Ордина-Нащокина, хотя прямого его участия в пособничестве патриарху Никону никто не доказал. Все же он вынужден был 24 декабря 1664 г. просить у царя прощение. Только доверие царя Алексея, а также бескорыстие и честность Афанасия Лаврентьевича спасли его от тяжелых последствий, и дело ограничилось его удалением в Псков воеводой. Но уже весной 1665 года опальный дворянин получил весть о присвоении ему звания окольного — второго думного чина в России XVII века.

Осенью 1665 года визит королевского агента И. Комара в Москву сдвинул переговоры с мертвой точки: стороны договорились о встрече великих послов в январе следующего года.

На этот раз во главе посольства был поставлен А. Л. Ордин-Нащокин, о чем ему доверительно сообщил царь 24 октября 1665 г. В качестве помощников были названы родственник Ордина-Нащокина Б. Нащокин и дьяк Г. Богданов. Получив эти вести, Афанасий Лаврентьевич сдал городовые дела И. А. Хованскому и по зимнему пути выехал в Москву, чтобы принять участие в подготовке инструкций предстоящему посольству.

В докладах царю и на многочисленных совещаниях ближних бояр глава посольской делегации настаивал на Достижении «Вечного мира» с Речью Посполитой, подкрепленного и дополненного русско-польским союзом. Он резко критиковал составленный сторонниками группы Н. И. Одоевского проект наказа, по которому в ходе переговоров требовалось закрепить за Россией Правобережье Украины до Буга, и предложил созвать Земский собор, чтобы решить узловые проблемы русско-польских отношений. Великий посол призывал правительство исходить из того факта, что на Украине границей между двумя странами стал Днепр, а Белоруссия почти вся оказалась под властью Речи Посполитой. В ходе дискуссии ему удалось доказать несвоевременность борьбы за границу по Бугу и перед выездом в Смоленск убедить царя вычеркнуть эту статью из наказа.

По дороге к Смоленску посла нагнали слухи, что Е. Любомирский обратился в Москву с предложением военного союза против Яна Казимира и что Боярская дума и Посольский приказ положительно отнеслись к проекту польского магната. Мнение Боярской думы озадачило дипломата. В письме к царю он резко критиковал предложение Е. Любомирского, утверждая, что для России самое важное — достичь мира с Речью Посполитой, а не раздувать конфликт. Он советовал царю не вступать из-за польского престола в коалицию с Австрией, Бранденбургом и Швецией, не помогать деньгами магнату, а ограничиться приглашением Е. Любомирского и его сына на русскую службу.

Царь внял доводам дипломата и, к неудовольствию бояр и дьяков, прекратил переговоры с Е. Любомирским.

В апреле 1666 года правительство отклонило требование Боярской думы сохранить за Россией все удерживаемые ею земли. В инструкции послу от 6 апреля правительство настаивало на сохранении за Россией Смоленска с 14 занятыми русской армией городами, Динабурга, Украины до Днепра и Киева с округой в 7—8 миль.

В ходе подготовки к русско-польским переговорам предложение А. Л. Ордина-Нащокина о совместном с Речью Посполитой дипломатическом нажиме на Швецию с целью ликвидации экономической блокады, исправления заключенных с нею договоров и

прекращения ее антирусских происков было отклонено правительством как несвоевременное. Правительство настойчиво направляло внимание дипломата на растущую угрозу с юга, со стороны Крыма и Турции. Не встретило поддержки и повторное предложение Ордина об уступке полякам Левобережной Украины ради достижения «Вечного мира» и союза с Речью Посполитой.

Назначением состава посольства, выработкой наказа и дополнительных инструкций закончилась формальная подготовка переговоров. Теперь требовалось установить личный контакт с польскими комиссарами, уточнить место посольских встреч, состав охраны и договориться по другим процедурным вопросам. Решение всех этих задач взял на себя А. Л. Ордин-Нащокин, выехавший в начале февраля 1666 года в Смоленск. Отсюда, а с 16 марта — из Мигновичей он установил контакт с Юрием Глебовичем, главой польской делегации, и настойчиво убеждал его начать переговоры. Вскоре удалось договориться о месте посольских встреч. Выбор пал на деревню Андрусово, расположенную на границе Смоленского и Витебского уездов. Однако сами переговоры начались только в конце апреля, когда собрался весь состав польской делегации.

В ходе девятимесячных переговоров в Андрусове Ордин-Нащокин проявил выдержку, хладнокровие и дипломатическую мудрость. Хорошо понимая, как трудно будет добиться примирения с Речью Посполитой, недоверие к действиям которой накапливалось десятилетиями, он начал решать эту проблему постепенно.

Уже обмен пленными, интенсивно проводимый им в марте — апреле 1666 года, в какой-то мере оздоровил обстановку. В еще большей степени этой цели служило соглашение о безопасности послов, подписанное 29 мая. Оно запрещало боевые действия повсеместно и обязывало обе стороны вести переговоры вплоть до заключения мира или перемирия. Кроме того, соглашение от 29 мая запрещало полякам помогать татарам и рекомендовало добиваться примирения хана с царем, то есть вынуждало Речь Посполитую сблизиться с Россией против общего врага.

Когда 2 июня 1666 г. начались переговоры об условиях «Вечного мира», выяснилось, что позиции сторон несовместимы: польские комиссары требовали восстановить довоенные границы, отпустить всех пленных и уплатить 10 млн. злотых контрибуции, а русские соглашались возратить лишь Полоцк и Витебск и выплатить денежную компенсацию в сумме 3 млн. злотых.

Такими же несговорчивыми были польские комиссары и во время переговоров о перемирии, начавшихся в Андрусове с 18 июня. Пока в стране бушевала междоусобная борьба, Ю. Глебович не желал решать коренные проблемы русско-польских отношений и стремился затянуть переговоры до ликвидации внутреннего восстания Е. Любо-мирского. Больше того, польская сторона инспирировала нападение литовских войск на Витебск. Польские комиссары отклонили также предложение А. Л. Ордина-Нащокина о совместных действиях против татар, хвастливо заявив, что у короля с крымским ханом была вечная дружба.

От А. Л. Ордина-Нащокина и остальных русских послов требовалась большая выдержка, чтобы не прервать переговоров. Они настойчиво разоблачали тактику проволок, и добились официального осуждения действий польского полковника Чернавского, возглавлявшего нападение на Витебск.

Но для главы русской делегации создавались трудности не только польской стороной. Летом 1666 года, в разгар переговоров в Андрусове, противники окольного в Москве развернули против него новую кампанию. Поводом к этому послужили выступление Ордина-Нащокина против военных мероприятий стародубского воеводы И. Волконского, задумавшего вместе с гетманом И. Брюховецким захватить Пропойск и Гомель, и осуждение им тактики решительных действий против Речи Посполитой, на которой настаивала боярская группа Н. И. Одоевского. Следствием этих интриг было грозное требование царя к послу: добиваться приезда польских комиссаров в Москву.

В ответе царю А. Л. Ордин-Нащокин осудил поведение гетмана и стародубского воеводы. Нажим бояр и их требование перенести переговоры в Москву дипломат расценивал как политический авантюризм. Он считал, что их действия направлены не столько против него лично, сколько против порученного ему дела, и в связи с этим просил отставки.

Твердость, проявленная А. Л. Ординым-Нащокиным, настойчиво боровшимся за перемирие с Речью Посполитой, победила: войска от Пропойска были отозваны, от гетмана потребовали прекратить нападения на польские гарнизоны.

12 июля в Андрусово прибыл специальный нарочный с «милостивым словом» царя и требованием настойчиво добиваться примирения с Речью Посполитой, уступив ей Витебск и Полоцк. На очередной встрече посольских делегаций А. Л. Ордин-Нащокин отклонил домогательство поляков уступить им Смоленск. Поляки, в свою очередь, не были удовлетворены уступкой Витебска и Полоцка и отказались подписать соглашение на таких условиях. На этом закончился первый этап переговоров о перемирии.

Второй этап переговоров в Андрусове в сентябре — ноябре 1666 года отличался сильнейшими дипломатическими атаками польских комиссаров. Мир короля с Е. Любомирским и вторжение татар на Левобережную Украину укрепили позиции Речи Посполитой и позволили правительству Яна Казимира решительно настаивать на удовлетворении своих требований. Польские комиссары добивались возвращения всей Литвы, Белоруссии и Украины, пытались угрожать русской стороне срывом переговоров. Дипломатический нажим на русских послов польское правительство подкрепило военными демонстрациями под Витебском, Полоцком и переброской войск в район Слонима и Горок.

Но и на этот раз русское посольство проявило твердость духа и, умело парируя дипломатические атаки польских комиссаров, не дало им возможности продиктовать России условия мира. Узнав о разгроме татар на Украине, послы решительно отклонили ультиматум Ю. Глебовича, осудили попытки поляков угрозами добиться успеха в дипломатических баталиях. А. Л. Ордин-Нащокин твердо заявил, что «царь не пойдет на уступку Украины».

Когда поведение комиссаров стало совершенно нетерпимым, А. Л. Ордин-Нащокин согласился на прекращение переговоров, если комиссары подтвердят «присяжную запись» от 29 мая, согласятся на замену его посольства делегацией Н. И. Одоевского и выдадут ему проезжую грамоту в Псков якобы для переговоров со шведами. На предложение Ю. Глебовича обменяться разъездными грамотами русский дипломат ответил отказом и, ссылаясь на майское соглашение, заявил, что без специального указа царя делегация не покинет места переговоров.

Эти действия А. Л. Ордина-Нащокина только на время охладили представителей Речи Посполитой. Возобновившиеся в начале декабря дебаты вновь сопровождались давлением польской стороны. Очередная, 28-я встреча была в этом отношении наиболее показательной. Русские послы заявили о согласии возвратить Речи Посполитой Полоцк и Витебск, но польские комиссары упорно, с «большим шумом» твердили, что без Киева они не пойдут на перемирие.

Не желая идти на какие-либо уступки, комиссары отказались продолжать переговоры. Они убрали из Андрусова свою охрану и решили уехать, не дав гарантии сохранения мира на границах. Обстановка в Андрусове не изменилась и после 10 декабря, когда по требованию главы русской делегации было проведено очередное тайное совещание. За 12-летнее перемирие, заключаемое немедленно, поляки требовали Киев, Динабург, Запорожье и все города Левобережной Украины, занятые войсками П. Дорошенко. В случае отказа польские комиссары угрожали продолжением войны.

Положение русских послов стало поистине критическим: удовлетворить территориальные претензии Речи Посполитой они не имели права, а оставаться безучастными свидетелями возможного срыва переговоров не могли. В отчете царю,

написанном в тот же день, А. Л. Ордин-Нащокин указывал на набеги татар близ Киева, на вторжение литовских войск в Смоленскую и Полоцкую земли как на явные симптомы надвигающейся опасности. Его особенно беспокоили события на Украине, где Турция усиливала свои позиции, пользуясь раздорами между Россией и Речью Посполитой.

Ордин-Нащокин писал об отсутствии у России воинских резервов, усталости гарнизонов пограничных городов, о безденежье царской казны, советовал царю не допустить разрыва и принять условия поляков, тем более что на юго-востоке развертывалась крестьянская война под предводительством Степана Разина.

Правительство Алексея Михайловича не согласилось с предложением главы делегации уступить полякам часть Левобережной Украины и вызвало на доклад в Москву дьяка Г. Богданова для подробной информации. Оставшимся в Андрусове делегатам, в том числе и А. Л. Ордину-Нащокину, было приказано воздержаться от дальнейших встреч с польскими комиссарами. Переговоры возобновились в конце декабря, когда из Москвы с соответствующими инструкциями возвратился Г. Богданов. 28 декабря 1666 г. от имени царя полякам был уступлен Динабург, но послы настаивали на признании за Россией Киева, Запорожья и всей Левобережной Украины.

Международная обстановка благоприятствовала России. К концу года резко изменилась внешнеполитическая ориентация Речи Посполитой, которая больше не доверяла своему союзнику — крымскому хану. Заседание сейма, состоявшееся 20 декабря, рекомендовало комиссарам немедленно заключить перемирие с Россией, уступив ей на время Киев и Динабург.

Последующие события развивались стремительно. 3 января 1667 г. удалось найти компромиссное решение по вопросу о границах, а 20 января текст договора был согласован и подписан обеими сторонами в торжественной обстановке.

Андрусовский договор 1667 года установил между Россией и Речью Посполитой перемирие на 13,5 лет и передал первой Смоленское и Черниговское воеводства, а также Стародубский повет и Северскую землю. На Украине граница шла по Днепру, а Киев с небольшой округой на два года отходил к России. Запорожье объявлялось общим владением России и Речи Посполитой «на общую их службу от наступающих басурманских сил».

Специальные статьи договора определяли порядок возвращения пленных и церковного имущества, размежевания земель; гарантировались право свободной торговли между государствами и дипломатическая неприкосновенность послов. Статьи 18 и 19 договора касались Крыма и Турции и в общих чертах определяли обязанности договаривающихся сторон помогать друг другу в случае нападения войск султана. Учитывая сложность обстановки на юге, А. Л. Ордин-Нащокин предложил отложить рассмотрение вопроса о союзе до ратификации договора в Москве. Решено было там же договориться и по другим несогласованным проблемам.

На этом закончилась длительная русско-польская дипломатическая эпопея, одним из главных действующих лиц которой был А. Л. Ордин-Нащокин. Несмотря на отдельные просчеты дипломата, его талант и упорство победили и принесли ему заслуженное признание.

В конце января 1667 года, когда посольский кортеж подъезжал к Москве, на пути к столице его приветствовали от имени царя специальные гонцы, а 1 февраля весь царский двор торжественно встречал посольский поезд в Дорогомилловской слободе. В Кремле послов приветствовал находившийся в Москве антиохийский патриарх. Перед собравшимися выступил думный дьяк Дементий Башмаков и объявил результаты переговоров.

Победа русской дипломатии в Андрусове внесла серьезные изменения в служебную биографию А. Л. Ордина-Нащокина. 2 февраля 1667 г., через день после прибытия в Москву, он был пожалован в бояре, а 25 февраля назначен в Посольский приказ в звании «Царственных и государственных посольских дел боярина».

Теперь основное внимание дипломата было сосредоточено на предстоящей ратификации Андрусовского договора и заключении русско-польского союза. По его совету 17 октября в Москве была организована пышная встреча представителей Речи Посполитой — С. Беневского и П. Бростовского, прибывших для ратификации договора.

20 октября начались официальные русско-польские переговоры. А. Л. Ордин-Нащокину, главе русской делегации, удалось очень быстро договориться по не решенным в Андрусове вопросам, и 10 ноября текст договора был утвержден царем. А 4 декабря были согласованы и утверждены присягой послов восемь статей союзного постановления.

Статьи постановления гласили, что в случае нападения татар или турок «на государства обоих государей или которого ни есть из них на одного» Россия и Речь Посполитая будут совместно бороться с ними. Было обусловлено, что предназначенное для этого 25-тысячное русское войско будет готово по согласованию с королем соединиться с польской армией между Днепром и Днестром для очищения Украины от татар и дабы привести казаков к послушанию. Союзное постановление было решено включить в текст будущего договора о «Вечном мире». Статья 8 этого постановления специально фиксировала согласие Речи Посполитой на совместные переговоры с Россией и Швецией по проблемам балтийской торговли, намеченные на лето 1668 года.

В этот же день состоялся торжественный отпуск польских послов из Москвы. Выступивший на приеме с яркой речью А. Л. Ордин-Нащокин подвел итоги переговоров и показал их положительное значение для укрепления и развития статей Андрусовского договора. В заключение он заявил, что царь Алексей Михайлович не будет противиться избранию на королевский престол одного из своих сыновей, если из Речи Посполитой поступит «истинное прошение». Королевские дипломаты обещали передать эти слова своему правительству, но, ссылаясь на отсутствие полномочий, сами уклонились от прямого ответа.

Заключение Андрусовского договора и союзного постановления, в подготовке которых А. Л. Ордин-Нащокину принадлежит решающая роль, — несомненная дипломатическая победа России. Прекратилась изнурительная война, разорявшая обе страны. России были возвращены важные в экономическом и военно-стратегическом отношении районы Левобережной Украины, Смоленщины и Северщины. И наконец, значение этих соглашений состоит в том, что Россия и Речь Посполитая договорились о взаимной помощи в борьбе с общими врагами. Жизненная необходимость русско-польского союза, которую настойчиво пропагандировал А. Л. Ордин-Нащокин, была признана обоими правительствами. Идея русско-польского союза была юридически оформлена в статьях ратифицированных документов.

Летом 1667 года глава Посольского приказа разработал образец новой государственной печати и после его утверждения получил титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегатель». В его ведение были переданы Смоленский разряд, Малороссийский приказ, Новгородская, Галицкая и Владимирская чети, а также некоторые другие, менее значительные учреждения вроде Полоняничного приказа, собиравшего деньги для выкупа пленных. Таким образом, А. Л. Ордин-Нащокин сосредоточил в своих руках не только внешнеполитические, но и многие внутригосударственные ведомства и стал фактическим главой правительства. Самуил Коллинз писал, что после заключения мира с Речью Посполитой А. Л. Ордин-Нащокин занимался «преобразованием русских законов и новым образованием всего государства...»¹⁰.

Но основной вес в обществе в то время создавало владение землей и крестьянами. Царь пожаловал своему любимцу 500 крестьянских дворов в Костромском уезде и передал ему в вотчину Порецкую волость под Смоленском с пристанью на реке Каспле. Кроме того, А. Л. Ордин-Нащокин получил 500-рублевый оклад боярина и атласную шубу на соболях ценой 200 рублей.

А. Л. Ордин-Нащокин был в ореоле славы и пользовался безграничным доверием царя. Но он чувствовал глухую вражду сановной знати, зависть приказных дьяков и понимал, что его стремительное возвышение не будет долговечным. Только этим и можно объяснить ту поспешность, с которой он проводил в жизнь задуманные им мероприятия. Первая половина 1667 года была самым плодотворным периодом его жизни.

30 января 1667 г. он скрепил своей подписью Андрусовский договор; 22 апреля появился развернутый текст 94 статей Новоторгового устава, покровительствующего отечественной торговле, и дополнительно семь статей Устава торговли, ограничивавшего иностранную торговлю и поощрявшего отечественную; 31 мая был заключен договор с «Армянской компанией» о торговле шелком-сырцом из Персии. Был утвержден порядок слушания приказных дел в Боярской думе. В этот же период по инициативе и под руководством А. Л. Ордина-Нащокина строится корабельная верфь в селе Дединове на Оке.

За время своего пребывания во главе Посольского приказа (с февраля 1667 г. по февраль 1671 г.) А. Л. Ордин-Нащокин упорядочил работу и значительно возвысил роль этого учреждения. Он считал необходимым строго отбирать людей, которые могли бы выполнять столь ответственные функции и высоко держать престиж страны в личном общении с иностранцами.

Штат служащих Посольского приказа при А. Л. Ордине-Нащокине расширился. Если в первой половине XVII века количество переводчиков не превышало 16, то в 1670 году их было 19. Кроме того, в Посольском приказе теперь служили 2 думных дьяка, несколько дьяков, 5 старых подьячих и 17 средних и молодых, 3 золотописца и 35 толмачей.

Большое внимание глава Посольского приказа уделял расширению и укреплению международных связей России. Именно он предпринял попытку организовать ее постоянные дипломатические представительства за рубежом. Так, в июле 1668 года в Речь Посполитую в качестве резидента отправился русский дипломат В. Тяпкин. По инициативе А. Л. Ордина-Нащокина летом 1667 года во все крупные европейские страны были направлены русские дипломаты с извещением о заключении Андрусовского перемирия, предложением дружбы, сотрудничества и торговли.

В значительно большей степени, чем его предшественники, А. Л. Ордин-Нащокин занимался проблемой развития связей России со странами Азии. Россия была заинтересована в торговле с Востоком. Только вывоз через Астрахань мехов на 1 млн. рублей приносил казне огромную прибыль. Установлению экономических и дипломатических отношений со странами Азии способствовали успехи русских землепроходцев в освоении Сибири и Дальнего Востока. Укреплялись отношения России с княжествами Средней Азии, Монголией и Китаем. В связи с предстоящей борьбой с Турцией Россия была особенно заинтересована в установлении добрососедских отношений с Ираном.

Расширение международных связей требовало большей осведомленности правящих кругов России о событиях за рубежом и регулярного обмена корреспонденцией. С этой целью по инициативе А. Л. Ордина-Нащокина вместо устаревшей ямской службы была установлена почтовая связь с Ригой и Вильно. Он же поддерживал и развивал практику перевода иностранных газет и вестовых писем, из которых дьяки Посольского приказа составляли сводные выписки («Куранты»). Этими рукописными листками — предшественниками печатной газеты — московское придворное общество оповещалось о международных событиях.

Возглавив Посольский приказ, А. Л. Ордин-Нащокин по-прежнему уделял пристальное внимание русско-польским отношениям. Согласно статье 8 Московского посольского постановления, в июне 1668 года предполагался созыв комиссии и посольского съезда в Курляндии, куда кроме представителей России и Речи Посполитой следовало пригласить и шведов. Три ведущих государства европейского Севера должны были договориться по вопросам торговли. Соглашение такого рода, закрепленное подпи-

сями послов, печатями и присягой, служило бы, по мысли русского дипломата, основой для разбора споров торговых людей между собой и властями. Таким образом, А. Л. Ордин-Нащокин вводил в практику созыв региональных посольских съездов специально по экономическим проблемам. Он придавал огромное значение переговорам, считая основой общения между государствами именно мирные отношения и встречи, а отнюдь не войны.

Другой задачей посольского съезда в Курляндии была подготовка заключения «Вечного мира» с Речью Посполитой. В качестве посредника на переговорах решено было пригласить курфюрста бранденбургского.

26 мая 1668 г., когда А. Л. Ордин-Нащокин, И.А.Желябужский и дьяк И. Горохов торжественно отправлялись на съезд, царь объявил, что послы едут для «великого дела», какого издавна в России не бывало. Но обстановка сложилась неблагоприятная, и надежды русского правительства, связанные с курляндской комиссией, не сбылись.

Внутренняя ситуация в Речи Посполитой привела к тому, что Ян Казимир стал готовиться к отречению от престола. Он пригласил русских дипломатов в Варшаву для переговоров о мире, а отправку своих делегатов в Курляндию поставил в зависимость от позиции Швеции. Шведы же, ссылаясь на Плюсский договор 1666 года с Россией и на заключенный с Польшей в 1660 году Оливекский мир, вообще отказались вести переговоры и затеяли длительную переписку, в которой прошло все лето. Отречение Яна Казимира от престола в августе 1668 года и борьба вокруг польского трона спутали все расчеты московской дипломатии и направили политические устремления заинтересованных стран в совершенно ином направлении.

Курфюрст бранденбургский вместе со шведами стоял за избрание на польский престол пфальцграфа нейбургского, литовская партия, представленная гетманом М. Пацем и писарем П. Бростовским, выдвигала кандидатуру сына русского царя — Алексея Алексеевича. Часть польской знати стояла за избрание французского герцога Конде, другие — за лотарингского герцога Карла. Межъевропейское соперничество за польскую корону было острым и отвлекло внимание сторон от совещания в Курляндии.

Царь Алексей хотел было включиться в борьбу за королевский престол, но А. Л. Ордин-Нащокин решительно выступил против этого намерения. «Корону польскую перекупят, как товар, другие», — заявил он. Вскоре королем был избран Михаил Карибут Вишневецкий — ярый враг Украины и казачества.

Осенью 1668 года из Курляндии, а в начале 1669 года — из Москвы А. Л. Ордин-Нащокин вел переписку с польскими дипломатами по поводу выполнения условий договора 1667 года. Споры велись вокруг судьбы Киева. Глава Посольского приказа ставил решение этого вопроса в зависимость от выполнения поляками своих союзнических обязательств по борьбе с Турцией.

Обстановка на Украине осложнилась: гетман Правобережья П. Дорошенко перешел с войском на левый берег Днепра и, убив в сражении И. Брюховецкого, захватил большую часть Левобережной Украины. Весной 1669 года султан хвастливо объявил о «принятии им в подданство» всей Украины. Русскому правительству пришлось срочно вырабатывать новый план действий.

К этому времени стало ясно, что деятельность А. Л. Ордина-Нащокина в качестве руководителя Малороссийского приказа, ведавшего делами Украины, не была успешной: развертывалась крестьянская война под предводительством С. Т. Разина, и обострилась политическая и классовая борьба на Украине. У А. Л. Ордина-Нащокина, поборника самодержавия, помещика по положению и по взглядам, бурлящее Запорожье не вызывало симпатий. Донское казачество и отряды украинских казаков были для него не менее страшны, чем восставшие крестьяне России.

В условиях падения авторитета церкви и развития раскола Ордин-Нащокин предлагал православному духовенству Украины перейти из подчинения константинопольского патриархата в ведение московского. Но киевский митрополит И. Тукальский и архимандрит Киево-Печерской лавры И. Гизель не спешили оформлять подчинение

украинского духовенства московскому патриарху, тем более что А. Л. Ордин-Нащокин мыслил его осуществление в рамках русско-польского союза.

Весной 1669 года А. Л. Ордин-Нащокин выехал в Мигновичи на очередной съезд великих послов и комиссаров. Поскольку польские, представители задержались из-за выборов короля, ему было предписано вернуться в Москву, чтобы согласовать с царем вопросы, связанные с украинскими делами. В ответ на это великий посол разразился жалобами и просьбами об отставке. «Не знаю, — писал он в письме к царю, — зачем я из посольского стана к Москве поволокусь... Послов ли мне дожидаться? Или на время в Москву ехать? Или впрямь быть отставлену от посольских дел?»¹².

Царь был недоволен заявлением дипломата о преждевременности воссоединения Украины и тем, что он рассорился со шведскими резидентами, что защищает начальника почт бывшего на русской службе Л. Марселеса от нападков приказных людей. По всем этим обвинениям А. Л. Ордин-Нащокин вынужден был дать обстоятельные письменные объяснения. Было ясно, что его независимая и упрямая позиция не вызывает сочувствия царя и его окружения.

В сентябре в Андрусово прибыли польские комиссары Я. Гнинский, Н. Тихановецкий и П. Бростовский. Начавшиеся переговоры проходили под аккомпанемент развертывающейся крымско-турецкой агрессии на Украине, а Речь Посполитая, потрясаемая внутренними смутами, была не в состоянии защитить ее от султана.

П. Дорошенко захватывал земли Левобережья, подвластные России. И хотя в этом случае поляки обязаны были помочь России, они отказались выполнить Московское постановление 1667 года. Это дало А. Л. Ордину-Нащокину основание для того, чтобы отложить передачу Киева полякам.

Во время переговоров по предложению русской делегации было направлено совместное обращение к украинцам прислать своего представителя в Киев для предполагаемых переговоров России и Речи Посполитой с Турцией и Крымом. Совместное русско-польское заявление вызвало отрицательную реакцию на Украине. Казацкая старшина* (* **Казацкая старшина — гетман, его выборные помощники, полковники и сотники отдельных казацких полков.**) и верхушка православного духовенства высказали недовольство переговорами России с Речью Посполитой за их спиной.

К тому же А. Л. Ордин-Нащокин обещал королю прислать отряды калмыков для подавления движения казаков, о чем стало известно на Украине. Начали распространяться слухи, что на Украину идет сам глава Посольского приказа с войсками.

Недовольство на Украине русско-польскими переговорами о союзе, горячим сторонником которого был А. Л. Ордин-Нащокин, и брожение, вызванное совместным обращением, привели к тому, что он был отстранен от руководства Малороссийским приказом и заменен новым любимцем царя — А. С. Матвеевым.

10 декабря 1669 г. начальник московских стрельцов Ю. Лутохин прибыл на посольский стан и предъявил великому послу ультиматум царя: не вести переговоров о «Вечном мире» до приезда комиссаров в Москву; не затевать съездов в Киеве и не посылать туда калмыков; не приглашать самовольно крымских и турецких послов на переговоры в Киев; об украинских делах вести переговоры с гетманами обеих частей Украины.

На последних встречах с комиссарами А. Л. Ордину-Нащокину удалось все же добиться отсрочки передачи Киева. Это позволило ему утверждать, что Киев с Украиной отошли к Московскому государству «навечно». 18 марта 1670 г. А. Ордин-Нащокин возвратился в Москву.

Несмотря на серьезные расхождения с царем и неудачи на переговорах, А. Л. Ордин-Нащокин продолжал возглавлять Посольский приказ. В августе 1670 года он принимал польского гонца И. Комара, который просил военной помощи и извещал о скором прибытии польских послов в Москву. На это ему ответили, что «обоим великим

государям шатостных (мятежных. — *Авт.*) казаков лучше привести в послушанье милостью, а не жесточью».

Еще раньше, в апреле, усилиями главы Посольского приказа был заключен договор России с крымским ханом. По этому договору татары обязались прекратить грабительские набеги, возвратить пленных, в том числе боярина В. Б. Шереметева, находившегося в плену уже 10 лет, и участвовать в комиссии для выработки условий «Вечного мира». Со своей стороны, Россия обязалась выплатить хану «поминки» за три года, выслать подарки придворным, направить в Крым своих дипломатов и наладить регулярное торговое общение. И в Москве, и в Речи Посполитой высоко оценили «крымское умирение», так как устранялась необходимость вооруженного вмешательства России в дела Правобережья.

Но А. Л. Ордин-Нащокин продолжал упорно стремиться к полному воплощению русско-польского союза, для того чтобы противостоять агрессивным устремлениям Швеции и Турции. Когда в феврале 1671 года польский гонец А. Чихровский объявил о выезде в Москву посольства во главе с Я. Гнинским, из России в Варшаву должен был выехать А. Л. Ордин-Нащокин. В своем последнем докладе царю начальник Посольского приказа снова упрямо повторял доводы в пользу заключения русско-польского союза; доказывал необходимость подчинить православное духовенство Украины московскому патриарху; настаивал на переговорах с султаном и Габсбургской империей; говорил о съезде заинтересованных держав на Украине и даже возможном возвращении Киева полякам, чтобы «успокоение между народы разорвано не было».

Этот доклад решил дальнейшую судьбу А. Л. Ордина-Нащокина: 22 марта 1671 г. он был лишен титула сберегателя, за ним осталось лишь звание «ближнего боярина и наместника Шацкого». В этом же месяце указ о его поездке в Речь Посполитую был отменен; ему предписывалось выехать в Смоленск, но вскоре якобы из-за его болезни он был заменен боярином В. С. Волынским.

2 декабря 1671 г., когда польские послы во главе с Храповицким въезжали в столицу, царь принял отставку А. Л. Ордина-Нащокина в присутствии всех придворных и, как говорится в государственных документах, «от всемирских суесть освободил явно». Главой Посольского приказа был назначен А. С. Матвеев¹³.

Закончив свои дела в Москве, А. Л. Ордин-Нащокин в начале 1672 года уехал в родной Псков. 16 января он прибыл в Крыпецкий монастырь Иоанна Богослова, расположенный в густом лесу в 60 км от города, где 21 февраля игумен Тарасий постриг его в монахи под именем инока Антония.

А. С. Матвеев в качестве руководителя Посольского и Малороссийского приказов продолжал линию А. Л. Ордина-Нащокина на сближение с Речью Посполитой. Он был лишь более гибок и уступчив в отношении придворных кругов, лучше учитывал настроения на Украине, ее чуткую настороженность после половинчатого успеха Андрусовского договора.

Когда со смертью царя Алексея в 1676 году закатилась звезда А. С. Матвеева и он был отправлен в ссылку в Пустозерск, инок Антоний, казалось, всецело занятый устройством церкви и богадельни в Пскове, неожиданно вновь дал о себе знать в Москве. В 1676—1678 годах он составил челобитную и две автобиографические записки и направил их царю Федору. В его келье в монастыре Иоанна Богослова хранились личный архив, посольские книги, царские грамоты. Это позволило ему составить документы, насыщенные цитатами и ссылками на материалы посольских съездов и т. п. Его обращение к царю, а также автобиографические записки — «Извещение истинное» и «Ведомство желательным людям» -- написаны умудренным опытом старцем, который и в монастырской келье «страдал» о политических делах своей Родины.

После Журавненского договора 1676 года Речи Посполитой с Турцией инок Антоний счел уместным для России поставить вопрос о Киеве и Правобережье. При этом он снова и снова проводил идею союза с Речью Посполитой, считая, что этот союз нужен

для объединения славян в их совместной борьбе с Турцией. В записках настойчиво проводится мысль о том, что сербы, болгары и молдаване присоединятся к этому союзу, чтобы противостоять турецкому порабощению.

Когда польские послы в 1679 году ожидалась в Москве, гонец с грамотой от царя Федора скакал в далекий Псков, в Крыпецкий монастырь. Инока Антония вновь вернули в Москву.

Руководителем Посольского приказа в то время был думный дьяк Ларион Иванов, но фактически внешней политикой ведали возглавлявшие Малую (Ближнюю) думу князь Н. И. Одоевский и его сын Яков. Они не были расположены к хитроумному дипломату. На все предложения А. Л. Ордина-Нащокина о предстоящих переговорах с поляками Одоевские дали отрицательные ответы. Отклонены

были и его предложения, составленные для царя в письменной форме.

Оторвавшись от дипломатической жизни, А. Л. Ордин-Нащокин не учитывал реальной расстановки сил и оставался на прежних позициях. Одоевские резко осудили его желание возвратиться к вопросу о воссоединении Украины с Россией, уже решенному Переяславской радой в 1654 году. В Москве находились под впечатлением сепаратного Журавненского договора между Речью Посполитой и Турцией и не были расположены обсуждать проблему союза.

В октябре 1679 года А. Л. Ордин-Нащокин был отстранен от переговоров с поляками. Он снова вернулся в Псков и в 1680 году скончался в Крыпецком монастыре. Его мечты о русско-польском союзе воплотились в 1686 году заключением «Вечного мира» России с Польшей. Так окончилось столетнее противостояние двух соседних славянских стран.

По специальному указу царя Федора оставшийся после дипломата архив был доставлен в Москву.

АРТАМОН СЕРГЕЕВИЧ МАТВЕЕВ

Преемником А. Л. Ордина-Нащокина стал Артамон Сергеевич Матвеев — талантливый дипломат, книжник, писатель, историк, основатель русского придворного театра¹. Он был назначен главой Посольского приказа в возрасте 46 лет, уже зрелым человеком и видным государственным деятелем. Достаточно сказать, что к этому времени он был главой московских стрельцов и с 1669 года возглавлял одно из важнейших государственных учреждений — Малороссийский приказ.

Родился Артамон Сергеевич в 1625 году. Его отец, дьяк Сергей Матвеев, был известен как весьма способный человек, выдвинувшийся на дипломатической службе при царе Михаиле Федоровиче Романове. Впоследствии А. С. Матвеев писал об отце: «Он был участником в посольстве в Царьграде, в Кизылбашах, также и у важных государственных дел»².

В 13 лет молодой Артамон был взят во дворец. Будучи старше царевича Алексея всего на четыре года, он рос и воспитывался вместе с ним. «Необычные его дарования в самом еще детстве сделались известными. Маленького Артамона отцы ставили в пример своим детям за его благонравие, понятливость и охоту к учению»³. В 16 лет он получил свою первую дворцовую должность — чин стряпчего.

На службе Артамон постоянно сдерживал себя, стараясь не оскорбить или чем-либо не задеть самолюбивых придворных бояр. Умение ладить с людьми вопреки своим чувствам постепенно стало чертой его характера. В 1642 году в возрасте 17 лет он был назначен стрелецким головою (начальником) в Московский гарнизон, который главным образом предназначался для внутренней охраны царского двора. Привилегированное стрелецкое войско, состоявшее на государственном обеспечении, находилось в постоянной боевой готовности. Стрельцы сопровождали иностранных послов, несли службу на царских приемах. Так, в 1651 году Матвеев был назначен приставом к ли-

товскому послу Станиславу Витовскому: «А в приставах у литовских послов в дороге, от Вязьмы до Москвы, был голова московских стрельцов Артамон Матвеев»⁴.

Из-за недостатка мемуарных источников мы не знаем, каким образом худародный дьячий сын Артамон Матвеев стал любимцем и другом царя Алексея Михайловича. Конечно, способности и дарования Матвеева, его начитанность, увлечение иностранными новшествами привлекали государя, но главным достоинством Матвеева была, вероятно, его личная преданность Алексею Михайловичу, неоднократно доказанная делами. Важно отметить и то, что, в отличие от Ордина-Нащокина, Матвеев был более осторожным в своих отношениях с придворной знатью. Уже будучи приближенным к царю, он долгое время носил скромное звание полковника и головы московских стрельцов. Даже возглавив два важнейших приказа — Малороссийский и Посольский, он оставался лишь в чине думного дворянина. И только в 1672 году, в честь рождения царевича Петра, 47-летний Артамон Сергеевич был пожалован в окольничие, а в октябре 1675 года, по случаю крестин царевны Феодоры, произведен в ближние бояре.

Сохранилось немало свидетельств о верной службе А. С. Матвеева в интересах царской власти и его немаловажной роли во внутривластной жизни государства. В качестве одного из примеров можно привести сведения о непосредственном участии царского любимца в так называемом «Деле патриарха Никона».

Суть этого дела заключалась в следующем. Глава русской церкви стремился не только занять первое место среди вселенских патриархов, но и поставить церковь выше светской власти. Объективно, в контексте всемирно-историческом, сутью «Дела патриарха Никона» были взаимоотношения церкви и государства. С субъективной точки зрения это была борьба за власть между царем и властолюбивым патриархом.

В конфликте царя и патриарха Матвеев показал свою преданность царю. По распоряжению государя 12 октября 1667 г. он выехал из Москвы для встречи патриархов Александрийского и Антиохийского соборов, прибывших в Россию по «Делу патриарха Никона». 19 октября «Артамон с грамотою великого государя у святейших вселенского папы патриархов был»⁵. По пути в Москву Матвеев в беседах с патриархами должен был убедить их в виновности Никона. С подобным поручением мог поехать лишь особо доверенный представитель царя, от которого требовались непосредственное знание дела и гибкость ума. Матвееву удалось успешно выполнить свою миссию. 4 ноября патриархи были приняты царем. Во время аудиенции «у стола стоял стольник и полковник, и голова московских стрельцов Артамон Сергеев, сын Матвеев»⁶. Для разбора «Дела патриарха Никона» был специально созван церковный Великий собор. После нескольких его заседаний состоялся соборный суд над патриархом. Он был объявлен простым монахом и отправлен в ссылку. Местом его заточения был назначен Ферапонтов Белозерский монастырь.

Осуждая патриарха, церковный собор не смог, однако, обойти молчанием принципиальный вопрос, выдвинутый Никоном, — вопрос о размежевании полномочий власти царя и патриарха. Прения на соборе показали, что идеи Никона о самостоятельности церкви принимались и защищались почти всеми русскими церковными иерархами. Осуждались лишь личность и поведение самого Никона. Поэтому в роли прокуроров Никона выступили царские чиновники, а в роли его адвокатов — русские архиереи. Собор должен был выработать заключительную формулу церковного постановления, и Матвеев участвовал в разработке его отдельных статей. Впоследствии он вспоминал свои слова, сказанные в связи с этим царю Алексею Михайловичу: «В двух исправленных статьях Вашего царского чина и Ваших государских достоинств не сведал»⁷. Поэтому он возражал против принятия церковным собором исправленных статей. Вмешательство Артамона Сергеевича вызвало соответствующую реакцию со стороны церковных деятелей: «И преосвященные митрополиты, Павел Крутицкий и Ларион Рязанский, на меня, холопа твоего, яростию и ненавистью великою вознегодовали»⁸.

После всех прений на соборе 24 января 1667 г. была принята заключительная формула в следующей редакции: царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — церковных, чтобы сохранилась целой и непоколебимой стройность церковного учреждения. Таким образом, исправленные статьи вселенских патриархов и церковного собора не были приняты. Матвеев же зарекомендовал себя верным слугой светской власти, получив на долгие годы поддержку и доверие царя.

Свою преданность престолу А. С. Матвеев доказал еще раз, приняв самое активное участие в подавлении восстания Степана Разина. В челобитных на имя царя в 1669 году он предупреждал, чтобы разинцев не выпускали из Астрахани, иначе к ним присоединятся посадские люди, крестьяне и народы Поволжья и появится тыл, который будет поставлять оружие, продовольствие и людей для войск Разина. После ареста в 1671 году самого Разина и его брата Матвеев сообщал царю: «А в том деле работишка моя, холопа твоего, была»⁹. В 1673 году Артамон Сергеевич внимательно следил и за отголосками разинского восстания в Запорожье, где действовали некий «вор и самозванец», выдававший себя за сына царя Алексея Михайловича — царевича Симеона Алексеевича, и его пособник атаман И. Миюска. Матвееву удалось подкупить казацкую верхушку, которая «того вора и самозванца сковав прислали к вам, великим государем»¹⁰.

В конце 1673-го и в 1674 году А. С. Матвеев участвовал в допросах руководителей восстания. Все полученные в результате этого материалы он лично передавал царю. 17 сентября 1674 г. Матвеев привез боярам указ царя с приговором самозванцу, выдававшему себя за царевича Симеона Алексеевича: «...Вора Ивашку Андреева сына Воробьева стольнику Андрею Прокофьевичу Елизарову, да дьяку Авраму Кощееву вершить на Красной площади, четвертовать и по кольям растыкать»¹¹.

Царь высоко оценил усердие А. С. Матвеева: 8 октября 1675 г. Матвеев был пожалован в ближние бояре и награжден земельными владениями под Москвой.

Государственные интересы Артамона Сергеевича не ограничивались только политикой. С его именем связано и развитие отечественной медицины.

Эпидемии чумы, «моровые поветрия», высокая смертность населения вынуждали правительство серьезно заняться организацией медицинского дела. В начале XVII века в Москве был учрежден Аптекарский приказ. Здесь следует отметить, что еще в конце XVI века в Москве была создана придворная аптека. При вступлении на престол Алексея Михайловича их было уже две: одна — в Кремле, другая — в Гостином дворе. Кремлевская аптека обслуживала исключительно царскую семью, а аптека Гостиного двора — представителей правящей верхушки, членов их семей и знатных иностранцев. Обе аптеки подчинялись Аптекарскому приказу, в ведении которого также находились «медики иностранные 30 человек и русские ученики их — человек с 20»¹². Отдельные лекарства поступали из-за границы, в основном из Англии и Голландии, большая же их часть производилась в Москве. На аптекарских огородах выращивались лекарственные травы. Примечательно, что в середине XVII века в России знали и употребляли от различных болезней около 130 лекарств. Во главе Аптекарского приказа стоял особо доверенный, приближенный к царю боярин. Должность эта считалась ответственной, ведь речь шла о здоровье царя и его близких. Именно поэтому в то время бытовала при дворе своеобразная врачебная практика, обязывавшая врача, начальника Аптекарского приказа и лиц из ближайшего окружения царя принимать предписанные государю лекарства.

Имя А. С. Матвеева упоминается в делах Аптекарского приказа в 1673—1675 годах, а в 1676 году он был поставлен во главе этого приказа. Он следил за развитием медицины за границей, выписывал книги иностранных врачей, старался иметь в своих аптеках новейшие лекарства, самолично составил списки лекарств на славянском и латинском языках с обозначением их цен. Занимался он и вопросами медицинского оборудования, подбором персонала. В целом деятельность А. С. Матвеева в Аптекарском приказе во многом продвинула вперед отечественную медицину.

Разносторонность интересов Артамона Сергеевича объяснялась его обширной начитанностью, стремлением к образованию, тягой к западной культуре и ее достижениям. Его челобитные, написанные уже из ссылки царю Федору Алексеевичу, наполнены выдержками из сочинений Аристотеля и Сократа, что говорит о его знакомстве и с философией. Знал он также греческую и римскую историю. Дом Матвеева был убран на европейский лад, украшен картинами, часами, различными заморскими диковинами. Здесь часто принимали гостей, обменивались мыслями, новостями. Жена А. С. Матвеева не была затворницей и участвовала в беседах, что шло вразрез с тогдашними обычаями. Именно здесь, в свободной атмосфере этого дома, провела свое детство и юность мать будущего царя Петра I.

То обстоятельство, что А. С. Матвеев стал воспитателем своей дальней родственницы Натальи Кирилловны Нарышкиной, дочери бедного дворянина Кирилла Полуехтовича Нарышкина, сыграло в дальнейшем решающую роль в его блестящей карьере. Царь Алексей Михайлович овдовел в 1669 году. При большом числе детей от первого брака второй брак царя был крайне нежелателен для родственников покойной царицы Милославских. А. С. Матвеев, по всей вероятности, во многом способствовал сближению государя со своей воспитанницей. Именно этим можно объяснить появление во дворце подметных писем с обвинениями Матвеева в чародействе. Но он оправдался перед царем. Помешать второму браку не удалось. 22 января 1671 г. государь женился на Наталье Кирилловне Нарышкиной, а уже в феврале этого года Матвеев возглавил Посольский приказ.

Стараясь идти в ногу со временем, А. С. Матвеев завел у себя «комедийную группу» из собственных дворовых людей и иностранцев. Первые упоминания о создании придворного театра относятся к началу 1672 года. В мае этого года вышел указ царя о выделении средств на строительство и убранство театра при дворе князя Милославского. Пополнить труппу придворных актеров поручили Матвееву. Тогда же, в мае 1672 года, по его поручению в Швецию было отправлено посольство с заданием привезти оттуда на службу «рудознатных всяких самых добрых мастеров», а также «2 человека трубачей самых добрых и ученых, 2 человека, которые б умели всякие комедии строить»¹³. В декабре того же года послы возвратились и привезли с собой пять музыкантов, но этого оказалось недостаточно, и 10 декабря было приказано привезти еще пятерых и поставить всех «на корм», то есть на государственное жалованье. Матвеев следил за труппой, репертуаром, костюмами, просматривал и утверждал сметные росписи. В Немецкой слободе открыли театральную школу для русских и иностранцев.

Вскоре было решено строить театр в Измайлове, в селе Преображенском. Место было выбрано не случайно. Здесь находились летняя резиденция, царские сады, заповедник.

К середине октября 1672 года «комедийная хоромина» была построена, а уже 17 октября показано первое представление — «Артаксерсово действо». Предстояло создать театр в столице. Для этого Матвеев приказал перевезти «из села Преображенского и с комедийной хоромины рамы перспективного письма к Москве и внести в палаты, что над оптекою»¹⁴.

Очевидно, оба театра функционировали одновременно и выбор места представлений зависел от желания царя и его близких. В 70-е годы было дано 9 представлений. Из пьес, которые ставились тогда, до наших дней полностью дошли две — «Артаксерсово действо» («Есфирь») и «Олиферново действо» («Иудифь»), Вероятно, отбор и перевод пьес, изготовление списков производились в Посольском приказе по распоряжению Артамона Сергеевича Матвеева. Не случайно, что он выбрал пьесы на ветхозаветные библейские сюжеты из книг «Юдифь» и «Эсфирь». Действие пьесы «Есфирь» происходит при дворе персидского царя Артаксеркса, который устроил пир в столице своего государства Сузах, длившийся несколько дней. Во время пира царь захотел показать приближенным свою красавицу жену Астинь, которая, однако,

отказалась выйти к гостям. Тогда царь изгнал строптивую жену и женился на бедной сироте Эсфири, воспитанной его наставником Мардохеем. Мардохей раскрыл заговор против царя, спас ему жизнь, но тем самым навлек на себя ненависть первого советника Амана. Аман решил уничтожить Эсфирь и Мардохея. Но все его козни были разоблачены, сам он был повешен на веревке, которую приготовил для Мардохея. Царь же назначил Мардохея своим первым советником.

В образе старого мудрого Мардохея нетрудно было узнать Матвеева, а Эсфирь очень напоминала его воспитанницу Наталью Кирилловну. Хитрый и коварный Аман олицетворял бояр, ненавидевших Матвеева и ждавших удобного случая, чтобы расправиться с ним. При этом в пьесе восхвалялись мудрость и благородство царя. Посредством музыки Матвеев пытался изменить закосневшие, по его мнению, традиции старины. Комедийные представления создавали совершенно новую атмосферу живого общения, нарушали чопорные порядки Кремлевского дворца, будили мысли; здесь наряду с мужчинами присутствовали и женщины, обычно жившие затворницами.

Несмотря на разнообразие интересов, главным занятием А. С. Матвеева была все же дипломатия. Его дипломатическая деятельность совпала по времени с продолжительной и упорной борьбой России за Малороссию.

Согласно Люблинской унии 1569 года, к Речи Посполитой перешли русские земли, расположенные по Днепру. На просторных, никем не занятых пространствах стала селиться польская шляхта, призывая крестьянское население на эти земли и водворяя там крепостное право. Жители Украины — казаки отчасти вели оседлое полевое хозяйство, отчасти же охотились и «казаковали» в степях, сражаясь с татарами или предаваясь грабежам. Появление среди них шляхты, желавшей обратить их в крепостных холопов, привело к массовой миграции казаков в степи и места, недоступные польским властям. На островах Нижнего Днепра и за днепровскими порогами они строили укрепленные засеками городки, получившие название Запорожской сечи. Там казаки составляли единую общину (кош) с выборным кошевым атаманом во главе. Все попытки подчинить казаков ни к чему не приводили. Польское правительство пыталось привлечь казаков на государственную службу: их записывали в реестры (списки) и делили на полки. Реестровые казаки получали землю по полкам и освобождались от подчинения чиновникам и помещикам, судились и управлялись своими казацкими полковниками. Реестровых казаков было не очень много, а казацкая вольница постоянно разрасталась за счет выходцев из государства. Недовольство унией и крепостным правом на Украине росло, но особенно были недовольны казаки стремлением властей подавить вольные порядки и обратить их в послушную военную силу.

Успешные войны России с Речью Посполитой привели к существенным территориальным изменениям. России были возвращены Смоленск и Северская земля, захваченные поляками в Смутное время. Благодаря Андрусовскому перемирию 1667 года к России перешли также Киев и часть Малороссии — Левобережная Украина (она находилась на левом берегу Днепра). В 1656—1658 годах России приходилось воевать и со шведами, которые вмешивались в ее отношения с Речью Посполитой. В начале 70-х годов XVII в. большие опасения у московских политиков вызывала Турция. Она грозила войной за Малороссию в равной мере и Речи Посполитой, и России.

В гущу всех этих событий и находился А. С. Матвеев, о чем сохранилось немало документальных свидетельств.

В 1648 году сотник малороссийского реестрового войска Богдан Хмельницкий поднял против польских панов запорожских казаков и малороссийское крестьянство.

Восстание Б. Хмельницкого было попыткой изменить сложное переплетение интересов самых противоречивых, общественных сил, действовавших в середине XVII века на Украине. Представители разных национальностей (поляки и русские, литовцы, евреи и др.), вероисповеданий (католики, униаты, православные), социальных слоев (шляхта, мещанство, казацкая старшина и «голото») отстаивали свои права друг перед

другом. Предыдущие казацкие восстания носили социально-демократический характер. Движение Хмельницкого, в отличие от них, было религиозно-национальным, и это было основной причиной поразительных военных успехов казаков. Вскоре в их руках оказалась вся Малороссия. Ввиду международной обстановки положение восставших было очень сложным, и, чтобы отстаивать свою независимость, им приходилось постоянно нападать на Крым, Турцию, Молдавию и даже беспокоить границы Российского государства. За надлежащее вознаграждение они предлагали свои боевые услуги германскому императору, польскому правительству и Москве.

Наибольшие притязания на независимость Малороссии предъявляла польская шляхта. После нескольких поражений в военных действиях с Речью Посполитой Б. Хмельницкий обратился к московскому царю с просьбой принять его со всем войском казацким в российское подданство. В Москве понимали, что казаки будут хорошей пограничной стражей со стороны степи, и видели в этом акте естественное расширение своей территории¹⁵. С другой стороны, русское правительство предвидело, что воссоединение России с Украиной неизбежно вызовет войну с Речью Посполитой. В связи с этим Б. Хмельницкого просили не предпринимать военных действий. 22 апреля 1653 г. в Посольском приказе состоялись переговоры с послами Б. Хмельницкого — К. Бурляем и С. Мужилковским. Послы просили царских представителей о скорейшем решении вопроса о воссоединении: «Милости просят, чтобы великий государь их пожаловал, для православные христианские веры велел гетмана их со всем войском запорожским принять под свою государеву высокую руку»¹⁶.

В ответ на Украину было отправлено посольство во главе с А. С. Матвеевым. Артамон Сергеевич должен был выяснить, как казачество относится к воссоединению Украины с Россией. Примечательно обращение тогдашнего патриарха Никона к Б. Хмельницкому, которое вез с собой Матвеев: «Егда же той его царскою величества верный посланник к вам приедет, и вам бы его словесем, кроме всякого сомнения, веру яти: еже бо он возглаголет к вам, сия истина суть»¹⁷. Из этих слов видно, каким расположением правящих кругов пользовался Матвеев уже в то время и какое важное поручение ему давалось. По дороге посольство сопровождал большой отряд казаков, и всюду царскому посланнику оказывались пышные почести: «Пешие за городом и в городе стояли без ружья, а как Артамон и Иван в город въехали и в те поры из пушек стреляли»¹⁸.

Матвеев приступил к выполнению полученного наказа уже в пути. Не было ни одного места, где, останавливаясь, члены посольства Матвеева не беседовали бы с жителями. Русских послов интересовал широкий круг вопросов. Велико ли войско у гетмана? Есть ли у него иностранные войска? Хочет ли польский король заключить союз с Б. Хмельницким? Согласится ли на это рада? Поддержит ли рада Б. Хмельницкого в вопросе о воссоединении Украины с Россией? Много ли войск крымского хана у гетмана и каково их поведение на территории Украины?

Не доверяя полностью Б. Хмельницкому, Матвеев хотел понять его мотивы и особенно интересовался его связями с Речью Посполитой. В Переяславле Матвеев встретался с посланцем Б. Хмельницкого Данилой Выговским, а 15 июня приказал тайно привезти к нему монаха Феофила, который был послан гетманом Станиславом Потоцким с письмом к Б. Хмельницкому. От Феофила Матвеев узнал, что польские магнаты сильно обеспокоены военными приготовлениями России.

Среди приближенных Б. Хмельницкого Матвеев установил тесный контакт со ставленником казацкой старшины писарем Иваном Выговским, которого русское правительство надеялось использовать как политического агента: «И ты, писарь, видя к себе царского величества милость и жалованье, которые у тебя есть турецкие или крымского ханы, или польского короля, или гетманов или канцлеров грамоты, или иные какие письма, и ты б присылал к царскому величеству со мною, с Артамоном, и с Иваном, и тайно ж»¹⁹. Так русскому правительству стало известно о попытках Турции присоединить к себе Украину. Выговский сообщал: «Прислал де к гетману Богдану

Хмельницкому посла своего Магмет-агу чеуша с грамотой и прислал к нему подарки большие; а в грамоте его написано, чтоб был гетман в подданных»²⁰.

Переговоры А. С. Матвеева с Б. Хмельницким состоялись 4 июля 1653 г. в обстановке строгой секретности. Вначале был совершен принятый церемониал с раздачей Хмельницкому и его приближенным богатых подарков. Затем русские послы, Б. Хмельницкий и И. Выговский прошли в отдельную комнату, где Матвеев вручил грамоту патриарха Никона с его согласием принять новую паству. В грамоте Никон выдвигал условие: украинская православная церковь должна подчиняться российскому патриарху, а не константинопольскому, как того хотело высшее украинское духовенство. Далее русские послы подтвердили желание царя принять Украину в российское подданство. В свою очередь, Б. Хмельницкий просил русское правительство решить вопрос о воссоединении как можно быстрее. На то были особые причины. И. Выговский сообщил, что «турский султан писал крымскому хану и ко всем мурзам, чтоб они были готовы со своею ордою»²¹.

Посольство А. С. Матвеева еще раз подтвердило желание украинского народа воссоединиться с русским. Послы собрали важный стратегический материал: «сколько ныне у гетмана полков ратных людей учинено и кто у них полковников имена»²². Чрезвычайное значение имели данные о приготовлениях Речи Посполитой, Турции, Крыма к военным действиям против России.

22 июня 1653 г. царь Алексей Михайлович направил грамоту Б. Хмельницкому с окончательным решением о воссоединении, сообщая также о предстоящей войне с Речью Посполитой. 1 октября 1653 г. Земский собор в Москве принял решение о присоединении Украины и о начале военных действий. 6 января 1654 г. московское посольство боярина В. В. Бутурлина, в составе которого был А. С. Матвеев, встретилось в Переяславле с Богданом Хмельницким. Здесь состоялась казацкая рада, и 8—9 января 1654 г. было торжественно провозглашено воссоединение Украины с Россией. 11 января Матвеев был послан к царю с отчетом о состоявшейся Переяславской раде. На протяжении всех переговоров о воссоединении Артамон Сергеевич как близкий доверенный царя информировал московский двор о всех происходящих событиях, доставлял грамоты и готовил ответы.

Осенью 1654 года крупные военные силы Речи Посполитой двинулись на Украину, чтобы соединиться с крымскими и ногайскими татарами для совместного наступления на восток. В течение зимы и весны 1654/55 года на Украине и в Белоруссии шли тяжелые бои с польскими войсками и крымской ордой. В это время между русским правительством и Б. Хмельницким шли переговоры относительно плана военных действий в кампании 1655 года. В начале этого года во главе русского посольства А. С. Матвеев вновь прибыл на Украину. Он выдвинул перед Б. Хмельницким план совместного похода русских войск и казацких полков для освобождения всей Украины. Ставилась задача в течение 1655 года не только отразить войска неприятеля, но и полностью освободить всю Украину и Белоруссию. Один из основных ударов предполагалось нанести на Смоленск.

А. С. Матвеев участвовал в походе русских войск. Когда русские войска осадили Смоленск, польский гарнизон, не выдержав осады, начал переговоры о сдаче города русским: «10 сентября стольники Иван Богданович Милославский и Семен Юрьевич Милославский, да стрелецкий голова Артамон Сергеевич Матвеев на съезде с литовскими людьми договорились о сдаче Смоленска»²³.

Из-под Смоленска Матвеев отправился к Б. Хмельницкому для дальнейшей разработки плана совместных действий против Речи Посполитой, затем участвовал в осаде польского города Черткова в войсках князя Г. Г. Ромодановского. Во время спешного отступления из-под Львова Матвеев был поставлен во главе отборного полка для прикрытия основных сил армии Ромодановского. От сильного холода и голода в армии началось массовое дезертирство, военное снаряжение бросали на дорогах. Матвееву поручили во что бы то ни стало спасти пушки и боеприпасы. Сам он вспоминал, как с

огромным трудом, впрягаясь вместо лошадей, измученные воины тащили более 50 пушек, не допустив почти никакого урона²⁴. Все же в течение 1654—1655 годов почти вся территория Украины и Белоруссии была освобождена.

В 1655 году против Речи Посполитой выступила Швеция и захватила Восточную Прибалтику. Русское правительство решило пойти на перемирие с Речью Посполитой и объявить войну Швеции. 12 августа 1656 г. состоялся съезд русских и польских представителей в Вильно. Русские послы обещали польским шляхтичам сохранить за ними все владения, права и вольности при условии закрепления Великого княжества Литовского за Российским государством. Предлагался и другой вариант: избрать царя Алексея Михайловича на польский престол после смерти короля Яна Казимира, кроме того, возместить военные издержки за два года и оставить за Россией всю Украину с Волынью и Подолией, а также Белоруссию с границей по реке Березине. Не добившись желаемых результатов, русские послы ограничились заключением перемирия 24 октября 1656 г., в разгар русско-шведской войны.

В 1656 году Матвеев в качестве полномочного посла ездил к литовскому гетману Гонсевскому с предложением об избрании московского царя в преемники польскому королю Яну Казимиру. Напомнив о Виленском договоре и о переговорах по избранию Алексея Михайловича на польский престол, Артамон Сергеевич приступил к решению основной задачи — вопроса об изменении границ Российского государства. Для их укрепления московское правительство хотело провести границу по берегам Березины и Буга. Гонсевский, боявшийся усиления России, ответил отказом и предложил женить царевича Алексея Алексеевича, как только он достигнет совершеннолетия, на племяннице королевы. Далее литовские послы предложили церковную унию, требовали предоставить Гонсевскому большие политические права и помочь оружием.

Матвеев отказался удовлетворить требования Гонсевского, которые грозили усилением Речи Посполитой, что было крайне невыгодно для России и обостряло ее отношения со Швецией.

В начале 1657 года Матвеев вновь отправился в Литву, не теряя надежды обеспечить России польский престол. Он получил наказ хлопотать, чтобы литовские войска перешли «под высокую руку великого государя» и присягнули ему. Матвеев подыскивал среди польских панов союзников для благоприятного решения этих вопросов на сейме. Во время его встреч с Гонсевским последний согласился содействовать русскому правительству за большую сумму. Но, поскольку он был сторонником православно-католической унии и не соглашался присягать российскому государю, переговоры не привели к желаемым результатам.

27 июля 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Через месяц войсковые старшины и шляхта избрали гетманом И. Выговского. Казацкая верхушка надеялась отделить Украину от России и затем присоединиться к Речи Посполитой. Проводником их политики должен был стать Выговский. Он пытался заключить союз с крымским ханом, которому было крайне невыгодно подданство Малороссии московскому царю. Новый гетман, в отличие от Б. Хмельницкого, не пользовался популярностью среди большинства казаков. Он не был известен воинскими заслугами и, что самое главное, был не казаком, а шляхтичем. Попытка гетмана и его сторонников настроить казаков против Москвы не удалась.

Прослышав о неспокойном положении на юге, царь в сентябре 1657 года отправил на Украину А. С. Матвеева. Матвеев должен был с помощью казацкого войска склонить шведов к мирному договору и установить окончательные границы между государствами. Матвеев указал Выговскому, что если Швеция не согласится на мир, то украинские послы объявят: «Войско Запорожское пойдет на него (шведского короля. — *Авт.*) войною, а в прямом бы приятстве свейский король на Войско Запорожское не надеялся»²⁵. Матвеев выразил недовольство своего правительства тем, что Выговский не сообщил сразу же о смерти Б. Хмельницкого. Возможно, если бы русское правительство было немедленно уведомлено об этом, оно приняло бы меры и гетманом был бы избран другой.

Матвеев так писал царю: «Да я, холоп твой, посылай к гетману Ивашке Выговскому, и приехав от него, отцу твоему государеву, блаженной памяти Великому государю, известил, что он изменник и добра от него не будет»²⁶.

Открыто выступать против гетмана русское правительство не решалось, но в крупные украинские города были направлены русские воеводы. Чтобы ограничить деятельность Выговского, было решено поддержать народное движение, возглавленное полтавским полковником М. Пушкарем и запорожским кошевым Барабашем. Когда Матвеев узнал о тайных переговорах Выговского с турецким султаном и польским королем и потребовал подробного сообщения об их содержании, Выговский уклонился от прямого ответа.

В середине 1658 года, опираясь на часть казацкой старшины, Выговский решил открыто выступить против России. В ответ на это киевский воевода В. Б. Шереметев получил приказ привести в боевую готовность подчиненные ему воинские силы и крепостные сооружения.

Между тем московское правительство еще надеялось занять польский престол или по крайней мере добиться присоединения Литвы к Москве. В начале 1657 года Алексей Михайлович послал Матвеева в Речь Посполитую с наказом в случае разрыва между Литвой и Польшей сделать все возможное, чтобы литовские войска присягнули русскому царю. Вскоре Матвеев сообщил в Москву о согласии части шляхты после смерти короля Яна Казимира избрать на польский трон Алексея Михайловича. Против этого возражали многие страны Западной Европы. В 1658 году возобновились шведско-польские переговоры при посредничестве представителей Франции и Австрии. Выход Речи Посполитой из шведской войны привел бы к обострению ее отношений с Россией и предотвратил бы возможность избрания русского царя на польский престол. Если бы русский царь был избран на польский престол, создалось бы сильное политическое объединение, в котором не были заинтересованы соседние монархи.

В самой Речи Посполитой польские магнаты, боявшиеся потерять политические привилегии и рассчитывавшие восстановить свою власть на Украине, были яркими противниками русско-польской унии. У польско-литовской шляхты существовал также план передачи польского престола Австрии. На собравшемся 10 июля 1658 г. сейме окончательного решения принято не было.

Противники русско-польской унии, особенно Австрия, стремились сорвать русско-польские переговоры. Кроме того, на Украине изменилась политическая обстановка. Выговский, разгромив Пушкаря, открыто шел на разрыв с Россией. Он напал на русский гарнизон в Киеве и восстанавливал украинское население против России.

В сентябре 1658 года в Гадяче Выговским был заключен договор с Речью Посполитой о передаче ей Украины. 24 сентября из Москвы была прислана царская грамота, адресованная ко всему населению Левобережной Украины. В этой грамоте говорилось о предательстве Выговского, о его действиях, направленных на союз с Речью Посполитой. Грамота призывала к борьбе против Выговского. На Украину были введены русские войска. Почти одновременно на самой территории развернулось крестьянское движение против Выговского, которое активно поддерживали запорожские казаки. 11 сентября 1658 г. казацкая рада выбрала нового гетмана Украины Юрия Хмельницкого, но уже в 1663 году он был смещен и пострижен в монахи. Причиной опалы Ю. Хмельницкого были симпатии его и небольшой старшинской верхушки верных ему казаков к Речи Посполитой. Недолго продержался и сменивший его польский ставленник Павел Тетеря. Новый гетман Петр Дорошенко пытался вернуться к крымско-турецкой ориентации, и после его смещения в 1663 году был избран гетманом кандидат Запорожья Иван Брюховецкий, который был убит в 1668 году за измену в пользу турецкого султана.

Колебания казацкой старшины и гетманов, недовольство украинского населения поборами московских воевод постоянно заканчивались военными столкновениями, запорожцы грабили города и крестьян. Следовало изменить порядок управления

Левобережной Украиной. Для этого предполагалось в 1669 году созвать раду на Украине с участием русских представителей и украинской старшины. Для участия в переговорах были выбраны князь Г. Г. Ромодановский, А. С. Матвеев и дьяк Г. Богданов.

13 февраля 1669 г. А. С. Матвеев и Г. Богданов были у царя Алексея Михайловича на приеме и лично от него получили указания, как вести переговоры. На следующий день они выехали из Москвы в Севск, где 24 февраля встретились с князем Г. Г. Ромодановским. Матвеев передал ему наказ. При непосредственном участии Посольского приказа была подробно разработана линия поведения русских представителей на Глуховской раде, изложенная в наказе. Во время своего пребывания в Севске русские послы обменялись посланиями с кандидатом в гетманы Демьяном Многогрешным и договорились о времени созыва рады. Причем в своем письме Многогрешный указал Матвееву, что лично он очень доволен присутствием Артамона Сергеевича на Глуховской раде²⁷.

28 февраля русские представители выехали из Севска и 1 марта прибыли в Глухов. Переговоры в Глухове происходили довольно бурно. Казацкие старшины были недовольны урезыванием их вольностей и размещением правительственных ратных людей на территории Украины. Недовольство казаков вызвало решение о сдаче Киева Речи Посполитой на основании Андрусовского договора (1667 г.).

Глуховская рада началась с избрания гетманом Д. Многогрешного. Затем Г. Г. Ромодановский и А. С. Матвеев с большой выдержкой и умением объяснили гетману и старшинам, что Киев ни в коем случае полякам отдан не будет, но говорить об этом пока не время.

Жаркие споры на Глуховской раде бушевали вокруг требований казацких старшин о предоставлении вольностей казакам и выводе русских войск с территории Украины. Эти требования поддержало и местное духовенство. Однако русское посольство твердо стояло на своих позициях, доказывая невозможность уменьшения числа воевод и воинских частей и ссылаясь при этом на необходимость обороны в случае нападения Турции и Крыма, а также на крупные крестьянские волнения, происходившие на Украине. Страх потерять Украину заставлял царское правительство держать крупный административный аппарат. Это позволяло улавливать малейшие изменения в настроении казацкой верхушки. Гетман Правобережья Дорошенко, говорили русские послы, принял турецкое подданство и может в любое время со своим отрядом напасть на Украину. И если он узнает о выводе русских войск из украинских городов, то «тотчас заднепровских казаков пришлет и своими людьми те города займет и осадит»²⁸. Поэтому, убеждали они раду, надо не выводить русские войска, а увеличить их численность.

В ответ казацкая старшина потребовала от царского правительства вывести из городов воевод. Ромодановский и Матвеев не согласились и с этим. Они прямо заявили, что после Б. Хмельницкого гетманами были Иван Выговский, Юрий Хмельницкий, Иван Брюховецкий, все они подписывали договоры о дружбе с Россией, «однако ничего того не помятуя, изменяли»²⁹. К тому же в войсках у самого гетмана Многогрешного немало людей, которые только и ждут, чтобы перейти на сторону Дорошенко — сторонника Турции. Русские представители категорически отказали гетману и казацкой старшине в выводе русских войск и воевод и решительно заявили: «Чтоб о выводе воевод и ратных людях впредь им великому государю бить челом было невольню, не только в статьях написать, говорить болше того с ними и слушать тех их слов от них не хотят»³⁰. Была, однако, сделана оговорка о том, что воеводы должны вести надзор только за своими людьми: «А впредь в права их, в суды, воеводам вступатца не только в казацкие, и в мещанские великий государь не указал»³¹. Рассматривать жалобы на самоуправство со стороны русских должны были представители как России, так и Украины. На заявление казацкой старшины о том, что русские люди очень грубо ведут себя на территории Украины, грабят население и жгут дома, русские представители ответили, что их

правительству не было известно об этом и от украинского населения челобитных по этому поводу не поступало.

4 марта русским представителям была подана челобитная. В ней казацкая старшина выдвинула ряд требований: оставить казакам имеющиеся у них имения, в которые входили поля, леса, сенные покосы, пруды и мельницы; по смерти казака все его состояние должно перейти в наследство его жене; жены «заслуженных» казаков должны быть освобождены от всех налогов; при посылке гонцов к царю они должны быть полностью обеспечены русским правительством; в случае нападения на Украину русское правительство должно оказать ей помощь военной силой; переписка украинского правительства с русским должна происходить через Москву; казакам должны быть возвращены отобранные у них русскими воеводами пушки и пищали; запорожское войско должно состоять из 40 тыс. человек; канцелярия гетмана первое время должна находиться в Батурине, а затем в Переяславле; за военные заслуги царь должен награждать отличившихся казаков денежным вознаграждением и дворянством. Русские послы потратили немало сил, чтобы доказать казакам невозможность выполнения всех их требований.

Глуховская рада закончилась компромиссом. Составленный договор в определенной степени нормализовал отношения России с Украиной. Русское правительство добилось ограничения власти гетманов. Так, гетману запрещались непосредственные дипломатические связи с иностранными государствами, но гетманские представители могли присутствовать на посольских съездах, где решались вопросы, связанные с Украиной.

Своим относительным успехом переговоры на Глуховской раде безусловно обязаны Артамону Сергеевичу Матвееву. Князь Ромодановский был лишь «храбрый воин, незаменимый в походах, лихой наездник, отличавшийся лихой телесной силой, но отнюдь не умом»³². Выше отмечалось, что Матвеев выехал из Москвы в Глухов после предварительной беседы с царем о предстоящей раде и лично от царя узнал его мнение о вопросах, подлежащих рассмотрению на переговорах. Ромодановского же даже не вызывали к царю для инструкций, хотя по положению он был выше Матвеева. Таким образом, фактически полномочным представителем царя был А. С. Матвеев, продемонстрировавший в Глухове и способности искусного дипломата, и свои симпатии к малороссиянам.

По приезде из Глухова 9 апреля 1669 г. А. С. Матвеев был поставлен во главе Малороссийского приказа, сменив на этом посту А. Л. Ордина-Нащокина. Малороссийский приказ контролировал гетманское управление, от имени царя давал согласие на выборы нового гетмана и во всех договорных статьях Российского государства с Украиной записывал обязательство допускать смещение и переизбрание гетмана только с ведома приказа. Приказ рекомендовал каждого кандидата на гетманство, следил за их политической ориентацией, направляя ее в соответствии с решениями Переяславской рады. Гетманы были обязаны уведомлять Малороссийский приказ о внутренней жизни Украины и о ее сношениях с соседними странами. Приказ оказывал военную помощь Украине в ее борьбе с крымским ханом, Турцией и Речью Посполитой, занимался делами, связанными с комплектованием воинских частей, посылавшихся на Украину вместе с воеводами, ведал вопросами денежного и хлебного снабжения воеводств и воинских частей.

Уже в самом начале своей деятельности во главе Малороссийского приказа А. С. Матвеев пытался сгладить наиболее острые проблемы взаимоотношений московских властей с местным населением. Через два года после своего назначения он стал посылать на содержание ратных людей не зерно, а деньги для закупки продовольствия, что было намного дешевле и удобнее. Он поощрял также развитие местного землевладения: подтверждались гетманские универсалы (жалованные грамоты) о раздаче земельных владений с селами и даже городами, это стимулировало расширение монастырского и

казацко-старшинского землевладения. Источники свидетельствуют, что высшее духовенство Украины не раз обращалось к Матвееву с просьбой пожаловать земельные владения или подтвердить ранее полученные гетманские универсалы. Были также завезены частные хлебные склады, где создавались некоторые запасы. Тем самым частично решалась проблема снабжения войска хлебом.

В первые месяцы своего нового назначения Матвеев действовал крайне осторожно, стараясь избегать столкновений с бывшим руководителем приказа Ордыным-Нащокиным. Последний, находясь в Мигновичах на съезде с польскими послами, отправил 4 мая 1669 г. в Москву свои соображения по поводу подчинения киевской митрополии российскому патриарху. Матвеев, хорошо знавший Украину, понимал преждевременность такого шага, так как высшее духовенство Украины стояло за подчинение украинской церкви константинопольскому патриарху. Кроме того, невозможность осуществления планов русских была очевидна до окончательного решения вопроса о Киеве и закреплении его за Москвой. Однако в противоположность высшему духовенству среднее украинское духовенство желало подчиниться московскому патриархату. Это часть духовенства старалась направить деятельность верхушки казацкой старшины на укрепление дружеских сношений между Украиной и Россией. На протяжении 1669—1670 годов Матвеев всеми силами стремился поддерживать дружеские связи с этой частью духовенства.

Этому немало способствовали его близкие отношения с протопопом С. Адамовичем, который с лета 1670 года стал посредником между московскими политиками и Украиной. Не без участия А. С. Матвеева он вошел в доверие к украинскому духовенству и гетману. Когда Адамович приезжал в Москву с различными поручениями от гетмана к царю, его немедленно принимали в Посольском приказе и по возможности старались помочь. В свою очередь, Адамович не оставался в долгу и всячески расхваливал Матвеева перед казацкой старшиной. Обе стороны оказывали друг другу самые различные услуги: в сентябре 1670 года Адамович просит Матвеева прислать гетману походный шатер, а для архиепископа Лазаря Барановича — церковные печатные книги. Одновременно он подробно информирует Матвеева о положении дел на Украине. 16 октября 1670 г. Адамович сообщает Матвееву, что он имеет большое влияние на Многогрешного и что последний «царскому величеству истинен и ко мне крайняя его милость, в сладость советов моих слушает»³³. А в конце декабря 1670 года в письме к Матвееву он советует наградить некоторых украинских старшин царскими подарками. В частности, он пишет о том, что брат Д. Многогрешного Василий Игнатович имеет намерение перейти в Запорожье, что было очень невыгодно для Украины. И далее: «Хочешь ли государь мой Артемон Сергеевич, в нынешнее непостоянство имети малороссийскую страну мирну, буди врачом, исцели язву, утеште поскорее, яко от отца милосердие, от великого государя, гетмана Демьяна и Василия Игнатовичев и Гвинтовку (нежинский полковник. — *Авт.*) государьским жалованьем»³⁴. Затем Адамович уверяет Матвеева, что всеми силами будет способствовать сохранению Украины в подданстве России.

Для того чтобы расположить украинское духовенство к царскому правительству, Адамович советует Матвееву внимательнее относиться к нуждам местных священников. И Артемон Сергеевич выполнял их небольшие просьбы, касавшиеся главным образом помощи монастырям и церквям деньгами. Так, в июне 1669 года он присутствовал при встрече посланца печерского архимандрита Иннокентия Гизеля с царем. Печерская лавра просила царя о том, чтобы ее не отдавали под власть киевского митрополита.

В сентябре того же года в Москве вновь был посланец от Иннокентия Гизеля. Он просил царское правительство о пожаловании их «либо деревнями какими неразоренными, или мельницами, или готовым хлебом из Брянска»³⁵, о неподчинении Печерской обители киевской митрополии, о предоставлении ей русским правительством пушек, о запрещении русским воеводам судить «духовных людей». Духовенство обращалось к Матвееву в Малороссийский приказ с различными вопросами, касавшимися не только

церковных дел, но и военной и внутренней политики. В свою очередь, Матвеев оказывал покровительство многим священникам.

В мае 1669 года Матвеев принял посланца Демьяна Многогрешного — Матвея Гвинтовку. Последний обрисовал политическую обстановку на Украине, подтвердил слухи о подготовке крымского хана к походу против России. Многогрешный через Гвинтовку просил Матвеева прислать на Украину как можно больше войск. Военные приготовления крымского хана подтверждали и другие. Так, киевский воевода Козловский в свой отписке писал в Малороссийский приказ о том, что убежавшие из плена казаки донесли: «...Петр Дорошенко и Серик с войски собираюца и ожидают к себе татар, а как татары придут, и они де хотят итить за Днепр на Переяславскую сторону в твои великого государя малороссийского города войною».

В период правления Матвеева сведения о внутренних и внешних событиях поступали в основном от многочисленных агентов, специально посылавшихся на Украину. Ими часто были служащие Малороссийского приказа — дьяки и подьячие. Так, в связи с поступавшими сообщениями об измене Многогрешного в 1672 году на Украину был послан подьячий М. Алексеев. В том же году в Батурин был направлен подьячий С. Щеголев с поручением пробраться к есаулу Я. К. Лизогубу, который, очевидно, симпатизировал русскому правительству, и разузнать у него о намерениях П. Дорошенко. В последующие годы посылались люди и для непосредственной агитации среди населения Правобережной Украины с целью «склонить» Дорошенко на сторону московского правительства, поскольку все его полки, кроме Чигиринского, хотели этого. В конце мая 1670 года в Малороссийский приказ поступили данные о продвижении крымских орд к Чигирину. Между тем состояние русских войск, находившихся на территории Украины, оставляло желать лучшего. Жалованье часто задерживалось, солдаты голодали, участились побег из армии. В воеводской челобитной на имя царя сообщалось: «Твои великого государя ратные люди приходят к нам холопам твоим, с великим шумом беспрестанно, что они наги и босы и нужны в конец, многие обезножили и итти не могут»³⁶.

Матвеев понимал, что русское войско плохо подготовлено к отпору неприятеля. Он стремился по мере сил улучшить его положение, обеспечить жалованьем и снаряжением. Так, в грамоте киевскому воеводе Козловскому он требует укрепить городские строения, срочно выдать стрельцам жалованье и одежду. В Киев, Переяславль, Чернигов, Нежин было послано 3 тыс. зимних кафтанов. Летом 1670 года Матвеев послал в Батурин стрельцов для усиления гарнизона.

В целом Малороссийский приказ осуществлял сложную дипломатическую политику, направленную на постепенное объединение разрозненных украинских земель, чтобы включить их затем в состав России. Глава приказа А. С. Матвеев неотступно следил за внутренней и внешней политикой украинских гетманов, направляя ее в нужное русло. В первую очередь Малороссийский приказ поддерживал укрепление земельных прав украинской шляхты и закрепощение крестьян, в этом совпадали интересы царского правительства и украинской старшины.

За время пребывания Матвеева на посту начальника Малороссийского приказа его авторитет как искусного дипломата еще более упрочился. Выше говорилось, что после женитьбы царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной Матвеев в феврале 1671 года был поставлен во главе Посольского приказа.

Наиболее важным вопросом внешней политики Русского государства в этот период была борьба с Турцией и крымским ханом. Турцию поддерживали Англия и Франция. Захватив Каменец-Подольск, Турция вынудила Речь Посполитую заключить мирный договор. Перешел в подданство Турции гетман Дорошенко. Турецкое правительство требовало от России отказа от Украины и нейтрального отношения к агрессии султана на Кавказе.

Русское правительство несколько раз посылало своих представителей в Турцию с требованием прекратить захватническую политику. Однако успеха это не имело. Чтобы заручиться поддержкой стран Западной Европы, русские дипломаты отправлялись в Англию, Францию, Испанию, Швецию, Данию и Голландию. Однако планам создания антитурецкой коалиции не суждено было осуществиться из-за войны в самой Западной Европе: Франция, на стороне которой были Англия и Швеция, воевала с Голландией, Пруссией, Испанией и Империей. Между прочим, Франция, борясь против Империи, стремилась к созданию союза между Швецией, Речью Посполитой и Турцией. Таким образом, вовлечение Швеции в войну было очень опасно для России, которой пришлось бы отражать натиск с юга, запада и севера. А для Голландии, Пруссии, Дании и Империи это было бы выгодно, так как Россия принимала удар Швеции на себя. Русское правительство не решалось примкнуть к какой-либо группировке и заняло выжидательную позицию.

Между тем, желая поднять международный престиж России, Матвеев изменил некоторые посольские церемониалы внутри двора. Так, например, иностранные послы стали называть царя «величеством»: «А я, холоп твой, с цесарскими посланниками договор за руками учинил, чтобы впредь нас, великих государей, в грамотных и в ответных письмах писать Величеством, а не пресветлейшим»³⁷. Теперь при обращении к царю употреблялся титул главы великого государства. Матвеев также ввел правило, чтобы при приеме царем послы снимали головные уборы.

В конце 1671 года в Москве состоялись переговоры с польскими послами, которые требовали назначить новый срок передачи Киева и оказать военную помощь в случае войны с Турцией. В свою очередь, русские уполномоченные стремились во что бы то ни стало добиться перехода Правобережной Украины с гетманом Дорошенко в подданство московского царя. Проводником этих идей и был Матвеев, пристально следивший за происками Речи Посполитой, ее переговорами с западными странами, направленными против Андрусовского договора.

По приказу Матвеева «из черкасских городов привезли многие прописные листы, которые объявились противны Андрусовским договорам и московскому постановлению»³⁸. Благодаря этим данным царское правительство знало о приготовлениях Речи Посполитой к нарушению Андрусовского договора. «И если б, великий государь, не те прописные листы и книга укоризненная, ничего б было против записи и статей говорить с послами». Матвеев в челобитной на имя царя указывал, что «...бояре во время переговоров имели великие трудности» и что именно он, Матвеев, добился положительных результатов в переговорах: «И моя же работенка, холопа твоего, были и свидетельствуюсь ими, ближними боярами»³⁹.

В результате переговоров Речи Посполитой были сделаны небольшие уступки, мало затрагивавшие интересы российского государства. Зато вопрос о Киеве был отложен до 1674 года, и, таким образом, Киев продолжал оставаться в руках Москвы. Далее в договоре говорилось: «Учинить в случае нужды помощь противу турок и татар донскими казаками»⁴⁰. В июне 1674 года, во время русско-польских переговоров, полякам было объявлено, что Киев им отдан не будет, так как они не в силах защитить его от турок.

В начале 70-х годов Турция потребовала от России невмешательства в ее политику на Украине. Столь резко заявлению отчасти способствовала измена гетмана Многогрешного, который открыто стал высказываться за союз с Турцией. Об этом Матвееву в письме сообщил протопоп Адамович, подробно рассказавший об измене Многогрешного и решении украинской старшины передать Многогрешного правительству. Адамович также сообщил Матвееву о том, что «на Украине дал Бог смирно, все рады, что без кровопролития так случилось»⁴¹.

Многогрешный был схвачен казацкой старшиной, недовольной помимо измены его жадностью и кумовством. Гетманом был избран Иван Самойлович, который добивался воссоединения Правобережной Украины с Россией.

16 июня в Казачьей Дубраве открылась рада, на которой были внесены некоторые поправки к Глуховским статьям. В частности, украинская старшина потребовала ограничить права гетмана, чтобы он никого не смел казнить и отстранять от должностей без решения войскового суда. Гетман без совета старшин не имел права переписываться с иностранными державами. Число царских войск на Украине надо было сократить. В свою очередь, русское правительство потребовало выдать всех беглых русских крестьян. В дальнейшем для ведения переговоров между русским и украинским правительствами существовала договоренность не присылать своих представителей, а ограничиться перепиской через Малороссийский приказ. Рада закончилась избранием Самойловича гетманом Украины.

Уменьшение власти гетмана ставило его в большую зависимость от Москвы, и это Матвеев прекрасно понимал. «Избрание Самойловича было ручательством мирного разрешения нового кризиса на Украине и залогом еще более прочного укрепления ее за Россией в будущем»⁴². Самойлович был проводником политики царского правительства. В то время в составе Российского государства находилась большая часть западных земель, за исключением Галиции, Правобережной Украины, Буковины с Молдавией и Закарпатской Украины. Запорожье по Андрусовскому договору подчинилось одновременно России и Речи Посполитой. Однако запорожское казачество поддерживало тесные связи с русским правительством.

На протяжении всего 1671-го и начала 1672 года русским политикам поступали сведения о подготовке Дорошенко и Турции к войне. Так, пленный татарин Булак Тузляра на допросе в январе 1672 года показал, что к Дорошенко прибыли крымские татары, «с тысячу человек и больше: а прежде их пришел к Дорошенко ж из Крумы Нурадын царевич, а с ним крымских татар с десять тысяч, а всех их было ногайцев и крымцов двадцать тысяч. Да при Дорошенке ж был белгородской паша, а с ним турецких конных войск с десять тысяч человек»⁴³. Адамович также докладывал Матвееву о подготовке Турции и Дорошенко к войне и называл последнего «сильным неприятелем». Кроме того, он советовал срочно направить в Киев воинские силы, а также заменить некоторых воевод, в частности нежинского: «Бога ради, воеводу нам в Нежин посылайте добра человека. Степан Иванович Хрущев не по Нежину воевода»⁴⁴.

Летом турецкий султан Магомет IV при поддержке Дорошенко разгромил польское войско в Подолии, захватил крепость Каменец-Подольск и направил часть войск во Львов. Это известие сильно встревожило царское правительство. По приказанию Матвеева в Киев был спешно направлен Ю. Трубецкой с крупным воинским отрядом.

Кроме того, было получено сообщение от польского посланника Иеронима Комара о заключении в Бучаче договора между Речью Посполитой и Турцией, по которому Речь Посполитая должна была выплачивать дань. Правобережная Украина была разделена на три части: Бреславщина и Южная Киевщина остались под властью Дорошенко; к Турции отошла Подолия; Галиция и небольшая часть Правобережной Украины были подчинены Речи Посполитой. Таким образом, Речь Посполитая отказалась от большей части Правобережной Украины, что было нарушением Андрусовского договора. Русское правительство решило начать войну против Дорошенко для освобождения Правобережной Украины.

В мае Матвееву был представлен план совместных действий против Турции и Дорошенко, выработанный Самойловичем. Он советовал Матвееву использовать атамана Серка, Ромодановскому — «сблизитесь с порубежным городам его царского величества, потому что без войска пребывати и ему на пустыне невозможно, и войско издали из велико-российских городов, где сам пребывал, не вскоре вызовет»⁴⁵. Далее он предлагал соединить русские войска с украинскими и вместе наступать на турецкие войска и Дорошенко.

Матвеев продолжал внимательно следить за передвижением турецких и крымских войск, собирал данные из различных источников, сам допрашивал пленных.

В 1672 году, во время нападения Турции на Речь Посполитую, русское правительство просило через своего посла в Австрии Павла Минезиуса оказать Речи Посполитой срочную военную помощь. Однако в 1674 году стало известно о намерении Речи Посполитой прекратить войну с Турцией и напасть на Австрию. В августе 1675 года в Москву прибыли австрийские послы Аннибал Франциск де Ботони и Яган Терлинсерен де Гусман для переговоров с русским правительством. Во время переговоров, которые со стороны России вел Матвеев, австрийским послам было предложено заключить в ближайшее время русско-австрийский союз о взаимной военной помощи в случае нападения третьей страны на одно из этих государств. При этом Россия обязалась послать к австрийской границе свои войска. 12 октября 1675 г. было заключено русско-австрийское соглашение: Австрия обещала помочь России в борьбе с Турцией. Это имело большое значение для России, так как обеспечивало ей дипломатическую поддержку Австрии.

В июне 1674 года Матвеев направил в Пруссию С. Е. Ал-мазова. Ему было поручено узнать о положении дел у бранденбургского курфюрста и уведомить его о «недоброжелательстве нового польского короля Яна Собеского к России и Бранденбургии»⁴⁶.

В апреле 1675 года в Москву прибыл гонец Христофор Георги с грамотой от курфюрста, который сообщал о внезапном нападении Швеции на его земли. Однако русское правительство ответило, что помочь войсками в данное время не сможет, но постарается «отписать к нему, шведскому королю, дабы он оставил в покои земли его, курфюрста, и войска свои оттуда бы вывел»⁴⁷.

Продолжал Матвеев и политику своих предшественников в установлении культурных, дипломатических и торговых связей с империей Великих Моголов и с Индией. С XVII века между Россией и Индией устанавливаются регулярные отношения. 21 июля 1646 г. от имени царя Алексея Михайловича индийскому падишаху Шах-Джахану была отправлена грамота с предложением об установлении дипломатических отношений между Россией и Индией.

При А. С. Матвееве продолжались попытки завязать дипломатические и торговые связи с Китаем. Усилилась деятельность по сбору информации о Китае, и велась подготовка для посылки туда послов. В 1675 году Матвеев направил в Китай уроженца Молдавии Николая Спафария, переводчика Посольского приказа, куда он поступил работать в 1671 году. Трудно сказать, был ли он ранее знаком с Матвеевым, однако сразу же расположил к себе последнего своими обширными знаниями. (Разностороннее образование Спафарий получил в Константинополе и в Италии.) Спафарий часто бывал в доме Матвеева и подолгу просиживал там за книгами, что в дальнейшем послужило одним из поводов для сыскного дела на Матвеева по обвинению в «чернокнижии». А. С. Матвеев поручил Спафарию воспитание своего сына, которого тот обучал различным языкам. Очевидно, уже в то время Матвеев и Спафарий составляли планы поездки в Китай — страну, наименее известную в России.

В 1675 году Н. Спафарий был назначен посланником в Китай. Он должен был подробно описать дороги в Китай, обращая особое внимание на речные пути, характер их берегов и окрестностей, указывая расстояние между улустами и городами. В Посольском приказе ему был выдан наказ с маршрутом посольства. В нем же предписывалось, как установить торговые связи с Китаем. Кроме того, сообщались сведения о странах, граничащих с Китаем, в частности об Индии и Японии. Вместе со Спафарием были посланы специалисты по минералогии, ботанике и медицине. Таким образом, перед экспедицией в Китай ставились не только политические, но и научные цели. Главным организатором снаряжения посольства был А. С. Матвеев. На наказах, данных Спафарию, можно найти большое количество собственноручных пометок главы Посольского приказа.

Продолжали развиваться сношения Российского государства со среднеазиатскими ханствами — Бухарой, Самаркандом и др. В 1669 году в Бухару и Хиву из Москвы было отправлено посольство Бориса и Семена Пазухиных, а в 1671 году в Москву прибыл бухарский посол Мулла-Фаррух. В грамоте, данной русским правительством Пазухиным, и в грамоте бухарского хана выражались надежды на установление дипломатических связей между Россией и Бухарой, а также на беспрепятственную взаимную торговлю. 2 марта 1671 г. Матвеев принял бухарского посла Мулла-Фарруха. В беседе он расспрашивал посла о внутренней и внешней политике Бухарского ханства, интересовался причинами отсутствия сношений между Россией и Бухарой и особенно тем, много ли в Бухаре ценных камней и золота: «Руду серебрянную и селитру в государстве их добывают, и какими способами, и много ль из пуда руды серебра выходит»⁴⁸. В 1675 году в Бухару, Хиву и Ургенч было направлено посольство В. А. Даудова. Особый интерес русское правительство проявляло к шелку-сырцу. Русские послы должны были предложить выгодные для среднеазиатских купцов условия продажи шелка-сырца исключительно русским людям.

В 70-х годах XVII в. влияние и авторитет А. С. Матвеева в государственных делах были безграничны. К нему сходились все нити управления Россией. Все распоряжения царского правительства выходили со следующей формулировкой: «По указу Великого государя и по приказу боярина Артемона Сергеевича Матвеева»⁴⁹.

Пытаясь определить возможные перспективы развития России, А. С. Матвеев обращается к ее истории. Он участвует в работе над изложением официальной истории Российского государства. В ЦГАДА хранится «Титулярник, или Корень великих государей российских...», составленный под непосредственным руководством А. С. Матвеева в 1672 году.

Начало российской монархии авторы относят к «Августу Кесарю, обладавшему всею вселенной», а затем переходят к описанию правления русских князей и царей начиная с Рюрика. Кроме дипломатических документов и сведений о монархах и церковных деятелях в книге есть портреты всех русских правителей — от Рюрика до Алексея Михайловича. «Титулярник» был одним из первых сборников, рассказывавших о дипломатических сношениях России с различными государствами. Наиболее подробно описывались царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Составители использовали богатый документальный материал Посольского приказа и воспроизвели содержание грамот иностранных монархов к русским царям за первую половину XVII века. Особенно выделены связи России с папской курией, Францией, приведены примеры сношений русского правительства с королями Испании, Англии, Дании, Речи Посполитой, Швеции, Италии, Голландии. Далее перечислены монархи отдельных земель и княжеств, имевшие дипломатические связи с царями. Наиболее ярко написаны главы, посвященные отношениям с восточными и южными странами — Индией, Бухарой и др. Наибольшее внимание авторы уделяют описанию правления крымских ханов и их жестоких набегов на русские и украинские города.

Другая книга, в составлении которой принимал участие Матвеев, называлась «Книга о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия (далее титул. — *Авт.*) Михаила Федоровича всея великой России самодержца». Автор повествует о законном, по «воле божьей», избрании на царство Михаила Федоровича, показывает его преемственность со старой династией по линии жены Ивана IV Анастасии Романовны и, представляя себя верным слугой Романовых, не скрывает враждебного отношения к Борису Годунову. Составление этой книги, как видно из его челобитных к царю, Матвеев считал своей особой заслугой перед династией Романовых.

Можно предполагать, что по инициативе А. С. Матвеева были составлены книги «История о царях и великих князьях Земли Русской» и «Родословие великих князей и царей российских». Дело в том, что авторы этих книг Ф. Грибоедов и П. Долгово вместе с Н. Спафарием работали при Матвееве переводчиками в Посольском приказе.

Все указанные книги были созданы в период, когда от летописания, хронографов и исторических повестей совершался постепенный переход к монографическим произведениям, и почва для этого перехода была в определенной мере подготовлена А. С. Матвеевым.

По инициативе Матвеева и под его руководством в Посольском приказе переводилась религиозная и нравоучительная литература: «Книга о сивиллах», «Хрисмологион» (т. е. книга о четырех монархиях, толкование пророка Даниила), «Василиологион» (книга о царях), «Арифмология», «Книга иероглифийская», «Книга о девяти музах и о семи свободных художествах». Все рукописи обильно украшались растительным орнаментом.

Активная деятельность А. С. Матвеева, его блестящая карьера были прерваны непредвиденными обстоятельствами.

В 1676 году внезапно умер царь Алексей Михайлович. При дворе происходила борьба двух дворцовых группировок: одну из них, руководителем которой был Матвеев, составляли Нарышкины, родственники царя по второму браку; другую — Милославские, родственники первой жены царя, вместе с боярином Хитрово и другими, всеми силами стремившиеся удалить конкурирующую партию Нарышкиных. Авторитет Матвеева, столь возросший в последнее время, пошатнулся.

Консерваторы из группы Милославских ненавидели Матвеева за его ум, способности, приверженность западным традициям. Но если ранее борьба против него носила скрытый характер, то смерть царя Алексея Михайловича положила начало открытому выступлению против Матвеева. Вначале Милославские, оказывавшие большое влияние на воспитание Федора Алексеевича, отстранили Матвеева от наблюдения за аптекой, представив дело таким образом, что столь подозрительный и опасный человек, как Матвеев, не должен иметь непосредственное отношение к здоровью государя. По сути, это было замаскированным отдалением Матвеева от царя Федора. Его опекуном был назначен родовитый боярин князь Ю. А. Долгорукий.

В борьбе против Матвеева бояре использовали окольного Василия Волынского, который всячески чернил и поносил Матвеева перед царем. Тогда же датский резидент Магнус Гэ (Монс Гей) сфабриковал донос на Матвеева.

Во время пребывания в Москве Гэ вел себя крайне вызывающе и непристойно. Матвеев писал в челобитной царю: «Он пьяница был, везде ругался, от всех друзей его возили через лошадь и через седло перекиня, пьяного, в карете, положила вверх ногами пьяного», «Петру Марселису пьян разрезал рюмкою горло, чаять от того и скончался». В письмах датскому королю Гэ часто оскорблял Матвеева, но в Москве не осмеливался открыто выступать против своего недруга. После того как датский король, зная сомнительное положение Гэ при московском дворе, его необъективные оценки событий, в конце концов отозвал его, Гэ решил свести счеты с боярином.

По пути из России, следуя через Ярославль, датский резидент оставил ярославскому воеводе Нащокину донос на Матвеева, обвиняя его в оскорблении царского величества и должностных злоупотреблениях. Кроме того, Гэ прислал царю жалобу о том, что начальник Посольского приказа якобы не доплатил ему 500 рублей за рейнское вино, которое он поставлял ко двору. Долг заплатили, однако обвинения Гэ послужили поводом для отстранения Матвеева от дел. Совершенно неожиданно, когда Матвеев, как обычно, приехал по делам во дворец, боярин Р. М. Стрешнев объявил ему царский указ о том, что быть теперь ему, Матвееву, на службе воеводою в далеком городе Верхотурье. Начальником Посольского приказа назначался думный дьяк Ларион Иванов. Провожали опального все же с почестью и уважением. Он выехал вместе с сыном, взяв часть имущества, деньги, посольские письма, грамоты царя Алексея Михайловича, книги, лечебники и т. д. Это произошло в июле 1676 года.

Однако бояре вскоре сочли ссылку Матвеева воеводой в Верхотурье недостаточно строгой мерой. В ноябре на него поступил донос от лекаря Давыда Берлова. Получивший

поддержку со стороны бояр, Берлов указывал, что когда лечил он одного из слуг Матвеева, Захара, то тот ему сказывал, будто болен от побоев своего хозяина. Также, по словам Захара, однажды он видел, как Матвеев читал «черную книгу» и что было в это время при нем множество «нечистых духов»⁵¹.

Бояре потратили немало сил на розыск «свидетелей» колдовства Матвеева. Привлеченных по его делу отдавали в пыточные камеры, где заставляли давать нужные показания. Однако Матвеев очень умело отводил обвинения.

Обвинение в колдовстве было в те времена делом достаточно серьезным. У Матвеева производились обыски, искали его знаменитый лечебник, допрашивали его родственников, пытали слуг, делали все, чтобы обвинить его в распространении «черных книг». Артамон Сергеевич требовал очной ставки со всеми арестованными по его делу людьми. Он просил в свидетельстве своей верной службы взять показания у некоторых бояр и духовных лиц, среди которых были П. А. Долгоруков, А. Н. Трубецкой, П. И. Прозоровский, Г. Г. Ромодановский, архиепископ Симеон Тверской, протопоп Успенского собора Кондрат и др. Однако оправдание не входило в планы судей.

Вскоре Матвеев вместе с сыном был перевезен в Казань, где воеводой был боярин И. Б. Милославский, давний враг Матвеева. Охраняли опального пять приставов, словно он был важным политическим преступником. «И в Казани дан был на крепкие приставы и караул»⁵², — с горечью писал Матвеев царю. Через некоторое время в Казань для переписи имущества Матвеева был прислан дьяк Иван Горохов, ранее служивший при Матвееве в Посольском приказе и за тайную переписку с донскими казаками сосланный в ссылку. В течение почти месяца он переписывал имущество Матвеева, всячески издеваясь над ним: «И он, Иван, пересмотрел и переписал, и переписав взял без остатка»⁵³.

Наконец, Матвееву был объявлен боярский приговор: его лишали боярского чина, поместий, вотчин, дворов, людей и всего имущества. Матвеев написал несколько челобитных на имя царя и подал их И. Б. Милославскому. Однако челобитные приняты не были, сам он был отправлен в ссылку в отдаленный и голодный край — маленькое селенье Пустозерск, где жили рыбаки и ссыльные.

Здесь, в ссылке, некогда гордый, обладавший большой властью боярин не выдержал и, изнемогая под бременем долгих и бесполезных ожиданий, стал просить о пощаде. Он писал патриарху Иоакиму, несколько челобитных послал своим исконным врагам — Милославскому и Хитрово, где отвергал возведенные на него обвинения. Понимая, возможно, тщетность своих усилий, он все-таки пытался разжалобить своих недругов. Посылал он челобитные с описанием своих бедствий и на имя царя.

Тем временем при дворе произошли перемены. Влияние Милославских и Хитрово начинало ослабевать, появилась новая влиятельная группировка во главе с боярином Языковым, который был в милости у царя Федора. Будущим царем России Языков видел Ивана или Петра. Но Иван в силу своей болезненности не мог стать правителем государства. Следовательно, оставался Петр, и поэтому Языкову нужно было сблизиться с Нарышкиными или Матвеевым. Под влиянием Нарышкиных царь Федор решил вернуть Матвеева из ссылки. В 1680 году он был перевезен из Пустозерска в местечко Мезень и освобожден из-под стражи. Но лишь в 1682 году был получен царский указ об освобождении А. С. Матвеева и возвращении ему подмосковных и других вотчин. В царском указе говорилось, чтобы Матвеева «из-под пристава освободить, и московский их двор, и подмосковные и другие вотчины, и пожитки, оставшиеся за раздачею и продажею им по прежнему возвратить»⁵⁴. До нового указа Матвеев должен был жить в Костромской губернии. Приехав в местечко Лух, он получил известие о смерти царя Федора.

Царь не имел наследников, а его слабый здоровьем и, подслеповатый брат Иван не мог управлять государством. Сразу же после смерти Федора в Кремле собрались бояре, решая вопрос о кандидатуре нового царя. Выбор пал на 10-летнего Петра, а его мать Наталья Кирилловна была назначена правительницей. В мае 1682 года она отправила в Лух к Матвееву нарочного, прося его немедленно прибыть в Москву. Наталья Кирилловна

понимала необходимость пребывания в Москве умного и опытного Матвеева, сторонника Нарышкиных и, следовательно, Петра.

Узнав о предполагаемом приезде Матвеева, властолюбивая дочь Алексея Михайловича царевна Софья поняла, что ее планы занять престол могут не осуществиться. Сторонники Софьи стремились использовать недовольство стрельцов в своих интересах. Бояре Милославские и Хитрово лично беседовали со стрельцами, выслушивали их жалобы на притеснение полковников, обещали свое покровительство. Нарышкины все это прекрасно видели, но не принимали никаких решительных мер. Большие надежды они возлагали на приезд в Москву в начале мая А.С. Матвеева.

Он был принят царицей сразу же по возвращении. Былое величие боярина вновь стало возвращаться к нему. Еще в Троице-Сергиевой лавре ему было объявлено о возвращении боярства. В первый же день приезда в Москву Матвееву вернули все ранее отобранные у него поместья. Также решено было «служителей, которые во время той ссылки не были по отпускным распущены, и у бояр, и всякого чина у людей в домах служили, по прежнему ему ж боярину отдать»⁵⁵.

14 мая Матвеев был принят патриархом Иоакимом. В тот же день он встретился с боярином Ю. А. Долгоруким, с которым беседовал длительное время. Этими встречами Матвеев подготавливал почву для избрания царем Петра.

Сторонники Милославских — стольник П. А. Толстой, полковник И. Циклер и др. — еще до приезда Матвеева подстрекали стрельцов и бедноту требовать престолонаследия для царевича Ивана и назначения царевны Софьи правительницей до его совершеннолетия. Стрелецкие войска, основная сила мятежа, в отличие от других войск, пользовались определенными привилегиями. Они вели торговлю и промыслы и не были заняты строевой службой. Поэтому их все более раздражали усиливавшиеся злоупотребления со стороны начальства. Их жалобы царю не приводили к должным результатам. Смерть царя Федора и борьба дворцовых партий за престолонаследие служили удобным поводом к распространению волнений среди стрельцов, которые к тому же почувствовали ослабление правительственной власти.

15 мая стрельцы с пушками двинулись в Кремль, где в это время находился и Матвеев. Среди стрельцов был распространен слух, что царь Иван убит. Они потребовали немедленной казни всех Нарышкиных. Вышедшему к толпе Матвееву в какой-то мере удалось успокоить народ, и возбуждение постепенно стало спадать. Но, после того как Матвеев возвратился во дворец, стрельцов вновь стали провоцировать сторонники Софьи, пугая их расправами в том случае, если они поддадутся уговорам. Группа стрельцов ворвалась во дворец. Матвеев и несколько бояр были схвачены, выведены на Красное крыльцо и сброшены на пики.

«Бросили его, яко агнеца неповинного, от столоты Благовещенской церкви на площадь, и приняв на копья, ужасным и страшным мученическим страданиям на мелкие части тело его боярское рассекли»⁵⁶.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛИЦЫН

Среди множества видных государственных деятелей и дипломатов XVII столетия не многие могли бы похвалиться тем, что добились расположения и восторженных отзывов представителей противоборствовавших на международной арене группировок, вызывали симпатию даже тех, чьи планы они разрушали. Деятельность князя Василия Васильевича Голицына стала образцом высокого дипломатического искусства, способствовала формированию той школы русских дипломатов, которая обеспечивала внешнеполитическую сторону преобразований Петра I. Но «несть пророка в своем отечестве». Советским историкам последних десятилетий потребовалось немало труда, чтобы очистить дела «канцлера предпетровской поры»¹ от нагромождений лжи и клеветы, воздвигнутых придворной камарильей, в борьбе с которой Голицын должен был

прокладывать свой путь развития России. Даже такой прогрессивный историк прошлого века, как В. О. Ключевский, высоко ценя мысль Голицына, называя его непосредственным «предшественником Петра» и «прямым продолжателем Ордина-Нащокина», считал князя идеалистом, уходившим в своих мечтах от действительности. Трудно дать более уничтожающую характеристику дипломату! Документы внешней политики и записки современников рисуют совершенно иную картину жизни и деятельности главы внешнеполитического ведомства России в период кануна и начала преобразований.

Князь Василий родился в 1643 году, когда страна возрождала свои силы после Великого разорения Грозного и Смутного времени начала века. Его семья занимала видное, хотя и не первое место в государстве. Голицыны вели свой род от великого князя литовского Гедиминаса через знаменитого московского боярина и воеводу Михаила Патрикеева (от Патрикеевых пошли также Хованские и другие знатные фамилии). В XVI веке предки князя были боевыми воеводами, а его тезка Василий Васильевич Голицын прославился в Смутное время. Будущий дипломат принадлежал к одному из 16 родов, члены которых в XVII веке имели право получать боярский чин, минуя предшествующий ему чин окольного. По выслуге лет ему почти наверняка было обеспечено место в высшем государственном совете — Боярской думе, и родители готовили мальчика к ответственной деятельности, равно военной, административной и дипломатической.

По традиции ребенок должен был овладеть грамотой — умением читать, писать и петь по «крюкам» (старинным русским нотам). Дальнейшее образование достигалось «книжечтением», но передовые люди старались определять своих детей в частные школы для обучения «свободным мудростям», а знать могла позволить себе пригласить домашнего учителя для преподавания также и иностранных языков. Занимаясь с преподавателями, князь Василий научился не только читать, но и свободно говорить на латинском, греческом, польском и немецком языках. Выбор этот был далеко не случаен.

Латынь открывала Голицыну доступ к современной научной литературе: это был язык общеевропейской культуры и, что не менее важно, международных отношений; греческий передавал в распоряжение князя богатейшее наследие античности, служил ключом к литературе Востока, к богословию, философии, астрономии, медицине; польский и немецкий были языками важнейших политических партнеров России на Западе — Речи Посполитой и «Священной Римской империи германской нации». В то же время польская книжность служила культурным мостом между Западной и Восточной Европой, а на немецком князь мог знакомиться с современными политическими, военными и техническими сочинениями.

Знания Голицына стали основой его дальнейшей политической деятельности. Они позволили ему рассматривать европейские отношения в целом, учитывать сложные переплетения интересов государств и отдельных группировок, отличать глубокие исторические тенденции в отношениях от сиюминутных альянсов, главные направления политики — от объявленных пропагандой целей. Внутренняя культура князя Василия помогала ему вести переговоры так, что представители разных народов видели в нем родственного по духу человека: с французами он был французом, с немцами — немцем, с послом Нидерландов — голландцем и т. д.

Столь глубокие знания не могли быть получены с наскока: в течение многолетней службы при дворе, начавшейся в 1658 году с чина стольника, князь упорно осваивал «книжную премудрость» и «европейскую конъюнктуру». Служба не слишком тяготила Василия Васильевича: он участвовал в церемониях при дворе Алексея Михайловича, сопровождал царя в поездках, прислуживал за государевым столом и выполнял другие незначительные поручения. Молодость и острый ум князя существенно препятствовали его придворной карьере. К этому добавлялись склонность к восприятию культурных традиций и мод разных стран, не одобряемая старыми боярами, и знатное происхождение, заставлявшее худородных правителей — Ордина-Нащокина и Матвеева — обходить князя ответственными поручениями, опасаясь его соперничества.

Василий Васильевич собирал библиотеку², равно интересуясь светской и духовной литературой, получая новые рукописные и печатные сочинения России и Украины, выписывая книги из-за границы. Судя по книгам Голицына, он интересовался самыми разнообразными предметами: это всемирная и русская история, генеалогия и геральдика, география, флора и фауна разных стран, организация их посольской службы. Князь внимательно изучал учебники и уставы по военному делу, книги по геометрии и медицине, был знаком с астрономией, математикой, разбирался в технологии оружейного производства. Уже тогда, в годы безмятежной службы при дворе, Василий Васильевич с интересом следил за событиями в Европе, читал и даже покупал сборники памфлетов, новостей, анекдотов и предсказаний.

На досуге князь читал романы и повести, новые книги Иоанникия Галятовского, Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, позже — Сильвестра Медведева и Дмитрия Ростовского. Книжные занятия не делали Василия Васильевича затворником. За недоступностью важных государственных дел он с удовольствием отдавался частной жизни, заботам о семье. В отличие от знаменитых людей последующего времени, Голицын не был замечен в скандальных похождениях. Он весьма удачно выбрал жену, которая родила ему сына и дочь, разделяла с князем радости и невзгоды, а потом пошла за мужем и сыном в ссылку.

Семейство Василия Васильевича жило вместе с его матерью в новом каменном дворце, возведенном и отделанном по последнему слову европейской моды (в 80-х годах XVII в. в связи с изменением архитектурного стиля здание пришлось перестраивать). Простенки больших окон высоких и светлых палат были украшены зеркалами. На обитых шпалерами стенах висели картины мастеров Оружейной палаты или привезенные из-за границы. Здесь были образы Владимира Мономаха и русских царей, прославленных в написанной Посольским приказом книге «Василиологион» — о подвигах наиболее знаменитых монархов. В золоченых рамах висели на стенах и географические карты. Помещения были украшены богатым собранием эстампов.

«Зрением и потребством вещей человек веселится!»³ — так считали русские люди в последней четверти XVII века. Не только красота линий, но и яркость, праздничность, «утеха для глаз» должны были сопутствовать удобству предметов обихода. Человек хотел ежеминутно ощущать свое место во времени и пространстве. «Боевые часы» — куранты в XVII столетии появились в самых захолустных городах. В хоромы Голицына стояло множество «боевых» и настольных часов в футлярах черепаховых, из китового уса, оклеенных красной кожей, отлитых из бронзы («немчин на коне, а в лошади часы»). По потолку главного зала вокруг золотого солнца были «беги небесные с планетами и с зодиями писаны живописью», «месяц в лучах посеребрен».

Бюро и рабочие шкатулки со множеством ящичков, чернильницы янтарные и приборы письменные серебряные располагали всех членов семьи к рукописанию (и действительно, матушка, жена и дети Василия Васильевича хорошо писали⁴). Дом украшался не напоказ: в таком сугубо интимном на Руси помещении, как спальня, стояли зеркала, кресла и каменные бюсты, «кровать немецкая ореховая, резь сквозная — личины человеческие, и птицы, и травы — на кровати верх ореховый же резной, в середине зеркало круглое», на стенах висели большие карты на полотне, термометр в резном корпусе (видимо, с барометром).

По традиции князь держал дом открытым. О хлебосольстве хозяев свидетельствовал главный зал с 46 окнами, освещаемый в вечернее время люстрой белой костяной («о пяти поясах, в поясе по осьми подсвечников») и канделябрами, со стульями кожаными позолоченными, креслами бархатными. В поставцах с драгоценной посудой продуманно сочетались западные, восточные и русские предметы. Тарелки черного серебра с восточным орнаментом (стилизиция отечественных мастеров) подавались на стол вместе с кубками, ножки которых были выполнены в виде человеческих фигур (Амура, Психеи и т.д.).

Сочетались разные культурные традиции и в развлечениях гостей. Это становилось нормой. Голицын (и не он один) приглашал для услаждения слуха московских и украинских певчих, культивировал у себя в доме «партесное» пение (по новым линейным нотам), установил в хороммах орган. Чтобы не попасть впросак, хозяин сам должен был разбираться в музыкальных тенденциях, поэтому, видимо, и приобретал для своей библиотеки музыкальные рукописи. В 1660—1670 годах стихотворные «орации», которые вскоре буквально заполнили столицу, только входили в моду, а театральные действия ставились пока лишь при царском дворе⁵. Однако Василий Васильевич проявлял к ним большой интерес и имел помимо стихов четыре рукописи о строении комедий. Игра в шахматы была более традиционным и степенным времяпрепровождением.

Для того чтобы понять значение культурного плюрализма в истории, в том числе истории дипломатии, надо учесть, что и во второй половине XVII века проблема истинных и ложных ценностей была предметом ожесточенной борьбы. «Ревнители благочестия» разных направлений стремились перерезать традиционные культурные связи страны, превратить Россию в большой погреб для сохранения своеобразных форм жизни. Как старообрядцы, так и церковные власти пропагандировали ненависть к иноверцам, строго осуждали новшества в искусстве, архитектуре, в быту и даже в технике, преследовали иноземных специалистов и ломали отечественные музыкальные инструменты.

В условиях кризиса религиозного мировоззрения и обострения социальных противоречий «бунташного века» воспитание ненависти к иностранному (при одновременном низкопоклонстве перед иноземными «учителями»), попытка кодификации норм жизни ясно отражали стремление консервативных кругов остановить развитие общества, завинтить гайки духовной диктатуры. Удар наносился по русской передовой культуре, составлявшей неотъемлемую часть общеевропейской культуры и развивавшейся в ее рамках с древнейших времен.

Наступление реакции, выступавшей на словах против иноверного влияния, порождало и иную тенденцию — отвержение всего отечественного, — развернувшуюся в полную силу во время петровских преобразований. Как известно, широкое использование внешних атрибутов западноевропейской культуры сыграло свою роль в резком размежевании господствующего и эксплуатируемых классов России в XVIII веке. Но уже в конце XVII столетия эта опасность была отмечена передовыми мыслителями. Так, Сильвестр Медведев, настойчиво и мужественно отстаивавший права разума и ратовавший за развитие национальной науки, воспитание национальных кадров, гневно обличал «мудроборцев», препятствовавших культурным контактам с другими странами и призывавших уничтожить в России «малую искру западного зломысленного мудрования». Но он же требовал разумного подхода к использованию чужого опыта, предлагал заимствовать лучшие зарубежные достижения, а не обезьянничать и тем более не подменять своих специалистов иноземными: «не для того.., чтобы у иноземцев чести унимати или чтобы их ненавидети», а чтобы развивать свою культуру и избежать разорения, неизбежно ждущего страну, которая отвергает свое и заимствует все чужое⁶.

Значение культурного прогресса для развития внешних сношений России во второй половине XVII века хорошо прослеживается по отчетам иностранных посольств. В них резко сокращается этнографический элемент и все более проявляется понимание истинного значения и целей Российского государства на международной арене. Легенда о «русском медведе», о непредсказуемой варварской стране сохраняется в основном в политических памфлетах и таких трактатах, как сочинение беглого подьячего Григория Котошихина.

Важная роль в этих переменах принадлежала деятелям Посольского приказа, особенно с приходом в него князя Голицына. Понимание и уважение культурных достижений и традиций разных стран оборачивались взаимопониманием и взаимоуважением, содействовавшими тому, что дипломатические связи с Россией

становились все более важным элементом долгосрочного политического планирования в Европе. Нарушение этого баланса в послепетровское время, появление в русском дипломатическом корпусе англо-, германо-, франко- и прочих «филов» нанесло не изученный еще до конца урон авторитету Российского государства, привело к заметным перекосам в его международных отношениях.

За годы, когда знания и таланты Голицына оставались втуне, когда он не играл сколько-нибудь серьезной роли в государственной политике, он пришел к выводу о необходимости преобразования системы власти и к пониманию сложности предстоявшей молодому князю борьбы при дворе за осуществление своих идей. Переписка Голицына свидетельствует, сколь тщательно он вынужден был всю свою активную деятельность увязывать с балансом сил в Думе, какой огромной работы требовало проведение через «верхи» даже незначительных новых решений⁷. Только единодержавие Петра позволило в последние годы XVII — первой четверти XVIII века ломать преграды, между которыми умело лавировал и которыми был в конце концов задавлен князь Василий.

Уже первое заметное дело Голицына было связано с острыми внешнеполитическими проблемами. В конце 1675 года он был послан с войсками на Украину «для бережения городов» от османско-крымского нашествия. Отъехать князь не успел: кончина Алексея Михайловича и воцарение Федора Алексеевича, последовавшее за этим крушение правительства Артамона Сергеевича Матвеева кардинально изменили обстановку при дворе. Весной 1676 года в Путивль выехал уже *боярин* Голицын, облеченный особым доверием правительства. Именно от него командующий русско-украинскими войсками знаменитый полководец князь Григорий Григорьевич Ромодановский должен был получать указания Москвы и через него вести переписку с правительством. По замыслу царя Федора, Василий Васильевич должен был распутать сложнейший узел противоречий, завязавшийся на Правобережье.

Еще в 1672 году верная своему союзническому обязательству Россия вступила в войну с Османской Портой и Крымским ханством, посягнувшими на земли Речи Посполитой⁸. Военное поражение и выход из войны Польско-Литовского государства (осенью того же года) оставили Россию один на один с сильными неприятелями. Правобережная Украина была брошена королем и магнатами на милость «агарян» и их вассала — гетмана П. Д. Дорошенко. Русские посольства, экстренно посланные для создания международного союза против османской агрессии в Европе в Австрию, Англию, Францию, Испанию, Швецию, Данию и Голландию, как и прежде, не имели успеха. Лишь Речь Посполитая вновь вступила в войну, хотя и не вела активных действий на Украине.

Все это вынудило Россию взять на себя защиту украинского народа на Правобережье, остановить угрожавшее всей Украине наступление османских и крымских полчищ. В 1673—1676 годах русско-украинские войска вели тяжелые бои с армиями визирей и самого султана, «воровскими казаками» Дорошенко и крымской ордой⁹. Смелые рейды запорожского атамана Ивана Серко, походы на Азов корпуса «страшного Крыму промышленника и счастливого победителя» Григория Ивановича Косагова и даже налет на турецкие и крымские берега русской военно-морской флотилии (специально построенной на верфи под Воронежем в 1674 г.¹⁰) не смогли отвлечь внимание неприятеля от Украины. Порта готовилась к решительному удару.

Русская дипломатия, поставленная в сложное положение войной европейских коалиций Франции, Англии и Швеции против Империи, Испании, Голландии и Пруссии (1672—1679 гг.), сумела все же добиться обязательства Империи выступить против Порты в обмен на русскую помощь против Швеции. Дипломатическим давлением и сосредоточением войск у ливонской границы Россия сдержала шведов, но до вступления Империи в антиосманскую коалицию было еще далеко. Между тем успехи русских войск, продвигавшихся на Правобережье, нанеших удар по Перекопу и установивших пушки против Азова, обеспокоили Речь Посполитую, рассчитывавшую на истощение своего

союзника в войне. Король Ян Собеский начал тайные сепаратные переговоры с Портой и ханством. Посольский приказ своевременно получал донесения об этих переговорах.

Летом 1676 года под угрозой ожидаемого генерального наступления османских полчищ требовалось незамедлительно стабилизировать политическую ситуацию на Украине, где большинство населения уже отшатнулось от Дорошенко, но борьба различных группировок «неукротимо продолжалась». Ловко используя эти противоречия, турецкий гетман продолжал удерживать Чигирин — важнейший политический и стратегический центр Правобережья, который, по замыслу Порты, должен был стать плацдармом для наступления на Киев. С приездом Голицына противоречия в украинской старшине были незамедлительно и к общему удовлетворению разрешены; последние казацкие группировки, поддерживавшие Дорошенко, перешли на сторону левобережного гетмана Ивана Самойловича; наконец, корпус Г. И. Косагова и бунчужного Леонтия Полубутка без боя занял Чигирин и принял капитуляцию Дорошенко. Стремительность действий Голицына имела для историков печальный результат. Она почти не оставила следа в канцелярской документации. Но правительство знало больше нас и, надо думать, недаром вручило именно Голицыну драгоценную булаву Дорошенко в качестве памятной награды.

События, последовавшие за решительным и бескровным успехом русской политики на Украине, показали, насколько миссия Голицына была своевременной. Василий Васильевич еще не успел получить награду, а Ян Собеский в октябре 1676 года уже заключил с Портой позорный Журавинский мир, не только предав своего союзника и «уступив» Турции Подолие, но и поклявшись оказать османам и Крыму военную помощь против России. Только приближение зимы и необходимость менять планы похода из-за потери Чигирин удержали османско-крымские орды от вторжения. Оно началось летом следующего, 1677 года, когда русско-украинские войска уже успели консолидировать свои силы и укрепить Чигирин¹¹.

В боях за Чигирин корпус Голицына участвовал в составе армии под командованием князя Г. Г. Ромодановского. Осадившая крепость армия Ибрагим-паши почти вдвое превосходила российские войска по численности, но уступала в качестве и количестве артиллерии (более чем втрое), регулярных полков нового строя, которые составляли около двух третей армии Ромодановского. Для дипломата, желавшего изучить армию как политический инструмент, трудно было найти лучшую школу, чем у князя Григория.

Прежде всего Ромодановский убедился, что Ибрагим-паша крепко завяз под Чигирином: по выражению гетмана Самойловича, эта крепость у осман «костью в горле стала». Стремительным маршем выйдя к Днепру у Бужина, командующий артиллерийским огнем смел с противоположной береговой полосы крымскую орду и янычарский заслон и в ночь с 26 на 27 августа переправил через реку солдатские полки генерал-майора Аггея Алексеевича Шепелева и полковника Самуила Вестова, казацкие полки полтавского полковника Левенца и нежинского Барсука. Противник опомнился лишь на следующий вечер, но переправившиеся войска под командой А. А. Шепелева и Матвея Осиповича Кравкова в жестоком встречном бою опрокинули янычар и удержали плацдарм, на который переправился 15-тысячный корпус Косагова.

Решающее сражение развернулось 28 августа, когда Ибрагим-паша бросил в бой свои основные силы. В этот день Голицын смог на практике убедиться, какое преимущество дает регулярная армия перед самым лучшим ополчением. Неприятель, наступавший на порядки стрелецких и солдатских полков Московского гарнизона, почти не имевших опыта крупных боевых действий, потерпел страшное поражение. На поле боя остались сыновья паши, сын крымского хана, много высших османских офицеров и крымских мурз. Русская пехота преследовала противника пять верст, драгуны Косагова гнали хана и пашу далеко за Чигирином. При разгроме более чем 100-тысячной армии

Ибрагим-паши, только у переправы оставившей почти 20 тыс. трупов, потери Ромодановского составили менее 3 тысяч.

Для характеристики Голицына особенно важно отметить, что участие в столь замечательной виктории не вскружило ему голову. Ни в этот момент, ни позже, самолично возглавив армию, князь не считал решительное сражение основным способом достижения победы. Опыт истории, особенно истории XVII столетия, говорил ему, что времена завоевания царств в одной битве безвозвратно ушли. Василий Васильевич склонен был учитывать такие прозаические соображения, как география театра военных действий, расположение жизненных центров неприятеля, его финансовые и мобилизационные способности, дух населения (вспомним возрождение сил разгромленной, казалось бы, Речи Посполитой), а также собственные силы и средства.

Между прочим, именно бескормица вынудила отважного Ромодановского retirроваться из Чигирина, не закончив даже восстановления крепости, в сторону, противоположную той, в какую бежал Ибрагим-паша. Продолжение войны и действия князя Василия невозможно понять, не учитывая внешнеполитической ситуации в целом, которая характеризовалась тремя основными моментами: Порта после поражения не сложила оружия и решительно готовилась к реваншу — посланный в Константинополь с мирными предложениями гонец стольник А. Поросукон вернулся ни с чем, если не считать разведанных об османской армии; война коалиций в Европе продолжалась, и выступление Империи на стороне России откладывалось на неопределенный срок; Речь Посполитая обеспечивала левый фланг и тыл неприятельских войск и угрожала России войной на два фронта.

Учитывая соотношение сил, решение о войне до победного конца было бы безумием. Князю Василию, вновь облеченному секретной миссией, было поручено выступить в поход на Украину товарищем (членом военного совета) Ромодановского. Дальнейшее развитие событий, оставшееся малопонятным даже современникам, определялось сочетанием военного и политического подходов двух московских представителей, а также, разумеется, замыслами их противника — знаменитого турецкого полководца великого визиря Кара-Мустафы, который вторгся летом 1678 года на Украину более чем со 100-тысячной армией, состоявшей на этот раз в основном из отборной османской пехоты и значительно более мощной артиллерии (117 стволов).

Гарнизон Чигирин под командой воеводы стольника Ивана Ивановича Ржевского и Патрика Гордона стойко выдержал ожесточенный натиск неприятеля. Корпус Косагова обеспечил подход подкреплений и не позволил неприятелю замкнуть кольцо осады. Однако Кара-Мустафа предусмотрительно захватил и укрепил переправы через Тясьмин, перекрыв русским войскам ближние подступы к Чигирину. Атака 20-тысячного османского корпуса, поддержанного крымчаками, на переправу русских через Днепр была лишь отвлекающим маневром. Потеснив передовой полк Ромодановского и попав под энергичный огонь орудий полковника Семена Грибоедова, противник отступил на укрепленный рубеж, за который начались многодневные бои.

После смелой переправы через Днепр последовала малопонятная нам остановка Ромодановского на 15 суток (с 15 по 31 июля!). Это время Кара-Мустафа в полной мере использовал для осадных работ. Между прочим, Ромодановский получил указ правительства уничтожить Чигирин, если его нельзя будет защитить, а также совет дожидаться подмоги в виде... 4-тысячного отряда князя Каспулата Муцаловича Черкасского. После его подхода командующий, ударив по слабо охраняемому перевозу (а не броду) через Тясьмин, быстро переправил часть войск. Но Кара-Мустафа сумел удержать окрестные высоты: его отборная пехота с невероятной быстротой «врылась» в землю и ошетилилась артиллерией.

Сражение у Чигиринских гор стало решающим столкновением русской и турецкой армий, после которого Порта долго не дерзала вновь испробовать силы. Три дня солдатские и стрелецкие полки, не имевшие по условиям местности достаточной

артиллерийской поддержки, атаковали окопавшегося на высотах противника, пробивая себе дорогу плотным мушкетным огнем. Тактическое искусство Кара-Мустафы оказалось бессильным перед дисциплиной и мужеством русских воинов. Командиры полков сами вели стрелцов и солдат в атаку. На третий день полк генерала Шепелева вслед за своим командиром ворвался на главную позицию Кара-Мустафы.

Отважный командир перерубил древко бунчука (знамени) великого визиря и был ранен на самом гребне горы. Отрезанный фланговым ударом янычар, полк Шепелева выстроил каре на вершине и два часа отбивал яростные атаки осман. Оборона неприятеля была дезорганизована. К вечеру русские полки одержали решительную победу, отбросив остатки отборной османской пехоты за Тясьмин и захватив свыше 30 пушек. В тот же день, 3 августа, в Чигирине был сражен ядром выдающийся командир И. И. Ржевский. И вновь Ромодановский не нанес решающего удара, а ограничился сменой гарнизона в Чигирине. Более того, русская армия «присутствовала» при генеральном штурме Чигирина 11—12 августа. После кровопролитных уличных боев Ромодановский отдал приказ покинуть город и взорвать замок. Героические защитники крепости во главе с Гордоном с боем вышли на соединение с главной армией, безучастно наблюдавшей сражение. «Чигирин, — записал Гордон в дневнике, — ...оставлен, но не покорен»¹².

Поведение командующего, который еще в ранней молодости, когда впласть атаковал сильнейшую армию и одержал победу в сече при Слони-городке, прославился своей отвагой, вызвало всеобщее недоумение и возмущение. Оно еще более усилилось, когда, приняв в свои ряды людей Гордона, Ромодановский приказал отступать к Днепру. Правда, что, после того как Кара-Мустафа бросился в погоню и вывел армию на открытое пространство, русские перешли в контрнаступление и заставили осман спешно ретироваться, но затем вновь продолжили отход. Правда и то, что визирь, в свою очередь, не считал возможным удерживать Чигирин и вскоре отступил, довершив разрушение крепости. Но солдаты и стрелцы не простили Ромодановскому его «измену и нерадение, что он... город Чигирин турским и крымским людям... отдал, забыв страх божий и крестное целование... и с турскими... людьми ссылался»¹³. Князь был убит во время Московского восстания 1682 года.

Исследование всех обстоятельств заставляет предположить, что бесчестье и смерть Ромодановского лежат на совести правительства и его уполномоченного в армии — князя Голицына, которые использовали Ромодановского в сложной политической игре.

В Чигиринских походах проявилась важнейшая установка В. В. Голицына: война есть инструмент политики, подчиняется политике, а не определяет ее. То, что, с точки зрения военного, является бесчестным, для политика может быть единственно верным шагом. Эта позиция подкреплялась и общей несклонностью князя Василия к экстремизму как во внешних, так и во внутренних делах.

Странные действия командования привели ко вполне определенному политическому результату: Порты убедилась в превосходстве регулярной русской армии, в самых невыгодных условиях побеждавшей лучшие османские войска; Порте был дан шанс с честью выйти из войны, заключив мир на компромиссных условиях, когда русские отказались от Чигирина, а османы — от наступления на Киев и Левобережье. Россия не видела возможности продолжать войну под угрозой нападения изменившего ей союзника. Сановники Порты, поразмыслив и подсчитав потери в боях (от 30 до 60 тыс. лучших воинов), молчаливо согласились с этим. В 1679—1680 годах военные действия практически не велись.

Точка зрения Голицына на основы государственной политики не была совершенно новой на Руси. Недаром он разыскал и взял с собой в поход единственный в России экземпляр собрания сочинений русского полководца и публициста Андрея Михайловича Курбского, бросившего в XVI веке гневное обличение в лицо тирану. Именно из библиотеки Голицына распространились по стране списки «Истории о великом князе Московском» и посланий Курбского Грозному, предупреждавшие о бесчеловечности ти-

рании, о гибельности политики террора в собственном государстве, о трагедии страны, где сила заменяет правосудие. Не случайно, вернувшись из похода, Василий Васильевич возглавил Владимирский судный приказ и принял активное участие во внутренних преобразованиях. Правый суд, справедливое налогообложение и полностью регулярная армия — вот основные направления деятельности Голицына, поддерживаемой и одобряемой царем Федором, при котором сравнительно молодой и не самый знатный политический деятель занимает первое место в боярском списке (важнейшем документе Государева двора).

Сведения о реформаторских замыслах Василия Васильевича, изложенные в книге, изданной под именем французского эmissара де ла Невилля¹⁴, были весьма вольно интерпретированы историками, приписавшими князю намерение... освободить крестьян от крепостной зависимости!

В действительности в приведенной там беседе с князем речь шла о том, что мобилизованные в армию необученные даточные люди представляют собой бесполезную в военном отношении массу, как и полки дворянского ополчения. По мысли Голицына, было бы значительно лучше, если бы крестьяне продолжали мирно обрабатывать землю, внося умеренную подать и укрепляя государственную казну, на которую можно содержать профессиональную армию. Дворяне же, вместо того чтобы прозябать в своих поместьях и являться на службу совершенно неспособными к войне, должны постоянно нести воинскую повинность в регулярных частях, получая дополнительное денежное жалованье. «Намерением Голицына, — заключает автор, — было поставить Московию на одну ступень с другими государствами. Он собрал точные сведения о состоянии европейских государств и их управлении».

Эти планы не остались, вопреки мнению Ключевского, в мечтах князя, но последовательно проводились им и другими государственными деятелями в жизнь. Первым шагом реформ стало валовое описание всех земель Российского государства, и не только земель, но и дворов (так как многие крестьяне и горожане, не владевшие землей и другими угодьями, не охватывались и тяглом по сошному письму — налоговому обложению, основанному на определенном количестве и качестве обрабатываемой земли). Эта огромная работа была выполнена в кратчайший срок — за 1678—1679 годы. Переписные книги давали возможность привести раскладку налогов в соответствие с количеством тяглого населения.

Следующим шагом стала налоговая реформа. Указом от 5 сентября 1679 г. вместо множества разнообразных поборов вводился единый налог — стрелецкие деньги, — который отныне должен был собираться не по сошному (поземельному) окладу, а с количества дворов. Целью реформы указ объявлял облегчение положения налогоплательщиков. В результате оклад в целом был понижен, а старые недоимки правительство простило должникам.

За налоговой последовала военно-окружная реформа. С середины XVII века на наиболее опасных границах появилась сеть военных округов (разрядов), управлявшихся единым воеводой с товарищами. Под командой воеводы находилось несколько полков постоянной службы — рейтарских, драгунских, солдатских и стрелецких, которые все более заменяли собой полки дворянского ополчения. Уже в 60-х годах XVII в. русское правительство стремилось сократить это малополезное ополчение, записывая дворян в рейтары и солдаты.

Реформа 1680 года стала важным шагом к новой организации дворянской службы и соответственно к избавлению от даточного войска. К пограничным разрядам были добавлены Московский, Владимирский, Тамбовский и Рязанский, военные силы которых должны были не собираться в сотни и полки дворянского ополчения, а служить для комплектования регулярных войск пограничных округов. Отныне и в центральных районах страны дворяне должны были служить самолично, а их даточные люди направлялись на постоянную службу в другие регулярные части. Результатом

целенаправленной политики правительства стало сокращение дворянского ополчения в 1651 — 1680 годах с 37,5 приблизительно до 16 тысяч. В то же время число рейтар возросло с 1,5 до 30,5 тысяч. Военно-окружная и налоговая реформы позволили без казенного дефицита содержать около 55 тыс. стрельцов и 61 тыс. солдат (не считая драгун, гусар, пушкарей и солдат гарнизонной службы). На новый строй было переведено уже $\frac{4}{5}$ русской армии, причем «регулярство» охватило и часть казацких полков.

Продолжение реформ зависело от внутренних противоречий в стране, о которых мы еще скажем, и от международной обстановки.

В том же, 1680 году Голицыну пришлось выехать на Украину и возглавить сосредоточенную там русско-казацкую армию. Опять, как и в прежних походах, Василий Васильевич подчинялся непосредственно Боярской думе, координируя свои действия с центральным военным ведомством — Разрядным приказом — и с Малороссийским приказом, находившимся в ведении посольских дьяков.

Миссия князя была связана с новой попыткой вывести Россию из кризисной внешнеполитической ситуации, когда страна оказалась один на один с могущественным противником и под угрозой вторжения своего бывшего союзника

Маневры Голицына должны были быть достаточно внушительными, чтобы не вызвать у татарских орд и польских магнатов желания померяться с ним силами, и в то же время не выглядеть угрожающими. Пуще всего Василию Васильевичу необходимо было позаботиться о предотвращении пограничных набегов с обеих сторон, для чего ему; следовало держать в своих руках связи с Запорожьем и ордынскими мурзами, положительно воздействовать на шляхетство, умело использовать агентуру в ближайших областях османского владычества (Молдавии, Валахии и др.).

Необходимость в этом диктовалась негативным результатом русского посольства 1679 года в Речь Посполитую и Империю. У связанной войной России была весьма слабая дипломатическая позиция, и она вынуждена была апеллировать преимущественно к христианской совести партнеров, призывая их соединить усилия для предотвращения османской агрессии в Европе. В ответ король и магнаты нагло потребовали от России «возвращения» Речи Посполитой Смоленщины и Украины, а имперский канцлер попросту отказался от прежней договоренности о союзе, указав, что борьба с Портой является делом России и Речи Посполитой (Империя готовилась в это время к реваншу на Рейне).

Тут-то и сказались результаты дальновидной деятельности Голицына и его товарищей на Украине. Несмотря на то что Порта и Крымское ханство имели выгодные внешнеполитические условия для продолжения войны с Россией, переговоры, начатые в Крыму полномочными послами В. И. Тяпкиным и Н. М. Зотовым осенью 1680 года, прошли успешно. Бахчисарайский мирный договор от 13 января 1681 г. кодифицировал компромисс, смоделированный в боях за Чигирин. На время 20-летнего перемирия между Днепром и Бугом и в нижнем течении Днепра образовывалась буферная зона, не подлежащая постоянному заселению и укреплению и равно доступная для татарских и казацких промыслов. Последствия этого договора скоро почувствовали на себе недальновидные дипломатические партнеры России.

Выполнив свою миссию, Голицын вернулся в столицу, где осенью 1681 года продолжил преобразовательную деятельность. Завершению военной реформы мешало сохранение старой организации службы сравнительно небольшой по численности, но влиятельнейшей корпорации — Государева двора. Приступить к этой твердыне было чрезвычайно сложно, и Голицын сделал это со свойственной ему основательностью. 24 ноября 1681 г. царским указом боярину князю В. В. Голицыну «с товарищи» было поручено «ведать ратные дела для лучшаго своих государевых ратей устроения и управления»¹⁵.

В комиссию Голицына вошли знатоки военного дела разных рангов. «У того дела, — гласил указ, — быти выборным: и стольникам и генералам, и стольникам же и полковникам рейтарским и пехотным, и стряпчим, и дворянам, и жильцам, и городовым

дворянам же, и детям боярским». От имени царя им было сказано, что в прошедших войнах неприятели показали различные организационные и тактические новшества, которые требуют тщательного изучения для совершенствования русского военного устройства. Исходя из своего военного опыта членам комиссии предлагалось «прежде бывшее военное устройство, которое показалось в боях не прибыльно, переменить на лучшее; в которые и прежнего устройства дела на боях с неприятели имеются пристойны, и тем быти без применения».

Вывод комиссии в пользу новой организации был неизбежен. В результате совещания члены комиссии предложили повсеместно заменить сотенную организацию дворянского ополчения более жесткой ротной организацией со стабильным числом рот в полках (по шесть рот). Тогда встал вопрос о соотношении новых чинов с иерархией Государева двора, и царь повелел комиссии обсудить вместе с боярами, кому давать новые должности в регулярной армии. Выборные так и сделали, бестрепетно расписав представителей знатнейших родов по новым чинам, а чтобы служба в полках нового строя не считалась зазорной, порешили, что и представители тех родов, где «ныне молодежи не ссыскано», также должны будут начинать службу в поручиках и ротмистрах.

Новой системе прямо противоречил старый обычай местничества: ведь в регулярном полку молодой представитель знатнейшего рода мог попасть под команду незнатного военачальника. По местническим правилам это означало «поруку чести» одного рода и возвышение другого, представители которого могли, ссылаясь на прецедент, впредь требовать более высокой должности. Неизбежность отмены местничества стала очевидной. В соборном постановлении 1682 года о его отмене говорилось, что местничество разрушительно в дипломатических и военных делах, что оно порождает противную христианскому духу вражду благородных родов. Постановление отмечало, что ограничение местничества было начато при царе Михаиле и продолжено при Алексее Романовых, «а совершенно то не успокоено от бывших тогда многих ратных дел», что и обернулось крупными военными и дипломатическими потерями.

Следует сказать, что отмена местничества, сопровождавшаяся торжественной церемонией публичного сожжения местнических дел, почти совершенно не заинтересовала современников. Это было побочное решение, не затрагивавшее коренных интересов знати, но позволявшее использовать более современную организацию военных и дипломатических учреждений, найти в чиновной структуре место незнатым талантливым людям, постоянно пробивавшимся наверх. Привилегии знати были ограждены другим мероприятием Голицына, получившим большой резонанс в сочинениях современников, — составлением родословных книг по категориям знатности, проводившимся в 80-х годах XVII в. Три первых ранга составляли знатнейшие роды государства, четвертый — московское дворянство меньшей и средней статей, пятый — лица, пожалованные в московские чины из нижних чинов по собственным заслугам. Важным положением, вошедшим в петровскую «Табель о рангах», стала независимость карьеры родственников: опала одного не означала «безчестья» другого. Это отвечало требованиям дворянства, выраженным в публицистике. Земский собор утвердил решение комиссии Голицына о новой организации дворянской службы.

Не меньшее значение имела комиссия князя Василия, созданная указом от 11 декабря 1681 г., «для земских дел». Она должна была завершить налоговую реформу более справедливым распределением служб и податей разных категорий городского и сельского податного населения: гостей, купцов гостиной и суконной сотен, посадских людей разных городов, крестьян дворцовых и черных сотен и слобод (т. е. без помещичьих и монастырских). Основой нового налогообложения стала связь размера налога с последующим применением этих денежных средств. Было подсчитано, что на жалованье войску уходит меньше денег, чем казна получает от населения, и общая сумма налога была соответственно понижена. Далее, раскладка налога была поставлена в

зависимость от среднего дохода населения: высшая — из 10 ставок подворного обложения — приходилась на крупнейшие торгово-промышленные центры, низшая — на слаборазвитые окраины. Задачей реформы было добиться обложения, не разорявшего непосредственного производителя — крестьянина, ремесленника и промышленника (а также связывавшего их купца), трудом которых, как считали передовые люди XVII века, государство «в цвет богатства и славы приходит». Новые оклады без изменений продержались до первой четверти XVIII века.

Реформационная деятельность Голицына отвечала требованиям времени, но ее конкретная реализация была обусловлена многими привходящими факторами. Василий Васильевич не занимал ведущих административных постов в сменявших друг друга правительствах И. М. Милославского и Языковых-Лихачевых-Апраксиных, зато имел деятельную поддержку царя Федора Алексеевича, которому принадлежат заслуги введения нового европейского служилого платья, утверждения «Привилегия» Московской славяно-греко-латинской академии, реформы епархий и т. п. Однако 27 апреля 1682 г. царь Федор скончался (по некоторым сведениям, он был отравлен)¹⁶. В жизни Голицына началась новая полоса.

Мощное народное восстание в Москве, вызванное попыткой бояр «всем государством завладеть» за спиной посаженного ими на трон 10-летнего Петра, который, по словам восставших, «млад сый и Российскаго царствия на управление не доволен»¹⁷, смело с политической сцены немало видных придворных деятелей, причастных к коррупции, неправому суду, запятнавших себя издевательством над народом и участием в заговоре против законного наследника престола — 16-летнего Ивана Алексеевича. Охваченная ужасом знать разбегалась из столицы, забиваясь «аки кроты» в свои дальние вотчины.

Московские стрельцы и солдаты, составлявшие наиболее боевитую и организованную силу восставших, выступая от имени народа, «тщасяся, — по словам Сильвестра Медведева, — ...государством управлять», «хотели правительство стяжати»¹⁸. Добившись от «верхов» значительных уступок в пользу всех категорий служилых людей по прибору (в отличие от дворянства, служившего по отечеству), стрельцы не только нарекли себя в пику дворянству «государевою надворною пехотою», но и направили избранных на общих собраниях представителей для контроля деятельности государственных учреждений и даже Боярской думы¹⁹. В этих условиях среди «верхов» выявились люди, которые сумели преодолеть свой страх и перед опасностью, угрожавшей существующей системе власти, объединили усилия в борьбе за сохранение незыблемости феодального государства.

В царской семье это была сестра Федора Алексея царевна Софья — ученица Симеона Полоцкого, прекрасный оратор, тонкий политик и чрезвычайно мужественный человек. От имени Петра и воцарившегося по требованию народа Ивана она осуществила серию мероприятий, направленных на «утишение» народного гнева, сумела использовать стрельцов для подавления выступления раскольников и спустя несколько месяцев «страхования» при дворе смогла вывезти царей из Москвы, лишив восставших возможности оформлять свои требования в царские указы. Но многочисленные ограничения, накладываемые традициями на публичную деятельность женщин (и царевен в особенности), не позволяли Софье непосредственно использовать в своих целях государственный аппарат.

В этом к ней на помощь пришла придворная группировка, лидером которой вскоре стал Голицын. Нужно заметить, что возвышение Василия Васильевича не было связано с царевной. Она стала вмешиваться в события весной 1682 года, но реально укрепилась у власти только к лету 1683 года, после окончания восстания. Легенда же о предосудительной близости между царевной и князем возникла много позже свержения Софьи и ссылки Голицына.

Сформировавшийся в мае 1682 года альянс между Голицыным, влиятельнейшими в Думе боярами князьями Одоевскими, группой молодых военных и приказных деятелей к 20 мая возглавил ряд важнейших приказов. В Малороссийский приказ, Посольский приказ и приданные ему четверти: Владимирскую, Галицкую, Новгородскую, Смоленскую, Устюжскую — пришли князь Василий и думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев. Иноземный и Рейтарский приказы, приказы Большой казны и Большого прихода, Большого дворца и Дворцовый судный, Аптекарский и Казанский возглавляли Одоевские. В Разряде волю альянса проводил думный дьяк Ф. Л. Шакловитый, в Казенном приказе — окольничий С. Ф. Толочанов, в Поместном — боярин князь И. Б. Троекуров и т. д.

Активная деятельность Голицына вела к быстрому укреплению его позиций. Осенью 1682 года он командовал всероссийским дворянским ополчением, собранным под Троице-Сергиевым монастырем для борьбы с Московским восстанием, а после «утишения» восстания хитроумными мерами царевны Софьи (как специалисту, князю было понятно, что выступить с ополчением против двух десятков лучших полков армии, укрепившихся в Москве, было невозможно) принял под свое начало Иноземный приказ (ведавший солдатскими полками и иноземцами), Рейтарский и Пушкарский приказы. Тогда же талантливый администратор Ф. Л. Шакловитый возглавил Стрелецкий приказ²⁰. Таким образом, все учреждения, ведавшие внешними сношениями и боеспособными частями российской армии, оказались под рукой Василия Васильевича.

Голицын принял на себя титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел обероветеля» в сложное для страны время. Дипломат Прокофий Петрович Возницын, направленный в Константинополь для ратификации Бахчисарайского договора, сообщал неутешительные вести: Порты признавала договор лишь в урезанном виде, не гарантируя нейтралитета нижнего течения Днепра. Разведка сообщала, что османы усиленно укрепляются по Днепру до Чигирина; набеги крымчаков усилились; на Левобережье были схвачены османские диверсанты. В том же, 1682 году Порты отказалась принять посольство К. О. Хлопова с товарищами; грамоты Порте, посланные через крымского хана, не получили ответа; требования, переданные в 1683 году через гонца Михаила Тарасова, не были удовлетворены.

Московская смута показала, чего стоили перемирия и с другими соседями. На шведской границе происходила значительная концентрация войск. В ответ на ноту Голицына шведское правительство сообщило... что хотело бы участвовать в борьбе с Портой на Украине (!). Не церемонился с Москвой и Ян Собеский. На стол Голицына лег «перенятой подлинной лист польскаго короля Яна Третяго к мазовецкому воеводе» от 22 августа 1682 г. о разведывании московских дел с целью установления возможности вторжения²¹. Как был «перенят» этот документ, «тайна велика есть». Несмотря на всеобщее смятение, военная разведка Разряда и агентура Посольского приказа работали бесперебойно.

С Украины были доставлены, прокламации иезуитов, изъятые из дегтярной фляги одного шпиона и подушки телеги другого. Польская республика, бросившая своего союзника, вступившего за нее в войну с Портой, обвиняла Россию в отказе от союза против осман (!), в обмане союзника, что привело к падению Каменца (!!), в «уступке» Украины туркам, против чего всегда боролась Речь Посполитая (!!!). Украинцев страшали, что русские войска ударят на Киев, что гетман Самойлович хочет искоренить казаков. Речь Посполитая, напротив, желает дать Украине свободу, не преследует православия и жаждет сражаться с бусурманами. Обычная для неприятельской пропаганды большая ложь сопровождалась вызывающими действиям на западных границах России.

Несколько позже Голицын и Украинцев смогли изучить еще более секретный документ — инструкцию Яна Собеского своему личному секретарю пану Станиславу Бентковскому от 28 июля 1682 г. при отправлении того с тайной миссией в Смоленск и Москву. Речь шла о сборе информации (в том числе, например, о том, насколько прочно положение Украинцева в Посольском приказе) и подготовке мятежа смоленской шляхты,

который должен был стать сигналом к войне, если Россия окажется достаточно ослабленной внутренними смутами. Разумеется, этот документ не был использован дипломатами, но служил важным предупреждением о тенденциях польской политики²².

Посольский приказ под руководством Голицына не был склонен непосредственно отвечать на каждое действие партнеров. Для ликвидации опасности со стороны Швеции было учтено состояние балтийской проблемы в целом. Как известно, на протяжении XVII столетия Россия неоднократно получала от западноевропейских государств предложения о создании коалиции для борьбы со шведской гегемонией на Балтике, однако воздерживалась от подобных союзов. Тому было несколько причин. Прежде всего, выгоды от прямого выхода на Балтийское море могли не окупить затрат, особенно при сохранении проливов под контролем неприятеля. Черное море (а в перспективе — Средиземное) могло принести значительно большую пользу, открыв путь русским товарам, а не сырью, как в торговле с Западом. Кроме того, России было жизненно важно удалить из своего тела последний осколок Золотой Орды, дать возможность мирного развития огромным южнорусским землям, освободить своих единоверцев на Кавказе и Балканах от османского ига и т. д. Наконец, не было никаких гарантий того, что после вовлечения России в кровопролитную войну со Швецией ее союзники не выйдут из игры, чтобы загребать жар чужими руками (как это и произошло впоследствии).

Сильнейшее желание западноевропейских дипломатов использовать москвитов в своих целях на Балтике было учтено, в свою очередь, Посольским приказом. Незначительная утечка информации в Москве, наполненной иноземными посланниками и резидентами (среди них отличались особенной расторопностью представители Нидерландов, Дании и Швеции), возымела успех. Уже осенью 1682 года в столице очутился хорошо подготовленный датский посол Гильдебранд фон Горн. В отличие от многих своих коллег, он уже бывал в России и серьезно относился к своей миссии: для облегчения контактов он даже в совершенстве овладел русским языком. Но неизбывное чувство превосходства, с которым он вознамерился обучить Посольский приказ «европейской конъюнктуре», сыграло с Горном скверную шутку.

Помимо официальной миссии — переговоров о торговле и посольском церемониале — датский посол, согласно инструкции своего правительства и правительства Франции, должен был обсудить план наступательной коалиции России, Франции, Дании и Бранденбурга против Швеции. Выжидая момент, Горн настолько затянул объявление своей главной цели, что даже многотерпеливый Голицын, имевший с послом неоднократные собеседования, едва не проговорился о том, что цель миссии ему известна. Это означало бы провал переговоров, поскольку Василий Васильевич не мог сказать, что антишведские планы совпадают с интересами русского правительства: это был бы прямой обман, несовместимый с отечественной дипломатической этикой.

В то же время у Горна были широкие возможности добывать сведения о намерениях России традиционным в международной практике XVII века путем — подкупом лиц, близких к правительственным кругам. Планам Горна как нельзя более соответствовали сведения, что посольство окольного И. А. Прончищева в Стокгольме и шведское посольство в Москве не могут увенчаться продлением Кардисского мира из-за многочисленных разногласий между государствами. Это была совершенная правда, но у датского посла должно было создаться — и создалось — впечатление, что Россия стремится любой ценой сохранить мир с Портой не на время переговоров в Европе (о них — ниже), а до разрешения противоречий со Швецией, в отношениях с которой она займет непримиримую позицию. Любопытно, что Горн получал сведения, соответствующие замыслу Посольского приказа, даже от такого внутривосточного противника Василия Васильевича, как его родич, сторонник Петра, Борис Алексеевич Голицын: очевидно, внутренние распри кончались там, где начинались интересы государства.

Тяжелые переговоры со Швецией, затянувшиеся до 1684 года, осложнились тем, что Россия желала продлить перемирие, оставив решение спорных территориальных

вопросов на будущее, а Швеция грозила войной, если сделанные ранее вынужденные и временные уступки России не будут навечно закреплены. Переговоры с Данией несколько облегчали положение русских дипломатов, но перелом наступил лишь после того, как Горн обнародовал широкомасштабные планы антишведского союза. Шведские эмиссары в Москве проявляли не меньшую, чем датчане, активность в сборе информации, и, естественно, им стали знакомы франко-датско-бранденбургские планы. Доброжелательные информаторы предупредили их и о том, что канцлер Голицын, по-видимому, прислушивается к предложениям Горна.

Вместо того чтобы утратить Россию, Швеция обеспокоилась сама. Не понадобились даже военные демонстрации с московской стороны. Кардисский мир был продлен на условиях Голицына, не наносивших урона Швеции, но и не признававших уступки России. Провал честолюбивых планов Горна, успешно обманувшего самого себя, не повлек за собой ухудшения русско-датских отношений. Василий Васильевич не склонен был предоставлять датским купцам привилегий в ущерб русской казне и торговле, но в ходе доверительных бесед с Горном выработал договор о русско-датском посольском церемониале, повышавшем международный престиж обоих государств. Договор 1684 года стал важным этапом развития дружественных отношений между Россией и Данией²³.

Голицын всегда стремился использовать сложный баланс интересов в Европе, не нанося при этом ущерба своим партнерам, и это было, пожалуй, наиболее интересной чертой его деятельности на посту главы Посольского приказа. Обоснование такого подхода можно найти в сочинениях близких к князю людей, таких, например, как Андрей Иванович Лызлов — первый русский ученый-историк²⁴, но для нас достаточно проследить, как он проявлялся в дипломатической работе Голицына.

Заставить Речь Посполитую отказаться от реванша за уступки, сделанные при заключении Андрусовского перемирия 1667 года, казалось на первый взгляд невозможным.

Все документы о намерениях Яна Собеского, известные Посольскому приказу, свидетельствовали о стремлении польского короля к войне с Россией. Даже прокламации, обещающие украинцам освобождение земель, занятых бусурманами, на деле означали пропаганду войны с москалями. Однако Голицын учитывал, что Франция, видя усиление австрийской партии в Речи Посполитой, предпочтет скорее направить силы последней на юг, чем допустить сближение польско-имперских позиций в германском вопросе. Это было то звено, потянув за которое можно было распутать всю цепь.

Между тем Империя, вышедшая из войны на Западе с довольно убыточным Нимвенгенским миром (1679 г.), жаждала реванша на Рейне и отказывалась от борьбы на Дунае до тех пор, пока не почувствовала на своей земле последствий некорректных отношений с Россией (кстати сказать, стремившейся удержать Францию от обострения обстановки на Рейне). Восстание Имре Тёкёли в последней четверти XVII века всколыхнуло Венгрию. В то время как Вена отказала Москве в обещанной помощи против Порты, молодой полководец нашел защиту от Габсбургов у Константинополя. Развязав руки на Украине, Порта перешла в решительное наступление в Центральной Европе.

В июле 1683 года 200-тысячная армия великого визиря Кара-Мустафы форсировала Рааб и устремилась к Вене. Император Леопольд бежал, имперская столица оказалась в кольце осады. Только высочайшее мужество защитников города и распорядительность его коменданта графа Штаремберга позволили в течение шести недель удерживать столицу Империи. Трагедия Австрии ни в коем случае не доставляла удовольствия князю Василию. Напротив, еще в начале 1683 года русский посол в Речи Посполитой И. И. Чаадаев использовал свое влияние для поддержки имперской партии магнатов, призывавших Речь Посполитую выступить на помощь Габсбургам.

Основная борьба по вопросу о внешнеполитическом курсе Речи Посполитой развернулась на весеннем сейме 1683 года. Опираясь на подробный отчет Чаадаева и дру-

гие сведения, Голицын дал ему точные инструкции. Сейм принял решение о союзе с Империей, и в этом не последнюю роль сыграло обещание России выступить против Порты после подписания «Вечного мира» с Речью Посполитой и заключения перемирия со Швецией. Сопrotивление Французской партии сейма, до того диктовавшей свою волю, удалось преодолеть, в частности, с помощью французских представителей в Варшаве (учитывая их заинтересованность в успехе переговоров о союзе с Россией на Балтике), так что у многих магнатов даже сложилось впечатление, что Франция поддерживает австро-польскую борьбу с Портой.

Объединение сил Империи и Речи Посполитой в буквальном смысле спасло Вену: 12 сентября 1683 г. союзное войско во главе с Яном Собеским подошло к истощенному осадой городу и смело ударило по неприятелю. Кара-Мустафа был разбит и, оставив свой богатый стан, отступил к Раабу. Преследуя неприятеля, конница Собеского нанесла ему новое поражение под Парканами. Османские завоеватели вынуждены были отступить из Австрии.

Победа под Веной возродила надежды на освобождение юга Европы от османской опасности. В 1684 году к союзу присоединилась Венецианская республика, возобновившая борьбу с Портой в Средиземноморье. Священная лига против Турции была возглавлена папой римским Иннокентием XI. Обязавшись вести коалиционную войну и не заключать сепаратных договоров с Портой, участники Лиги особо отметили необходимость привлечения к союзу других христианских правителей, и прежде всего царей московских.

На некоторое время и на западной границе России опасность была ликвидирована. Но Голицын не обольщался успехами в организации Священной лиги, над которой столь напряженно трудилась русская дипломатия. По сведениям, поступившим в Посольский приказ, в Европе было правильно оценено значение похода Собеского под Вену. В то же время у Василия Васильевича было немало свидетельств о конфликтах между союзниками: даже в Стамбуле говорили о том, как немцы ненавидят поляков за их победу. Победа эта вскружила голову и Яну Собескому, наотрез отказавшемуся подтвердить и навечно закрепить условия Андрусовского перемирия. 39 посольских съездов в Андрусове в начале 1684 года не дали никакого результата.

Тем самым король препятствовал присоединению России к Священной лиге. При всем желании ликвидировать грозную опасность на юге Голицын не мог не учитывать печального опыта взаимоотношений с Речью Посполитой во время предыдущей войны. Только окончательное урегулирование спорных вопросов с Польско-Литовским государством могло стать основой нового союзного соглашения. Василий Васильевич имел более точную, чем король, информацию о силах Османской империи и, в отличие от Яна Собеского, предвидел затяжную войну Священной лиги с Оттоманской Портой и Крымским ханством. В этом случае необходимость в союзе с Россией будет нарастать.

Позиция России на переговорах о «Вечном мире» соответствовала новой международной оценке ее сил, которая сложилась в результате войны 1672—1681 годов. Так, Посольский приказ (и, как нам сейчас известно, внешнеполитические ведомства других стран) был информирован о мнении правящих кругов Стамбула, что если бы под Вену пришло не польское, а русское войско, то поражение Кара-Мустафы было бы значительно более серьезным, что согласованные действия России в составе Священной лиги поставили бы под угрозу само пребывание осман в Европе. Заинтересованность в русских военных силах была велика, как мы помним, и у действующих лиц балтийского конфликта. Там участие России было непременным условием создания антишведской коалиции.

Последующие события заставили Яна Собеского и магнатов отказаться от необоснованно преувеличенного представления о своих силах. Неудачная осада Каменца в 1684 году и поражение в Молдавии в 1685 году привели Речь Посполитую к столу переговоров с Россией. Еще быстрее вынуждена была реагировать Империя. Ее войска

козырную карту — Бахчисарайский мир. Князь обошел ловушку, выразив искреннюю заинтересованность в широкомасштабной борьбе с османской агрессией. Но для вступления в Священную лигу, по его словам, имелось серьезное препятствие. «У великих государей, — говорил Голицын, — с королем польским осталось только девять перемирных лет, и если великие государи, вступив за цесаря и короля польского в войну с турецким султаном, рати свои утрудят, а польский король, по истечении перемирных лет, наступит войною на их государства, то великим государям какая прибыль будет? Поэтому, не заключив Вечного мира с Польшею, великим государям отнюдь в союз вступить нельзя, что послы сами могут понять»²⁵.

Этические и юридические рассуждения имперских послов о возможных условиях «Вечного мира» были блестяще парированы главой Посольского приказа. Мысль «поделить» спорные территории с Речью Посполитой, оставив за Россией Смоленск и передав на польскую сторону Киев, была им отвергнута на основании выбора украинского населения, не желавшего терпеть утеснения под королем и шляхтой, и с чисто юридической стороны, поскольку по Журавинскому миру король уступил всю Украину султану, а тот по Бахчисарайскому миру признал принадлежность Киева с уездом и Запорожья России.

Тогда послы сделали другой ход, предложив Голицыну заключить сепаратный русско-имперский договор о взаимопомощи «кроме поляков», то есть без участия Речи Посполитой. В этом случае после окончания войны с Портой и Крымом Вена гарантировала России ненападение со стороны короля. Главе Посольского приказа было понятно, чем вызвано такое отношение Империи к своему союзнику. Сепаратный договор Вены с Москвой мог весьма затруднить Яну Собескому проведение его политики на Балканах; ослабление России и Речи Посполитой в результате военных действий и взаимных претензий позволило бы Империи играть главную роль при дележе отвоєванного османского наследия.

Голицын, прежде чем принять окончательное решение, обратился к опыту русско-имперских отношений конца 70-х годов XVII в., когда сходный сепаратный договор был сорван из-за того, что Империя сосредоточила свое внимание на Рейнском, а не на Дунайском театре. Это была стрела, попавшая прямо в цель: в 1684 году, как и в 1679-м, Вена хотела переложить основные тяготы войны с «агарянами» на Россию и Речь Посполитую, чтобы активизировать свою политику на Западе. Василий Васильевич не выдвинул в этой связи никаких требований, однако постарался максимально заинтересовать имперских послов выгодами политического и военного сотрудничества после заключения «Вечного мира» и вступления России в Священную лигу. Жировский и Блюмберг тщательно взвесили сравнительные выгоды продолжения политики в союзе с Россией или без нее.

После возвращения посольства из Москвы франко-имперские переговоры активизировались и 15 августа 1684 г. завершились подписанием в Регенсбурге договора о 20-летнем перемирии. Уступки, сделанные Веней, позволяли Империи сосредоточить силы против Порты. Приветствуя это соглашение, Голицын, однако, не склонен был становиться на точку зрения польских магнатов, принявших его как австро-французский союз. Напротив, информация Краевского и других эмиссаров Посольского приказа свидетельствовала о том, что Франция не намерена считаться с Регенсбургским договором. Для удержания самого сильного в то время государства Западной Европы от подобных намерений в начале 1685 года выехало посольство С. Е. Алмазова.

Официально предложив Франции вступить в Священную лигу, русский посол добился сделанных с некоторыми оговорками заверений в соблюдении нейтралитета на Рейне, то есть именно того, чего желал Голицын. Попутно Алмазов попытался заключить взаимовыгодный торговый договор, но это соглашение было сорвано особыми требованиями французской стороны. Посол привез в Москву точный отчет о ситуации во Франции.

Между тем продолжалось оживленное движение Москва — Вена. На переговоры с Голицыным (имевшие наибольшее значение при обмене посольствами) последовательно выезжали Рингубер, Иоганн Курц, Альберт Дебой. Размышления дипломатов были направлены в немалой мере на преодоление главного препятствия — нежелания реваншистски настроенной шляхты признать существующую русско-польскую границу. В ходе переговоров идея сепаратного союза Империи и России реализовалась в соглашение об объединении усилий по сохранению шляхетской республики в противовес абсолютистским планам короля. Внешнеполитической задачей альянса дипломатов и партий Речи Посполитой, тяготевших к Москве и Вене, стало склонение Речи Посполитой к «Вечному миру» с Россией. Нажим императора Леопольда на Яна Собеского и действия имперского представителя в Варшаве, а также русского посла С. Г. Сандырева были поддержаны папской курией. Голицын первым из русских дипломатов после долгого перерыва принял в Москве иезуита Вота с неофициальной миссией папы Иннокентия XI. Для ускорения вступления России в Священную лигу папа соглашался принять самые энергичные меры и подтверждал свое благорасположение к Голицыну уступками в дипломатическом церемониале, которых долго добивался Посольский приказ. В соответствии со своей ролью в Европе Российское государство, представленное своими посланниками, должно было приветствоваться как великая держава.

Василий Васильевич предвидел всю сложность переговоров о «Вечном мире» с Речью Посполитой, на которые ее еще надо было склонить. По сведениям Посольского приказа, Ян Собеский и часть магнатов считали реванш в войне с Россией жизненной необходимостью для своего государства. В 1684—1685 годах король искал союзников в Молдавии, Валахии, Персии и Египте, а главное — в Крыму. Используя давние традиции польско-крымских союзов, королевские дипломаты стремились привлечь хана перспективой выхода из-под власти Оттоманской Порты и дальнейших совместных действий против России (которую король в это же время приглашал к совместным действиям против Крыма!).

Крымские дела находились под тщательным контролем Посольского приказа. Голицын учитывал специфику ордынской дипломатии и не желал играть по ее правилам, то есть используя двурушнические приемы. Даже в 1682 году, когда опасность с Запада была очевидна, князь отверг предложение нурадин-султана (правой руки хана) совместно выступить против Речи Посполитой и категорически потребовал прекратить набеги на нее. Располагая таким средством вразумления, как Изюмская засечная черта, русское правительство заняло твердую позицию. После провокационного нападения на русского посланника Тараканова оно объявило, что ни один русский посланник не ступит на территорию Крыма и все переговоры будут вестись на границе. Это произвело на ордынцев должное впечатление: силу они уважали.

Польская же политика в Крыму потерпела провал. В 1684 году ханство затянуло переговоры, что способствовало поражению короля под Каменцем. А в 1685 году Крым отказался от сепаратных переговоров с Речью Посполитой, предложив себя... в посредники для ее переговоров с Портой. Не менее ощутимым был провал соглашения поляков с традиционно союзной Францией. В 1685 году королевский посол знатный магнат Велепольский, посетивший Версаль после Алмазова, отбыл на родину в расстроенных чувствах, не получив помощи Франции.

Без участия России, но с ведома князя Голицына тогда же шли переговоры Империи, Швеции и Бранденбурга, направленные против династических притязаний самого Яна Собеского и завершившиеся в марте 1686 года договором, секретные статьи коего обязывали названные государства сохранять в неприкосновенности конституцию магнатско-шляхетской республики, то есть вести политику, давно разработанную предшественниками Василия Васильевича.

В сложившихся обстоятельствах сопротивление Речи Посполитой нормализации польско-русских отношений было немыслимо. Несмотря на противодействие короля, еще

в 1685 году сейм оговорил возможность великого посольства в Москву для заключения «Вечного мира» и создания Священной лиги. Ян Собеский задержал его отправление до начала 1686 года. Тем временем Голицын усилил свою позицию, вступив через агента в Смоленске Краевского в секретные переговоры с литовским канцлером М. Огинским и продолжив через посла Н. Алексеева диалог с Османской Портой, признавшей истинность первой редакции Бахчисарайского мира (прежде не ратифицированной). Каждая неделя работала против политики Собеского.

В феврале 1686 года великие и полномочные послы Речи Посполитой — воевода познанский К. Гримультовский и канцлер Огинский — с канцелярией и свитой прибыли в Москву. Семь недель продолжались конференции послов с В. В. Голицыным, Б. П. Шереметевым и товарищами, по подробным материалам которых можно, пожалуй, составить учебник дипломатического искусства XVII столетия. Уже в самом начале переговоров Василий Васильевич изъявил добрую волю и сделал ряд уступок, оставаясь твердым в вопросе о подтверждении условий Андрусовского перемирия. Выгодны были условия Голицына, возвращавшие Речи Посполитой потерянное ею Правобережье без Киева, ибо без союза с Россией, а тем более в состоянии конфликта с ней невозможно было бы биться с «агарянами» за Правобережную Украину.

Один путь оставил князь великим и полномочным послам, приехавшим просить русской помощи в войне. Ведь уйти в глухую защиту, отвергать добрую волю Москвы — значит отвергать и руку помощи могучего соседа. Послы объявили переговоры прерванными, простились с царями, собрались уезжать ни с чем. Голицын выразил сожаление о нежелании Речи Посполитой объединить общехристианские усилия против османско-крымского натиска. Гримультовский и Огинский вновь вернулись к разговору о союзе, не желая, по их словам, столь великого, славного, прибыльного дела оставить и свои труды напрасно потерять.

21 апреля 1686 г. «Вечный мир» был заключен, положив конец столетним раздорам славянских государств. Сбылась мечта Ордина-Нащокина об объединении сил суверенных стран против общего неприятеля. Утверждая русско-польскую границу, «Вечный мир» объявлял и о вступлении России в священную войну с «агарянами». Заключение «Вечного мира» стало праздником всего многонародного Российского государства. «Величайшими и державнейшими великими государями» должны были отныне писаться русские цари во внешних сношениях. «Того же году, — гласила летопись, — июня в 16 день указали великие государи челобитные писать свое царское титуло великим государем царем полное: Всея Великия и Малыя и Белья России самодержцам»²⁶.

В честь «Вечного мира» проводились по всей стране праздничные богослужения. Дворянство получило массовые пожалования землями — поместья и вотчины; регулярная армия была «обрадована царской милостью», пожалована деньгами и сукнами; служащие приказов одаривались царской казной. Для награждения всех участников переговоров: В. В. Голицына, Б. П. Шереметева, И. В. Бутурлина, Е. И. Украинцева, В. И. Бобинина, П. П. Возницына и И. М. Волкова — составлена была историческая справка о самых выдающихся мирных договорах России, среди которых «Вечный мир» был признан славнейшим и заслуживающим наибольшего государева пожалования. Сама царевна Софья, негласно участвовавшая в заседаниях послов, смогла открыто объявить о своей власти — отныне ее имя писали в царском титуле на всех документах²⁷.

В Польше и Литве радостное известие о мире и союзе с Россией стихийно отмечалось в городах и местечках богослужениями. За исключением части магнатов и шляхты, по сообщению агентов Посольского приказа, «всяких чинов люди учиненному миру и союзу... велми рады и о том святом покое молебствовали». Надежда на облегчение бремени войны вызвала ликование в Империи; свой восторг выразил венецианский дож, писавший в Москву, что ныне на Россию «вся Еуропа зрит» с надеждой на поражение общего неприятеля. Но особенно радостно восприняли весть о договоре в покоренных

османами христианских землях — в Молдавии, Валахии и др., народ которых «с упованием смотрит на Россию и лишь от нее ждет спасения от турецкого ига».

В Стамбуле же, по выражению русского посланника, султан «зело со всем бусурманством задрожал». Весть о «Вечном мире» сокрушила планы Порты. Поход великого визиря, за которым должен был следовать с гвардией сам султан, был отменен. Крымская орда осталась сторожить Перекоп, ее сильнейшее левое крыло (Белгородская орда) не выступило в Венгрию, осталось на кочевьях у Буджака. Не встретив серьезного сопротивления, польско-имперские войска взяли Будин. Развивая успех, Ян Собеский обрушился на османские крепости в Молдавии и Валахии; валашские войска присоединились к польской армии.

Но не радость от успехов, а черные мысли владели королем Яном. Тщетно ждали его во Львове русские великие и полномочные послы Шереметев и Чаадаев: король не желал ратифицировать московский договор. Все участники Священной лиги отвергли тайные предложения султана и хана о сепаратном мире и военном союзе, лишь Ян Собеский милостиво принимал послания хана. «Мой дражайший друг, — писал хан королю, — ты сам знаешь, что Крым с древних времен пребывал в дружбе с Польшей и я, с давних пор пребывая с тобой, моим братом, в единстве, надеялся на то, что ты станешь польским королем, и никогда не намеревался с тобой воевать... Татарское войско обогащается за счет войны. Но мы не желаем этого делать за счет войны с вами, тем более, что мы желаем пребывать в прежней дружбе».

Последующие события не могли быть расценены современниками иначе, как божья кара. Взяв Яссы, армия Со-беского попала в окружение Белгородской орды. Пораженное болезнями, измученное голодом польское войско с огромными потерями прорвалось домой, проклиная своего короля. Учитывая настроения в Речи Посполитой, русские послы потребовали немедленной ратификации «Вечного мира», объявив, что в противном случае они покинут королевские владения.

Ян Собеский вынужден был прибыть во Львов, но на раде 24 ноября заявил, что ему «тяжестно» подписать «Вечный мир», и был поддержан группой реваншистски настроенных сенаторов. Однако большинство магнатов во главе с канцлером литовским Огинским уже ясно поняло опасность отказа от союза с Россией и заявило, что «после совершения дела размышлять о нем и отречься невозможно». Обливаясь слезами, король подписал врученный ему договор. Плача о «потерянных» землях и холопах, шляхта просмотрела удар, который Голицын нанес католической экспансии.

По Западной Европе гуляли слухи о свободе вероисповедования в России, расширенной при новом канцлере Василии Голицыне. Действительно, Россия издавна служила прибежищем для представителей гонимых в Западной Европе религиозных меньшинств, которым предоставляла право отправления религиозного культа по своему вкусу. Ограничения касались лишь католиков, ненавистных на Руси еще со Смутного времени, но и им Голицын разрешил богослужение в новом храме, возведенном с его согласия в Москве. Такой либерализм вызвал против князя целую волну церковных обличений. Даже близкий к Голицыну человек — архимандрит Новоспасский Игнатий Рим-ский-Корсаков советовал прекратить «бесовскую» политику, указывая на ее вред для православной веры и русской торговли.

Церковь беспокоилась напрасно. Голицын не склонен был способствовать католической экспансии и, допустив иезуитов в Немецкую слободу, воспретил им транзит через Российские земли на Восток. В Немецкой же слободе он создавал все условия для притока хороших специалистов, привлеченных с Запада не только длинным рублем, но и слухами о московской веротерпимости. Недаром иноземцы, побывавшие в России, в один голос говорили, что новоприезжие специалисты: военные, инженеры, «рудознатцы», врачи, мастера разных «художеств» — значительно лучше старых, давно поселившихся в Москве, и могли бы сделать честь любому государству. Отдельные удачи, случавшиеся ранее, Василий Васильевич стремился заменить продуманной системой отбора иноземных

кадров — помощников в задуманных преобразованиях. Многие сотни приглашенных им людей приняли затем участие в реформах Петра I.

Наступлению католической реакции глава Посольского приказа решительно противостоял, справедливо рассматривая православие как политическую силу и важное идейное оружие государства. Еще во время освободительной войны украинского народа Россия решительно выступила против утеснения единоверного населения на территории Речи Посполитой. Распространение униатства было вынужденной мерой, позволявшей католической церкви обойти отчаянное сопротивление народа насильственному окатоличиванию. Переход в унию облегчался разрозненностью православных иерархов на землях Польско-Литовского государства. Договор о «Вечном мире» поставил ему сильное препятствие. Он не только повторял статью старых договоров о запрещении принуждения православных к унии и католичеству, но и гласил, что «благословение и рукоположение всем духовным принимать, которые есть в Польше и в Литве во благочестии пребывают, принимать благословение в богоспасаемом граде Киеве, от преосвященнейшаго киевского митрополита по духовному их чину и обыкновению, безо всякого препинания и вредительства».

Значение этой статьи невозможно оценить, не учитывая громадной подготовительной работы Посольского приказа, начавшейся сразу после прихода в него князя Василия. Еще во время Московского восстания 1682 года Голицын отправил тайный наказ послу в Константинополе Прокофию Возницыну разузнать «от себя» о возможности передачи киевской митрополии, подчиненной константинопольскому патриарху, в ведение патриарха московского, да так, «чтоб патриарх (константинопольский? — *Авт.*) о том не дознался и в Малой бы России о том не сведали». Действуя «с великим остереганьем», посол получил от константинопольского патриарха Никифора «отпустительную грамоту».

В конце 1684 года думный посольский дьяк Е. И. Украинцев самолично провел в Батурине переговоры с украинским гетманом Самойловичем и бежавшим из Речи Посполитой православным луцким епископом Гедеоном Святополком — князем Четвертинским. Искушенный дипломат повел дело так, что Самойлович сам предложил Гедеона на долго пустовавший престол киевской митрополии и «просил у великих государей милости, чтоб изволили послать к святейшему цареградскому патриарху, да подаст благословение свое и уступит малороссийское духовенство под благословение московских патриархов».

Предложение гетмана о выборах митрополита было поддержано всем украинским духовенством, причем в определении условий избрания Самойлович руководствовался подробной инструкцией Посольского приказа. В 1685 году в присутствии войскового есаула Ивана Мазепы состоялось избрание Гедеона, хотя против его кандидатуры и выступала сильная церковная группировка. Согласно посольским документам, утверждение нового митрополита в Москве рассматривалось как важнейшее дело, поскольку подчинение митрополии Константинополю активно использовалось в своих целях униатским духовенством. Но грамота патриарха Никифора уже не действовала: на смену ему пришел патриарх Иаков, который мог предать проклятию нового митрополита и избравших его и тем содействовать успехам униатов.

Грамоту Иакова должен был получить посланный в Константинополь грек Захарий Софир, но его миссия провалилась. Иаков взял соборей, но не дал обещанного «отпустительного благословения»! Между тем в ноябре 1685 года митрополит Гедеон был рукоположен в Москве как первый из российских митрополитов. Греческие иерархи понимали, что от их поведения во многом зависит судьба православия на обширных землях Речи Посполитой, и могли торговаться, угрожая предательством интересов православной веры.

Не допустить раскольнических действий Константинополя должен был посольский подьячий Никита Алексеев, наделенный Голицыным широкими полномочиями. В грамоте

патриарху Иакову предлагалось получить у посланца значительную сумму сразу по подписании «благословенной грамоты». Но сумма взятки, выдававшейся за «милостыню», не была обозначена: в случае отказа Алексеев мог считать эти деньги посольскими средствами и отмерить «милостыню» рублей в 120, а остальное увезти назад. Обретавшемуся поблизости в Адрианополе лидеру греческих иерархов иерусалимскому патриарху Досифею, ежели тот не подпишет «разрешительную» грамоту Иакову, указано было дать 20 вместо 200 золотых. Расчет Голицына был точен. Подключив к делу османского визиря, сильно надеявшегося на сохранение мира с Россией, Алексеев получил обе грамоты. Был сделан еще один важный шаг по пути превращения государства в православную империю, поставлен заслон распространению католической экспансии на восток²⁸.

Заключение «Вечного мира» было наивысшим достижением политики Голицына. Впервые в XVII столетии Россия получила возможность сосредоточить все силы и средства на одном направлении, не опасаясь удара в спину. Посольский приказ работал как слаженный механизм. По тысячам явных и тайных каналов стекалась в возведенные в Кремле каменные корпуса информация из разных стран Европы и Азии, учитывалось положение в Южной Америке, обращались взоры к Северной Америке, куда уже ступила нога русских первопроходцев. Переводчики с десятков языков, младшие, средние и старшие подьячие обрабатывали эту информацию, разносили ее по разным «столам», готовили сводки и обзоры, углублялись в историю вопросов. Рано утром общий обзор международных событий, включавший полученные вчера вечером сведения, докладывался Боярской думе, кратко излагался царям и Софье²⁹.

Сотрудники Посольского приказа умело дозировали информацию для бояр (Голицын, Украинцев и другие руководители посольских дел получали ее из первых рук), нередко уснащали обзоры анекдотами, описаниями красочных церемоний, особенностей жизни и быта разных народов. О том, что утренние посольские доклады были в полной мере уроками для верхов господствующего класса, свидетельствуют пояснения в свитках: Мадрид — столица «Гишпании», а «Алгер» (Алжир) находится «во Африкии» и т. д. Но отбор сведений был неслучаен: по ключевым для России вопросам Боярская дума информировалась детальнейшим образом.

По сводкам Посольского приказа и спустя столетия можно точно установить передвижение иноземных армий и «караванов» (эскадр), местонахождение виднейших государственных деятелей в определенный момент, в ряде случаев узнать их намерения, а то и тайные похождения. О постоянных героях посольских обзоров, таких, например, как вождь антигабсбургского движения венгров Имре Тёкёли, сведений накопилось на целый роман: вот Тёкёли ведет тайные переговоры, вот спешит на свидание с женой, вот с лихими гусарами дает сражение австрийским ландскнехтам, вот, захваченный врасплох, прыгает с двумя пистолетами из окна и уносится на резвом коне... Опасному противнику союзницы России — Империи трудно было ускользнуть от бдительного ока Посольского приказа.

Напряженная работа шла за резными каменными стенами корпусов приказа, над главным из которых возносился к небу земной шар — глобус. Производительность труда дьяков и подьячих была поразительна. Чтобы справиться с задачами, поставленными Голицыным перед посольской службой, им приходилось работать по 10—12 часов, часто сутками: рабочее время определялось реальным делом. Расширение штатов приказа требовало особого внимания к приказному училищу, традиционно готовившему высококвалифицированные кадры подьячих. При Голицыне училище растет и совершенствует свою программу. Новых людей требовалось много: не только подьячие, но и дьяки слепли «от многого чтения и письма», страдали от нервного истощения. Зато особо одаренные люди быстро продвигались; училище разрешалось кончать экстерном; на малолетних вундеркиндов не смотрели косо. Приказная волокита в судебных делах (как форма вынуждения к взятке) ни в коей мере не распространялась на дела государственной

важности. Главные решения принимались коллегиально (судьей и дьяками приказа), исполнение на всех уровнях подразумевало личную ответственность. Недаром организация Посольского приказа, внешне изменяясь, просуществовала потом еще много десятилетий.

Углубленному проникновению в «европейскую конъюнктуру» соответствовало и «лицо» Посольского приказа, обращенное к иностранным представителям. Двор принимал послов с восточной пышностью: даже встречавшие их перед городом отряды конных дворян были убраны драгоценностями и золотом, каждый из всадников «так и горел как жар своим светлым убранством». Не употреблявшееся в бою декоративное оружие, украшения, весь церемониал приема верительных грамот (своеобразное театрализованное действие) сохраняли множество восточных элементов. Менее колоритным, более деловым было представление послов в Посольском приказе.

Возведенный Голицыным приказ, по словам французского автора, — «обширное здание, состоящее из четырех огромных корпусов... В нем находится несколько палат, из которых каждая предназначена для особого совещания». «Помещение приказа красивое и хорошо содержится», — отмечал немецкий путешественник. Конференции с иностранными представителями проводились за большим столом: в конце его садился канцлер, по сторонам располагались приглашенные бояре и дьяки. Гостям предлагали кресла с другой стороны стола (этот обычай мало изменился). При участии бояр в переговорах использовались толмачи.

После реформы Федора Алексеевича «служилая» одежда чинов Государева двора соответствовала общеевропейскому стандарту (моды разных стран, конечно, значительно варьировались). Русские участники переговоров, и прежде всего князь Голицын, поражали гостей великолепием нарядов. Не желая уступать прославленному на Западе герцогу Бэкингему, Василий Васильевич имел более 100 кафтанов и шуб. Даже без украшений один наряд стоил, как 20—30 лошадей. Драгоценные ткани нарядов были либо сплошь усыпаны алмазами с изумрудной или рубиновой искрой, либо украшены сапфирами и рубинами с жемчугом, либо покрыты золотом с самоцветами, либо просто выглядели так, что «ни в сказке сказать, ни пером описать». В России пуговицы, запаны, аламы (овальные пластинки) и другие украшения одежды Василия Васильевича оценивались по 300, 700, 800 рублей и более, а иностранцы, жмурясь от блеска драгоценностей, подсчитывали, что, сбросив кафтан, канцлер мог бы купить целый полк. Не удивительно, что даже сама по себе внешняя сторона приема в Посольском приказе, как правило, оказывала чрезвычайно благоприятное влияние на ход переговоров, определяла их достаточно высокий уровень.

Богатство подразумевало знатность, а вместе они определяли место человека в европейской иерархии. Голицын, добиваясь подобающей чести для своего государства в посольском церемониале, с успехом играл роль одного из крупнейших европейских вельмож, добиваясь соответствующей реакции иностранных представителей, заставлял искать своей милости. Цена его внимания многократно возрастала, аудиенция становилась причиной гордости и темой издававшихся за границей записок. При этом все иностранцы отмечали безукоризненные манеры князя.

«В России, — писал немецкий путешественник Георг Адам Шлейссингер, посетивший Россию в 1684—1686 годах (чье сочинение вышло в то время четырьмя изданиями), — наиболее знатным канцлером является господин фон Голицын, князь. Это очень образованный господин, он великолепно держится и является большим другом иностранцев. Он хорошо говорит на многих языках, в том числе и на латинском», имеет самый красивый дворец в Москве (где во времена Голицына было построено, кстати сказать, более 10 тыс. каменных зданий). Выгоднейшее впечатление глава Посольского приказа, разумеется, стремился произвести на представителей той страны, на которую его учреждение имело меньше всего других средств влияния.

О том, насколько он в этом преуспевал, свидетельствует, например, отзыв французского автора: «Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный вельможа при дворе московском. Он любил иностранцев и особенно французов (!), потому что благородные наклонности, которые он в них заметил, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя»; канцлер питал «уважение к Людовику Великому, которого он был страстный поклонник» (!!). Датский посланник, впрочем, был убежден в аналогичных чувствах Голицына к датскому королю.

Оценки французов наиболее убедительно свидетельствуют, что в лице Голицына русская дипломатия достигла высокого по тем временам уровня. Являясь одним из наиболее интеллигентных людей своей эпохи, Василий Васильевич широко использовал в переговорах неформальное общение с партнерами в домашних условиях. В его доме принимали не хуже, «чем при дворе какого-нибудь итальянского князя». Уже после падения Голицына, вспоминая встречу с ним в 1689 году, французский автор отмечал: «Разговаривая со мною по-латыни о делах европейских и спрашивая моего мнения о войне, начатой против Франции императором и союзными князьями, и особенно о революции в Англии, министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшей ласковостью, что я могу и не пить их... Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он хорошо говорит по-латыни и весьма любит беседу с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями только тех, кого считает заслуживающими их и преданными себе... Все управления, бывшие до сих пор в руках у бояр-сенаторов..., были заменены людьми простыми, так как Голицын желал иметь подчиненных, а не товарищей».

Проницательный француз верно подметил направление государственной политики Голицына, но преувеличил ее успехи. Далеко не во всех приказах канцлер сумел поставить талантливых и послушных ему новых людей, позволявших проводить согласованный курс. Завоеванное им положение было результатом хитроумного маневрирования между группировками Боярской думы. Для более решительных действий у князя просто не было сил и влияния. Правительство Софьи и Голицына держалось постольку, поскольку именно оно оказалось способным «утишить» Московское восстание 1682 года и продолжать «умиротворение» служилого по прибору и городского населения. Однако именно успехи этого курса, укрепление самодержавной власти, рост уверенности «верхов» в своей силе вели к падению ненужного более правительства регентства.

В момент, когда Василий Васильевич, как ему казалось, был на гребне успеха, Боярская дума нанесла по его власти продуманный смертельный удар. Военные действия России в составе Священной лиги требовали главнокомандующего. «Князь Голицын, — отметил наблюдатель, — назначал многих на эту должность, но все говорили, что если он заключил мир и союз с Польшею, то он должен взять на себя и труды похода... Бывши более великим государственным мужем, нежели полководцем, он предвидел, что отсутствие его из Москвы причинит ему более вреда, нежели принесло бы славы самое завоевание Крыма, так как оно не поставило бы его выше, звание же начальника войск решительно ничего не прибавляло к его могуществу. Он очень хорошо понимал, что люди, более всех настоявшие на вручении ему этой должности, действовали только по зависти, с намерением погубить его, хотя по внешности казалось, что титулом генералиссимуса ему оказывали великий почет.

Вельможи, утвердившие назначение Голицына, были именно те, которые не соглашались на союз с Польшею, так как они очень хорошо понимали, как трудно будет вторжение в Крым, и старались удалить Голицына из Москвы, потому что в отсутствие его надеялись ослабить его уже слишком большую власть. Большинство голосов

Голицын назначен был полководцем, к его великому неудовольствию, и должен был принять на себя честь руководить походом»³⁰.

Василий Васильевич, рассматривавший армию лишь как необходимый инструмент в системе внешней политики, не мог безоглядно броситься в бой для удовлетворения стремлений армии и приобретения славы искусного военачальника, не учитывая высших интересов государства в коалиционной войне. Еще в ходе русско-имперских и русско-польских переговоров он правильно избрал главное направление русского наступления — не на Буджак и Каменец, как предлагали союзники (это мало что давало России и оставляло ее левый фланг открытым), а прямо на Крым. Но предполагал ли Голицын «Крым знести спосполу (разгромить совершенно. — *Авт.*)» или использовал этот лозунг лишь в пропаганде, из документов не вполне ясно; очевидно, князь видел разные пути добиться того, чтоб «крымский хан учал писаться подданным царским»³¹.

Выступление Голицына в 1-й Крымский поход летом 1687 года проходило в самых неблагоприятных для него внутривосточных условиях. Патриарх Иоаким клеймил его в проповедях и даже призывал «казнить» князя за то, что тот использовал в армии иноверцев; в озлоблении этот сторонник Нарышкиных предрекал армии гибель. Пламенные речи Игнатия Римского-Корсакова, напротив, возбуждали отвагу воинов и обещали им победоносное шествие до Константинополя, полное освобождение Европы от «агарян», славу и богатства, что также не соответствовало интересам генералиссимуса и обещало ему недовольство армии по окончании военных действий.

Проведение военной реформы вызвало такую отрицательную реакцию чинов Государева двора, что представители знатнейших родов прибыли в армию в траурных одеждах и даже лошадей своих покрыли черными попонами. Сосредоточение войск сильно затянулось, и 100-тысячная русско-украинская армия выступила в Дикое поле в жаркое и сухое время. К недовольству «верхов» прибавлялись «кривые» действия гетмана Самойловича — противника союза с Речью Посполитой. Гетман не лучшим образом проложил маршрут войска, для которого каждый лишний день пути требовал увеличения и без того огромного обоза. В результате армия не смогла пробиться через выжженные ордынками степи и вынуждена была повернуть назад.

Во внутренней политике это было серьезным поражением Голицына. Его неприятели распространяли слухи о «неправдах» князя и огромных потерях в русском войске. Этим слухам с трудом противостояли и пышные празднества по случаю завершения похода, и огромные земельные пожалования дворянству, и экстраординарные награждения, и правительственная публицистика. Однако в области международных отношений 1-й Крымский поход вполне оправдал себя.

Для обеспечения международных условий деятельности Священной лиги еще до выступления в поход Голицын направил посольства в Париж, Мадрид, Лондон, Берлин, Флоренцию, Амстердам, Копенгаген и Стокгольм. Их официальной целью было привлечение в Священную лигу новых членов или получение помощи деньгами и войском. Истинная же цель состояла в удержании от враждебных Лиге действий тех государств, которые могли не ко времени дестабилизировать положение в Европе и вывести из войны с Портой союзников России. В целом послы справились с этой чрезвычайно сложной задачей.

Грамотно организованное летнее наступление русско-украинских войск позволило полностью (и даже с превышением) выполнить обязательства России перед союзниками. Удар вспомогательных сил в направлении Азова парализовал правое крыло крымской орды; движение основной армии удержало хана за Перекопом; корпус Л. Р. Неплюева и Г. И. Косагова, двигавшийся вдоль Днепра, лишил Порту возможности наступательно использовать Белгородскую орду. Побочным результатом похода стала паника в неприятельских рядах: «Русские идут на Стамбул!» — кричали фанатики, бросаясь с минаретов, чтобы не сдаваться «гяурам». Султан Мухаммед IV бежал в Азию, где был вскоре задушен янычарами.

Огромная армия, собранная для решительного наступления на Речь Посполитую, осталась под стенами Константинополя, решив оборонять его до последней возможности. Это определило успех наступления имперской армии на континенте. Средиземноморский флот Порты, забрав гарнизоны из Мореи, был призван на защиту столицы, а затем переброшен на Черное море, к Очакову, к которому приближался корпус Л.Р. Неплюева и Г. И. Косагова. Российская регулярная конница, подкреплённая казацкими полками, разметала ту самую Белгородскую орду нурадин-султана, от которой вынужден был недавно бежать Ян Собеский. Развивая наступление, «мужественный и крепкий воевода» Косагов спалил османские крепости Шах-Кермень и Кизы-Кермень, взял Очаков и не позволил неприятельскому флоту высадить десант в устье Днепра.

Европейские газеты внимательно следили за рейдом Неплюева и Косагова, а венецианский дож прислал царям поздравления и благодарность республики за помощь, позволившую ее флоту беспрепятственно захватить Морею. Лишь Ян Собеский не извлек из ситуации особой выгоды, в бездействии простояв лето под Каменцем и распространяя, вопреки сообщениям своих резидентов в Киеве и Москве, ложные слухи, будто русские не выступили в поход, выступив, вернулись назад, договорились с Крымом о совместном нападении на Речь Посполитую... Для нейтрализации вреда, наносимого подобными слухами Священной лиге, Посольский приказ организовал в Амстердаме для распространения в Европе издание «Истинного и верного сказания» о Крымском походе, написанного по его инструкции нейтральным автором — нидерландским резидентом бароном Иоганном фан Келлером. «Сказание» успешно дополнило реляции, распространявшиеся из Москвы через иноземные газеты и «летучие листки».

Василий Васильевич был государственным деятелем, стремившимся превратить внешнюю политику России в целенаправленную управляемую систему, охватывающую весь комплекс взаимосвязанных факторов — от международной публицистики до ружья рядового солдата. Тщательно выверенная последовательность действий и полное отсутствие авантюризма делали его фигуру настолько невыигрышной в глазах литераторов и историков, что уже по одному этому можно предполагать в нем истинного дипломата. Не преодоление препятствий на лихом коне, а тщательная подготовка условий, при которых результат действий в любом случае превосходил бы колоссальные затраты на внешнеполитическое мероприятие такой крупной державы, как Россия, была основой политики Голицына.

Историки и даже современные наблюдатели, следившие за тем, как армия Голицына с трудом двигалась по степям, не обратили должного внимания на то, что еще перед 1-м Крымским походом им были намечены места строительства крепостей в Диком поле с левой стороны Днепра (по рекам Самара, Орел и Воронеж). Пыль, поднятая сапогами русской пехоты, заслонила работу заступа, который оказался более важным оружием, нежели мушкет.

Цепь деревоземляных фортов, вооруженных мощной дальнобойной артиллерией, легла через ордынские шляхи на Русь. Новобородицкий город, вставший при слиянии реки Самары с Днепром, был стратегической базой русской армии, расположенной гораздо ближе к Перекопу, чем к Киеву. В течение 1688 года укрепление, расширение, вооружение и снабжение передовых крепостей энергично продолжались.

Лишив Крымское ханство возможности прямого удара по российским владениям, Голицын подумывал о перекрытии пути его войску на северо-запад (Косагов не случайно столь тщательно искоренял неприятельские крепости на Днепре) и северо-восток, где у него еще оставалась возможность наступления через Азов. По плану военных действий Священной лиги на 1688 год русские и польские войска должны были выступить одновременно по своим направлениям — на Буджак и Крым. Ян Собеский схитрил, решил выждать; Голицын тем временем дошел до Самары, учел бездействие союзника и остановился, но не потерял затраченных средств и времени даром: Россия продолжала возводить укрепления в Диком поле.

Бояре — противники Голицына при дворе, дворянство, недовольное отсутствием добычи и тяжелой работой в степи, позднейшие историки в один голос упрекали князя в недостатке инициативы, забывая, сколь часто то, что было завоевано замечательными русскими полководцами, громившими врагов, не жалея своей и солдатской крови, тут же упускалось из рук политиками. Мужество, в недостатке которого упрекали и упрекают Василия Васильевича, проявлялось прежде всего в его гражданской позиции, в умении видеть истинную ситуацию и действовать без оглядки на собственные интересы.

Частые разговоры при дворах союзников о решительном походе на Константинополь, польские, имперские и венецианские предложения России принять османскую столицу в свое владение оценивались Голицыным как признаки кризиса Священной лиги. Посольский приказ научился разбираться в делах лучше, чем предполагали его зарубежные партнеры. Голицын знал, что отступление венецианской армии из Афин сопровождалось активизацией действий прославленной своей незаметностью тайной дипломатии республики в Порте. Визит тайных посланцев Крыма к Яну Собескому был настолько засекречен, что разведка Посольского приказа лишь мельком увидела «ханские листы», но не узнала их содержания. Впрочем, его было нетрудно реконструировать, как нетрудно было догадаться о последствиях приказа Людовика XIV продолжить наступление на имперские владения в Германии.

В 1688 году со взятием Белграда наступление Империи против Порты прекратилось. Габсбурги удовлетворили свои притязания приобретением Сербии, Словении, части Боснии и Семиградья и теперь стремились освободить руки для борьбы с Францией. Имея точные сведения об австро-османских переговорах, Посольский приказ решительно отклонил имперское предложение о заключении тайного союза против Речи Посполитой, для которой война была еще далеко не завершена, и в ряде грамот потребовал соблюдения союзнических обязательств. Специальный посланник Голицына Алексей Васильев предложил либо прекратить секретные сепаратные переговоры с Портой, либо учесть в них условия других членов Лиги.

Посольский приказ в качестве максимальной доли России намечал получить Азов, Крым и крепости на Днепре, предусматривая в крайнем случае отказ от Крыма и Азова (чисто символический, поскольку они были бы блокированы голицынскими укреплениями). Попытка австрийского канцлера продолжить переговоры с Портой втайне от России заставила А. Васильева с помощью венецианского и польского послов сорвать наметившееся сепаратное соглашение. В дальнейшем русской дипломатии требовались немалые усилия для удержания Империи в Священной лиге. Непрочность Лиги определяла конкретные военные задачи, указывала, какая часть стратегического плана могла быть реализована.

Материалы секретных переговоров Ф. Л. Шакловитого с новым украинским гетманом И. Мазепой называют перспективной целью внешней политики Константинополь. Ударная сила русской армии в составе Священной лиги оценивалась как достаточная для поражения неприятеля, политическая обстановка по маршруту наступления — в Молдавии, Валахии, Болгарии и Румелии — была, судя по этим материалам, вполне благоприятной. Однако поход был невозможен даже с чисто военной точки зрения: господство османского флота не позволило бы захватить и удержать необходимые коммуникации. Русские морские корабли современной конструкции, уже участвовавшие в военных действиях против османского флота, не могли бы завоевать превосходство на море, поскольку их мощь ограничивалась судоходными возможностями Дона (верфи находились в Воронеже). Шакловитый и Мазепа согласились, что в перспективе базой русского Черноморского флота должен стать Крым.

По мнению Мазепы, вторжение на Крымский полуостров можно было осуществить подвижным конным корпусом, уже показавшим свое превосходство над ордынцами, перебросив его зимой по льду, в обход Перекопа, с запасами корма для лошадей в обозе. В борьбе с татарами корпус мог рассчитывать на поддержку оседлого населения Крыма. Но

в план Мазепы Шакловитый внес существенное уточнение: разгром хана не станет окончанием войны с разбежавшимися кочевниками, а главное — с неизбежно последующим османским десантом, взятие Крымского полуострова станет возможным только после того, как туда вступит регулярная русская пехота.

Для этого Голицыну нужно было преодолеть две принципиальные трудности, вытекавшие из особенностей регулярной европейской армии XVII века. Практика европейских войн показывала, что отрыв армии от магазинов далее трех дневных переходов был чрезвычайно опасен. Новая база на реке Самаре и тщательная работа по созданию подвижного обоза позволили Василию Васильевичу в основном решить этот вопрос. Гораздо сложнее было выйти из другого затруднения: военный строй пехоты, подразумевавший разнообразные формы сложных построений для прикрытия мушкетеров пикинерами, разверзал пропасть между маршем и боем. Двигаться по степи в боевом построении было невозможно, как и отказаться от строя, если бы орда осуществляла постоянные налеты на русские полки. Крымский хан и его союзники уже неоднократно с неизменным успехом применяли эту тактику парализующих противника действий, заставляя даже сильную армию вымирать на месте от голода и болезней. Именно поэтому европейские стратеги считали защиту Крыма практически непреодолимой. Голицын же, долгие годы изучавший тактические возможности пехоты, тщательно готовил армию к новой форме боевых действий, опиравшейся на достижения русской технической мысли. Принцип, положенный Голицыным в основу тактики пехоты, был прост: солдат да защитит себя огнем.

Во 2-м Крымском походе 1689 года Василий Васильевич широко использовал полковую артиллерию в боевых порядках батальонов. Это стало возможным в результате разработки и массового производства литых медных и чугунных пушек унифицированных калибров. Подвижность артиллерии определялась уменьшением веса орудий и употреблением специальных лафетов. Массированный артиллерийский огонь обеспечивал Пушкарский полк, хорошо проявивший себя в 1677 году и воссозданный Голицыным в 1687 году. Помимо обычных гладкоствольных русская артиллерия получила первые партии нарезных пушек и скорострельных орудий, заряжавшихся с казенной части. Повышению эффективности огня способствовало широкое применение артиллерийских гранат.

Производство пехотных гранат, начатое в 1667 году, долго находилось в ведении приказа Тайных дел. После того как разные их виды, разработанные русскими оружейниками (круглые и цилиндрические, металлические и стеклянные), прошли массовое боевое испытание в корпусе К.Черкасского (1677—1679 гг.), гранатное производство было поставлено на поток. Армия Голицына получила десятки тысяч гранат для метания с руки и с помощью ручных гранатометов, которые маленький Петр, знавший толк в оружии, уже тогда старался добыть для своих преображенцев.

Регулярные полки Голицына были вооружены дальнобойными мушкетами с ударным кремневым замком конструкции, ставшей вскоре классической; фитильные, колесцовые и прочие замки были отвергнуты как менее надежные и неэффективные. Многолетние разработки Оружейной палаты воплотились также в новой модели нарезной пищали («пищали винтованной», или попросту «винтовки», как называют ее документы того времени). Партии таких винтовок поступили на вооружение снайперских подразделений отборных стрелецких и солдатских полков.

Значительно усилив огневую мощь пехоты, Голицын все же не был уверен, что этого будет достаточно для отражения сильной крымской кавалерии. Его солдаты наряду с мушкетом и саблей брали с собой полупики; единственное, что князь мог здесь придумать, — это экстренно перевооружить часть солдат бердышами по стрелецкому образцу. Бердыш превосходил полупику тем, что мог служить сошником для мушкета, им можно было и колоть, и рубить конного. Не упустил князь и традиционных средств

обороны на месте в виде рогаток и «походных надолбов». Однако холодное оружие вкупе с касками и кирасами оказалось излишним.

Весной 1689 года, когда русская армия двинулась от Самары на Перекоп, оборона крымчаков рухнула. Ни степь, ни ожесточенные атаки татар не могли замедлить шаг полковых колонн, между которыми двигались обозы с припасом. Хотя вся «орда вешталася около войска, — писал пораженный современник-украинец, — але же войско Галично... шло як вода, не заставляючися, тылько отстрелювалося». О силе натиска ордынцев свидетельствует тот факт, что они дважды прорывали строй испытанных казачьих полков и Мазепа со своей гвардией с величайшим трудом восстанавливал положение. В то же время плотный огонь стрельцов и солдат не позволил приблизиться к их строю ни одному неприятелю.

Кульминацией похода стала битва в урочище Зеленая Долина. 15 мая все крымские войска, включая силы Белгородской орды и черкесов, при поддержке турецкого корпуса обрушились на российское воинство с невероятным мужеством. Залпы 112 тыс. мушкетов и карабинов и 350 орудий, по словам современников, буквально сметали орду с поля, но новые волны татар в течение восьми часов повторяли атаки, так и не доходившие до русских позиций. Убедившись, что его полки не имеют потерь, Голицын приказал продолжать движение. 16 мая хан бросился в новый отчаянный натиск. Спасшиеся от обстрела татары бежали с поля, но сумели вновь собраться с силами и 17 мая при Колончаке опять атаковали, понеся «многий упадок». Сжигая свои селения, остатки крымчаков ушли за Перекоп. 20 мая армия Голицына стала лагерем под Перекопом.

Русское войско рвалось в Крым. Обессиленный хан просил милости и даже обещал покориться «под державу великих государей». Князь Василий понимал лукавство хана, видел стремление армии, но не считал возможным рисковать своими полками. Вторжение в Крым требовало организации постоянного снабжения войск, которые должны будут не только овладеть Бахчисараем и прибрежными крепостями, но и удержать взятое в неизбежном столкновении с армией Оттоманской Порты. Дальнейший поход русской армии при многократном увеличении риска мало что мог прибавить к «вразумлению» хана, убедившегося в главном: Дикое поле перестало служить ему надежным щитом.

Несколько новых поражений не могло бы оказать решительного воздействия на ханство, привыкшее стоически переносить потери и восстанавливать неоднократно сжигаемый Перекоп (легендарный Косагов однажды сумел спалить его на глазах хана с отрядом в 60 казаков). Значительно страшнее были планомерное давление, блокада Крыма, отсечение татар от источников наживы. Голицын еще не укрепил низовья Днепра и не взял Азова (впрочем, с падением Крыма его и не нужно было брать), но лишил хана возможности ответить ударом на удар и заставил его безвыходно сидеть за Перекопом, ежечасно ожидая русского вторжения. При этом Россия выполняла свое обязательство перед союзниками, не перенапрягала сил и имела возможность широкого дипломатического маневра.

Как обычно, Василий Васильевич «зрел в корень». Экстенсивная экономика ханства требовала грабежа соседей для пропитания: немалая часть продовольствия ввозилась морем в обмен на военную добычу. К началу 90-х годов XVII в. Крым был поражен страшным голодом и эпидемиями. Взятие Азова Петром I не пошатнуло ханства сильнее, чем голицынские крепости «на татарской нужной Перекопи». Недаром в начале XVIII века вопрос о разрушении этих крепостей занимал Оттоманскую Порту и Крымское ханство значительно сильнее, чем возвращение Азова. А ведь Голицын еще не успел замкнуть антикрымский рубеж днепровскими крепостями!³²

Не успел, поскольку вскоре после возвращения из похода был свергнут, лишен чести и имущества, сослан на Север, где и скончался³³. Многочисленные судебные дела против Голицына, возбуждавшиеся его недругами в течение нескольких лет после ссылки князя, были наполнены самыми нелепыми обвинениями. Что же касается истинной причины, то она скрыта в документах, оставшихся мало известными историкам: они

свидетельствуют, что бунт стрельцов в августе 1689 года против Петра I и его родственников Нарышкиных, в страхе перед которым молодой царь бежал в Троицу и призвал войска на помощь против своей сестры Софьи и ее сторонников, был разыгран агентами Нарышкиных и на их деньги. Недаром один из видных участников переворота боярин Петр Авраамович Лопухин на вопрос, за какую именно вину были сосланы в ссылку без розыска и суда князь Василий Голицын и боярин Леонтий Неплюев, отвечал прямо: «Явная де его, Леонтьева, какая есть вина, вы не ведаете; а тайная де вины (и мы) не ведаем», — о Голицыне же не сказал ничего...³⁴

Очевидно, что прежде всего Голицын мешал захвату власти боярской группировкой, скрывавшейся за спиной еще юного Петра. Но в первоначальном приговоре князю важное место занимало обвинение, что он, «пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил и отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение, а людям тягость». Оно выражало недовольство дворянства, рассчитывавшего на богатую крымскую добычу и возмущавшегося главнокомандующим еще под Перекопом. Правда, русское воинство понесло в походе необычайно малые потери и на обратном пути ни разу не подверглось нападению перепуганных крымчаков. Правда, европейские военные специалисты единодушно восхищались достижениями России, а газеты прославляли поход, предопределявший «погибель Крыма». Правда, наконец, что даже в незавершенном виде политика Голицына принесла выгоду российскому дворянству. Благодаря тому что крымский рубеж был перенесен далеко на юг, срок сыска беглых на старых засечных чертах (Белгородской и др.) увеличился в 5 раз!³⁵ Овладение огромным земельным фондом и усиление закрепощения заметно укрепили мощь дворянства и способствовали дальнейшим преобразованиям.

Примечания

Введение

¹ Цит. по Ключевский В. О. Курс русской истории. — Т. III. — М., 1988. - С. 86.

² Там же.

³ См. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. — М., 1980. — С. 259.

I

«Око всей великой России»

¹ См. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции/Подготовка текста и комментарии А. А. Зимина. — Ч. 1—111. — М., 1978 (далее: Государственный архив России XVI столетия); Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. — М., 1984. — С. 90—127.

² Сборник Русского исторического общества. — Т. 33. — С. 112 (далее — Сб. РИО).

³ Центральный государственный архив древних актов. — Ф. 89. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 298 (далее: ЦГАДА).

⁴ Там же. — Л. 10 об.

⁵ Там же. — Л. 208—212.

⁶ Сб. РИО. — Т. 129. — С. 32; Т. 38. — С. 81. См. также Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Т. 1. — Стб. 483, 501 (далее: ПДС).

⁷ ПДС. — Т. 2. — Стб. 351.

⁸ Цит. по Шмидт С. О. Указ. соч. — С. 96—97.

⁹ Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета/Составитель Ю. А. Лимонов. — М., 1982. — С. 160.

- ¹⁰ См. Флетчер Дж. О государстве Русском. — СПб., 1906.
- ¹¹ См. Белокуров С. А. О Посольском приказе. — М., 1906.
- ¹² Сб. РИО. — Т. 59. — С. 444, 606; Т. 71. — С. 109; Т. 129. — С. 21.
- ¹³ ЦГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1 — Д. 1. — Л. 392 об.; Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 48; Д. 6. — Л. 50; Ф. 123. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 9—10, 26 и т. д.
- ¹⁴ См. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. Справочник / Составитель В. И. Савва. — М., 1983. — Вып. 1—2 (далее: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.).
- ¹⁵ Там же. — С. 354.
- ¹⁶ См. Соболева Н. А. Символы русской государственности // Вопросы истории. — 1979. — № 6. — С. 47—59.
- ¹⁷ См. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. — М., 1981. — С. 16—18.
- ¹⁸ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. — Пгд., 1919. — С. 160.
- ¹⁹ Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 26.
- ²⁰ См. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV — начале XVI в. — М., 1961. — С. 144 (далее: Леонтьев А. К. Образование приказной системы...).
- ²¹ См. Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 26—27.
- ²² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 1906. — С. 23.
- ²³ Цит. по Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 49.
- ²⁴ Там же. — С. 115—130.
- ²⁵ См. Арсеньев А. В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. — СПб., 1887.
- ²⁶ См. Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. — Кишинев, 1971. — С. 54—55.
- ²⁷ Белокуров С. А. О Посольском приказе — С. 67.
- ²⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. — СПб., 1888. — С. 165, 554.
- ²⁹ Котошихин Г. К. Указ. соч. — С. 95.
- ³⁰ См. Рогожин Н. М. Посольские книги и другие источники XVII в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613—1616 гг. Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. — М., 1982. — С. 51—69.
- ³¹ Там же. — С. 64.
- ³² Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 36, 58.
- ³³ Там же. — Т. 56—57.
- ³⁴ См. Бондаренко И. Здания Посольского приказа. Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. — М., 1916. — С. 98—107.
- ³⁵ См. Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 60—63.
- ³⁶ См. Алпатов М. А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории. — М., 1966; Щепотьев Л. Ближний боярин А. С. Матвеев как культурный и политический деятель XVII в. — СПб., 1906 (далее: Щепотьев Л. Ближний боярин А. С. Матвеев...).

2

Дела посольские

- ¹ См. ЦГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 1; Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 3. — 164-165; Ф. 53. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 2 об. — 4; Сб. РИО. — Т. 35. — С. 52.
- ² ЦГАДА. — Ф. 93. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 35 об. — 41 об.; Ф. 77. Оп. 1. — Д. 1. — Л. 324—329, 355—357.

- ³ Сб. РИО. — Т. 35. — С 101.
- ⁴ ЦГАДА. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 29—30. См. также Посольская книга по связям России с Англией 1613 — 1614 гг. — М., 1979. — С. 59.
- ⁵ ЦГАДА. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 8 об. — 9 об. См. также Посольская книга по связям России с Англией 1613 — 1614 гг. — С. 45—46.
- ⁶ ЦГАДА. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 377—464.
- ⁷ ЦГАДА. — Ф. 134. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 7.
- ⁸ ЦГАДА. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 129.
- ⁹ ПДС. — Т. 4. — Стб. 581.
- ¹⁰ Там же. — Стб. 888.
- ¹¹ Там же. — Т. 8. — Стб. 6.
- ¹² См. ПДС. — Т. 4. — Стб. 942.
- ¹³ См. Русский архив. — Т. 4. — 1888. — С. 549.
- ¹⁴ См. Путешествия русских послов XVI—XVII вв. — М.—Л., 1954. — С. 156—205.
- ¹⁵ См. ЦГАДА. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 2/154. — Л. 44—116. См. также Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. — Ярославль, 1959.
- ¹⁶ ПДС. — Т. 3. — Стб. 1166.
- ¹⁷ См. ПДС. — Т. 4. — Стб. 581 — 665.
- ¹⁸ Там же. — Стб. 1172.
- ¹⁹ Цит. по Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. — М., 1973. — С. 330.
- ²⁰ Там же. — С. 331.
- ²¹ Там же.
- ²² См. Путешествия русских послов XVI — XVII вв. — С. 227—315.
- ²³ Русский архив. — Т. 4. — 1888. — С. 192.
- ²⁴ См. ПДС. — Т. 3. — Стб. 1051, 576—659, 735—736.
- ²⁵ Рогинский З. И. Указ. соч. — С. 25.
- ²⁶ См. ПДС. — Т. 3. — Стб. 1165—1166, 1064—1065.
- ²⁷ Там же. — Стб. 1165—1166.
- ²⁸ Путешествия русских послов XVI — XVII вв. — С. 69—70.
- ²⁹ Там же. — С. 236—237.
- ³⁰ ПДС. — Т. 1. — Стб. 953—954.
- ³¹ Там же. — Стб. 876.
- ³² Путешествия русских послов XVI — XVII вв. — С. 128.
- ³³ См. ЦГАДА. — Ф. 32. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 260—268, 270—307, 315, 317—324; ПДС. — Т. 2. — Стб. 921 — 1088.
- ³⁴ ПДС. — Т. 3. — Стб. 1082.
- ³⁵ Там же. — Стб. 1100—1101.
- ³⁶ Бухов Д. Притц фон. Начало и возвышение Московии // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). — М., 1876. — Кн. 4. — С. 55.
- ³⁷ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» — М., 1988. — С. 83, 71.
- ³⁸ Цит. по Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). — СПб., 1884. — № 7. — С. 73.
- ³⁹ ЦГАДА. — Ф. 53. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 30 об. — 31. См. также Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских посольских делах XVI в. // Вопросы истории, религии и атеизма. — 1958. — № 6. — С. 224-225.
- ⁴⁰ ЦГАДА. — Ф. 53. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 65—65 об.
- ⁴¹ ЦГАДА. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 7 (1613 г.). — Л. 1—3.
- ⁴² ЦГАДА. — Ф. 138. — Оп. 2. — Д. 3. — Л. 44 об. — 46 об.

«Посольских дел сберегатели»

Иван Михайлович Висковатый

- ¹ См. Веселовский С. Б. Онамастикон. — М., 1974. — С. 68.
- ² О И. М. Висковатом см. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. — М., 1963. — С. 366—367; Его же. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — М., 1975. — С. 93; Леонтьев А. К. Образование приказной системы...; Скрынников Р. Г. Опричный террор. — Л., 1969. — С. 82—83, 92, 96; Государственный архив России XVI столетия. — С. 103—104; Шмидт С. О. Указ. соч.
- ³ См. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — С. 93.
- ⁴ Цит. по Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. — С. 136.
- ⁵ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Т. 3. — Рига, 1880. — С. 186.
- ⁶ См. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. — С. 25—35, 38—64, 52, 70, 72—77, 82—87, 92—97.
- ⁷ Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 27—28.
- ⁸ Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. — С. 92—137.
- ⁹ См. Леонтьев А. К. Образование приказной системы... — С. 148 (примеч. 27).
- ¹⁰ Полное собрание русских летописей. — Т. 13. — М., 1965. — С. 152.
- ¹¹ Государственный архив России XVI столетия. — С. 313.
- ¹² См. Буганов В. И. Разрядные книги. — М., 1962. — С. 195.
- ¹³ См. Полное собрание русских летописей. — Т. 13. — С. 522—526, 529—532.
- ¹⁴ См. Домострой / Под ред. А. Н. Чудинова. — СПб., 1911. — С. 117—135.
- ¹⁵ О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. — М., 1925. — С. 85 (далее: О Москве Ивана Грозного).
- ¹⁶ Послания Ивана Грозного. — М.—Л., 1951. — С. 179, 191.
- ¹⁷ Там же. — С. 49.
- ¹⁸ См. Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. — М., 1972. — С. 40—58.
- ¹⁹ См. ЧОИДР. — Кн. 3. — М., 1847. — С. 8.
- ²⁰ Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 28—29.
- ²¹ О Москве Ивана Грозного. — С. 84—85.
- ²² Шлихтинг А. Новое известие о России времен Ивана Грозного. — Л., 1934. — С. 46.
- ²³ Сб. РИО. — Т. 129. — С. 96.
- ²⁴ Цит. по Юзефович Л. А. Указ. соч. — С. 156.
- ²⁵ Шлихтинг А. Указ. соч. — С. 62.
- ²⁶ См. Скрынников Р. Г. Опричный террор. — С. 82—94.
- ²⁷ Цит. по Юзефович Л. А. Указ. соч. — С. 33.
- ²⁸ См. Шмидт С. О. Указ. соч. — С. 206.

Братья Щелкаловы

- ¹ О Щелкаловых см. Егоров В. Н. А. Щелкалов — русский политический деятель XVI в. // Дипломная работа. — МГИАИ, 1973; Кобеко Д. Ф. Дьяки Щелкаловы. — СПб., 1908; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. — М., 1983; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. — М., 1978 (далее: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения...).
- ² ПДС — Т. 1. — СПб., 1851. — С. 503.
- ³ Цит. по Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. — СПб., 1874, — С. 55 (далее: Сказания Массы...).

- ⁴ Цит. по Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англиею. — СПб., 1875. — № 52. — С. 29.
- ⁵ Сказания Массы... — С. 55.
- ⁶ Горсей Дж. Записки о Московии XVI века. — СПб., 1909. — С. 60, 127, 133, 135.
- ⁷ Временник Ивана Тимофеева. — М.—Л., 1951. — С. 73.
- ⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. X. — СПб., 1818—1824. — С. 11 (далее: Карамзин Н. М. История...).
- ⁹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. — С. 226.
- ¹⁰ Мятлев Н. В. Челобитная Михаила Татищева. — М., 1907. — С. 56.
- ¹¹ См. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — С. 588.
- ¹² Древняя российская вивлиофика. — Т. XIII. — М., 1790. — С. 76.
- ¹³ См. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. — М.—Л., 1950.
- ¹⁴ Местнический справочник XVII века. — Вильно, 1910. — С. 66—67.
- ¹⁵ Описание архива Посольского приказа 1626 г. — М., 1977. — С. 210.
- ¹⁶ Барсуков А. П. Род Шереметевых. — Т. 1. — СПб., 1881. — С. 269.
- ¹⁷ Писцовые книги XVI в. — Т. 1. — СПб., 1877. — С. 1525.
- ¹⁸ См. Акты Московского государства. — Т. 1. — СПб., 1890. — С. 37 (далее: АМГ).
- ¹⁹ Там же. — С. 39.
- ²⁰ Русская историческая библиотека. — Т.-И. — СПб., 1875. — С. 106 (далее: РИБ).
- ²¹ См. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией). — Т. I. — СПб., 1841. — С. 335, 359 (далее: АИ).
- ²² См. ЦГАДА. — Ф. 281. — Д. 2/217.
- ²³ См. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии Наук. — Т. 1. — СПб., 1836. — С. 383—385 (далее: ААЭ).
- ²⁴ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. — Т. I. — СПб., 1846. — С. 175 (далее: ДАИ).
- ²⁵ ЦГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 830 об., 836 об.
- ²⁶ Цит. по Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. III. — М., 1960. — С. 682 (далее: Соловьев С. М. История...).
- ²⁷ См. Карамзин Н. М. История... — Т. X. — Прим. 342.
- ²⁸ См. АМГ. — Т. 1. — С. 604, 608—611, 614, 656, 646.
- ²⁹ Цит. по Карамзин Н. М. История... — Т. X. — Прим. 342.
- ³⁰ ЦГАДА. — Ф. 123. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 341.
- ³¹ См. Сб. РИО. — Т. 71. — С. 384, 630, 666.
- ³² См. ЦГАДА. — Ф. 123. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 405; Д. 14. — Л. 33, 154, 173, 194, 301 об. — 326.
- ³³ Цит. по Савва В. И. О Посольском приказе XVI в. — Харьков, 1917. — С. 118.
- ³⁴ См. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. — СПб., 1888. — С. 36.
- ³⁵ Цит. по Соловьев С. М. История... — Кн. III. — С. 646.
- ³⁶ Там же. — С. 662.
- ³⁷ См. ЦГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 221 об. — 223 об., 551—351 об.
- ³⁸ Цит. по Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... — С. 141, 159.
- ³⁹ Послания Ивана Грозного. — С. 142.
- ⁴⁰ Статейный список Флетчера // Временник Московского Общества истории и древностей российских (МОИДР). — Кн. VIII. — М., 1850. — С. 75—76.
- ⁴¹ Горсей Дж. Указ. соч. — С. 60.
- ⁴² Цит. по Соловьев С. М. История... — Кн. IV. — М., 1960. — С. 304.

- ⁴³ Там же. См. также Борисов Н. С. Первый патриарх // Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. — М., 1988.
- ⁴⁴ Временник Ивана Тимофеева. — С. 241—242.
- ⁴⁵ См. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. — С. 42.
- ⁴⁶ См. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. — М., 1981. — С. 57.
- ⁴⁷ См. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — М., 1937. — С. 150; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. — С. 87—88.
- ⁴⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 4. — СПб., 1863. — С. 348.

Алмаз Иванов

- ¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб., 1906. — С. 297—298.
- ² Путешествие в Московию барона Августа Майерберга. — М., 1874. — С. 74 (далее: Путешествие барона Майерберга).
- ³ Там же. — С. 186.
- ⁴ См. Оглобин Н. Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). — Ч. 4. — М., 1901. — С. 164.
- ⁵ Переписные книги города Москвы 1738 и 1742 годов. — Т. 1. С. 11.
- ⁶ ААЭ. — Т. III. — СПб., 1836. — С.
- ⁷ См. Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. — Т. 1. — М., 1884. — С. 1166.
- ⁸ Путешествие барона Майерберга. — С. 74.
- ⁹ См. РИБ. — Т. XXIV. — СПб., 1906. — С. 76.
- ¹⁰ См. Белокуров С. А. О Посольском приказе. — С. 117.
- ¹¹ См. АИ. — Т. 1 — С. 219.
- ¹² См. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — С. 307.
- ¹³ См. Спасский И. Г. Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владелец // Археографический ежегодник за 1979 г. — М., 1981. — С. 70—71.
- ¹⁴ РИБ. — Т. X. — СПб., 1886. — С. 301.
- ¹⁵ Там же. — С. 352.
- ¹⁶ См. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — С. 106-107.
- ¹⁷ РИБ. — Т. XXIV. — С. 1060, 1062.
- ¹⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в. — М., 1955. — С. 381.
- ¹⁹ ДАИ. — Т. III. — СПб., 1848. — С. 133, 136.
- ²⁰ Цит. по Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. — М., 1897. — С. VI—VII, 252.
- ²¹ См. ЦГАДА. — Ф. 210. — Д. 242. — Л. 745.
- ²² Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной е. и. в. канцелярией. — Т. III. — СПб., 1852. — С. 372—373 (далее: Дворцовые разряды).
- ²³ См. Путешествие барона Майерберга. — С. 121.
- ²⁴ См. ДАИ. — Т. III. — С. 510.
- ²⁵ Там же. — С. 461, 488—490.
- ²⁶ Там же. — С. 509.
- ²⁷ Цит. по Соловьев С. М. История... — Кн. VI. — М., 1961. — С. 44—45.
- ²⁸ Там же. — С. 75.
- ²⁹ Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165—7183 гг. — М., 1908. — С. 54.
- ³⁰ Путешествие барона Майерберга. — С. 65.
- ³¹ См. Рисунки к путешествию по России римско-католического посланника барона Майерберга в 1661 и 1662 годах / Изд. Федором Аделунгом. — СПб., 1827. — Л. 34.

³² См. ЦГАДА. — Ф.233. — Кн. 676. — Л. 165, 203 об., 231, 332 об., 227—228 об.

³³ См. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — С. 203.

³⁴ См. Забелин И. Е. Указ. соч. — Т. 1. — С. 389.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. — Ч. III. — С. 315.

² Там же. — С. 317.

³ Там же. — С. 319.

⁴ Коллинз С. Нынешнее состояние России // Русский вестник. — С. 586—587.

⁵ Цит. по Галактионов И. В. Молдавское посольство А. Л. Ордина-Нащокина. — Саратов, 1976.

⁶ См. Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. — М., 1969. — С. 53, 58.

⁷ АИ. — Т. IV. — СПб., 1842. — С. 262—263.

⁸ Цит. по Соловьев С. М. История... — Кн. IV. — М., 1961. — С. 74—75.

⁹ Цит. по Галактионов И. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. — М., 1961. — С. 67—68.

¹⁰ Русская старина. — 1883. — № 11. — С. 298.

¹¹ Цит. по Соловьев С. М. История... — Кн. XII. — М., 1961. — С. 394.

¹² Там же. — С. 396.

¹³ См. Галактионов И. В., Чистякова Е. В. Указ. соч. — С. 125.

Артамон Сергеевич Матвеев

¹ О Матвееве см. история о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева. — М., 1785 (далее: История о невинном заточении...); Львов П. Боярин Матвеев. — СПб., 1848; Матвеев П. Артамон Сергеевич Матвеев в приказе Малой России и его отношение к делам и людям этого края // Русская мысль. — Кн. 8—9. — М., 1901; Малиновский И. Ф. Боярин, дворецкий и наместник серпуховской Артамон Сергеевич Матвеев, начальник государственного приказа посольской печати // Труды и летописи МОИДР. — Т. VII. — М., 1837; Суворин А. Боярин Матвеев. — М., 1804; Щепотьев Л. Ближний боярин А. С. Матвеев...

² История о невинном заточении... — С. 74.

³ Малиновский А. Биографические сведения об управляющих в России иностранными делами министрах. — М., 1816. — С. 27.

⁴ Дворцовые разряды. — Т. III. — Стб. 234.

⁵ Статейный список А. С. Матвеева при встрече патриархов Александрийского и Антиохийского соборов. — ГБЛ. — Ф. 69. — Л. 19. — С. 47.

⁶ Дворцовые разряды. — Т. III. — Стб. 655.

⁷ История о невинном заточении... — С. 55.

⁸ Там же. — С. 56—57.

⁹ Там же. — С. 128.

¹⁰ Там же. — С. 59.

¹¹ Дворцовые разряды. — Т. III. — Стб. 1013.

¹² Соловьев С. М. История... — Т. VII. — М., 1962. — С. 79.

¹³ Московский театр при царях Алексее и Петре. Сб. материалов / Изд. С. М. Богоявленский. — М., 1914. — С. 1 (далее: Московский театр...).

¹⁴ Там же. — С. 30.

¹⁵ См. Ключевский В. О. Курс русской истории. — Т. III. — М., 1956. — С. 115—120.

¹⁶ Воссоединение Украины с Россией. Сб. документов. — Т. III. — М., 1954. — С. 96 (далее: Воссоединение Украины с Россией).

¹⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 8. — СПб., 1863. — Стб. 369.

- ¹⁸ Воссоединение Украины с Россией. — Т. III. — С. 303.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. — С. 315.
- ²² Там же. — С. 316.
- ²³ Соловьев С. М. История... — Т. V. — М., 1961. — С. 629.
- ²⁴ См. История о невинном заточении... — С. 52.
- ²⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 4. — Стб. 22.
- ²⁶ История о невинном заточении... — С. 54.
- ²⁷ См. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 8. — Стб.
- 79.
- ²⁸ Там же. — Стб. 91.
- ²⁹ Там же. — Стб. 95.
- ³⁰ Там же. — Стб. 96.
- ³¹ Там же. — Стб. 95.
- ³² Сахаров Н. Боярин Матвеев // Русская мысль. — 1901. — Кн. 8—9. — С. 5.
- ³³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 9. — СПб., 1863. — Стб. 296—297.
- ³⁴ Там же. — Стб. 232.
- ³⁵ Там же. — Т. 8. — Стб. 147.
- ³⁶ Там же. — Стб. 188, 206.
- ³⁷ История о невинном заточении... — С. 66.
- ³⁸ Там же. — С. 61.
- ³⁹ Там же. — С. 63—65.
- ⁴⁰ Там же. — С. 66.
- ⁴¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 9. — Стб. 699.
- ⁴² Щепотьев Л. Ближний боярин А. С. Матвеев... — С. 121.
- ⁴³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 9. — Стб. 623—
- 624.
- ⁴⁴ Там же. — Стб. 843.
- ⁴⁵ Там же. — Стб. 443.
- ⁴⁶ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. — Ч. 4. — М., 1894. — С. 13.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — Ч. 1. — Л., 1933. — С. 337.
- ⁴⁹ Дворцовые разряды. — Т. III. — Стб. 1378.
- ⁵⁰ История о невинном заточении... — С. 125.
- ⁵¹ Там же. — С. 11.
- ⁵² Там же. — С. 4.
- ⁵³ Там же. — С. 5.
- ⁵⁴ Там же. — С. 374.
- ⁵⁵ Там же. — С. 411, 414.
- ⁵⁶ Там же. — С. 425.

Василий Васильевич Голицын

¹ См. Буганов В. И. «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории. — 1971. — № 10. — С. 144—156. Здесь же рассмотрены мнения историков о В. В. Голицыне.

² Библиотека, дом и все имущество В. В. Голицына подробно описаны: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. — Т. 4. — СПб., 1893.

³ Этот девиз входил, в частности, в проект интерьера новых каменных палат князей Трубецких, разработанный выдающимся русским поэтом и просветителем Карионом

Истоминим. См. Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Чудовское собрание. — № 100/302. — Л. 161—161 об.

⁴ Часть их писем сохранилась. См. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. — М., 1968. — № 2. — С. 16—21 (сравни № 4, 5, 11); Грамотки XVII — начала XVIII в. — М., 1968. — № 44, 247, 249, 252, 255, 258, 269—271, 277, 278, 280, 281, 284.

⁶ См. Шляпкин И. А. История русского театра при царе Алексее Михайловиче // ЖМНП. — Кн. 346. — 1903; Московский театр...; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века (Литературные панегирики) / Сост. А. П. Богданов. — М., 1983. — Вып. 1—2.

⁶ См. Богданов А. П. Сильвестр Медведев // Вопросы истории. — 1988. — № 2. — С. 84—98.

⁷ Переписку В. В. Голицына см. ДАИ. — Т. XI. — С. 74—77, 228, 229, 238—240, 244, 266; Т. XII. — С. 62, 197—202, 218, 219, 239—241, 307, 308; Временник МОИДР. — Кн. IV. — М., 1850. — С. 65—66; Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. — М., 1976. — № 40—48 (далее: Восстание в Москве 1682 г.).

⁸ См. Загоровский В. П. Изюмская черта. — Воронеж, 1980. — С. 7, 76—86.

⁹ См. Соловьев С. М. История... — Кн. IV — С. 449—498.

¹⁰ См. Загоровский В. П. Указ. соч. — С. 82—85.

¹¹ Военная сторона Чигиринских походов основательно изучена С. М. Соловьевым (История... — Кн. VI) и Я. Е. Водарским (Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. — М., 1955. — С. 518—531).

¹² Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона // ЧОИДР. — М., 1892. — Кн. 3—4 (162—163).

¹³ Восстание в Москве 1682 г. — С. 37,

¹⁴ См. Браудо А. И. (сост.). Записки Невилля о Московии 1689 г. // Русская старина. — М., 1891. — Т. 71. — № 9. — С. 419—450; № II. — С. 241—281.

¹⁵ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI — XVII вв. — М. 1978. — С. 346—355. Документы о военной реформе и отмене местничества цитируются по этой монографии.

¹⁶ См. Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники, 1680 г. — М., 1981. — С. 197—206.

¹⁷ Цит. по Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ЧОИДР. — Кн. 4. — М., 1894. — С. 47.

¹⁸ Там же. — С. 58, 119.

¹⁹ См. Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. — М., 1969.

²⁰ О переменах в администрации см. Богоявленский С. К. Хованщина // Исторические записки. — М.—Л., 1940. — Т. 10. — С. 180—221; Его же. Приказные судьи XVII века. — М.—Л., 1946. См. ЦГАДА. — Ф. 79 — Оп. 1. — Ч. 5. — Стб. 1682 г. — № 12. Там же. — № 8. См. также Соловьев С. М. История... См. Богданов А. П., Возгрин В. Е. (сост.). Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. — 1986. — № 3. — С. 79.

²⁴ См. Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. — М., 1988. — С. 120—133.

²⁵ Цит. по Соловьев С. М. История... — Кн. VII. — С. 372.

²⁶ О переговорах, оценке «Вечного мира» современниками и его ратификации см. Никольский В. К. Земский собор о «Вечном мире» с Польшей 1683—1684 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. — М., 1928. — Вып. 2; Греков И. Б. «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. — М., 1951. — № 2. — С. 85—98.

²⁷ См. ГБЛ. — Ф. 29. — Собрание И. Д. Беляева. — № 104/1631. — Д. 7 А—Б; Лермонтова Е. Д. (сост.). Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам // Русская старина. — 1912. — Февр. — С. 436—438.

²⁸ О переговорах относительно киевской митрополии см. Соловьев С. М. История... — Кн. VII. — С. 373—389; Цветаев Д. М. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. — М., 1884. — С. 214—236; Лебедев А. Poleмические сочинения XVII века против лютеран // ЧОИДР. — Кн. 3. — М., 1884. — С. 1—32; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. — Изд. 2-е. — Сергиев-Посад, 1914. — С. 460—467.

²⁹ Рассказ о работе Посольского приказа при В. В. Голицыне основан на документах приказного архива, хранящихся ныне в нескольких десятках фондов ЦГАДА,

³⁰ Записки иностранцев цит. по Браудо А. И, Указ. соч. — С. 430—431, 441, 444; Лаптева И. П. (сост.). Шлейссингер Г. А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Иоанна и Петра Алексеевича // Вопросы истории. — 1970. — № 1; Брикнер А. Г. (сост.). Современные отзывы о Голицыне и Крымских походах // ЖМНП. — 1879. — № 8; Мыльников А. С., Копелевич Ю. Е. (сост.). Давид И. Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. — 1968. — № 1, 3, 4; Кемпфер Э. Дневник // Аделунг Ф. барон Майерберг и его путешествие по России. — СПб., 1827. — С. 321—372; Гордон П. Дневник // Русская старина. — СПб., 1891. — № 9, 11; Висковатов К. А. Письма шведского посланника в Москве Христофора Кохена // Русская старина. — СПб. 1878. — № 8; Форстен Г. В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. — 1904. — № 11.

³¹ Дзира Я. И. (сост.) Літопіс Самовидця. — Київ, 1971. — С. 166 (далее: Літопіс Самовидця); ЦГАДА. — Ф. 155 («Куранты»). — Оп. 1.

³² См. Соловьев С. М. История... — Кн. VII. — С. 374; Смирнов В. Д. Крымское ханство под главенством Оттоманской Порты. — М., 1887. — С. 620 и далее; Бабушкина Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. — Т. 33. — М., 1950; Богданов А. П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. — М., 1982. — С. 57—84; Памятники общественно-политической мысли... — № 12—13, 15—16; Востоков А. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. — Т. 29. — 1890. — Апрель—июнь. — С. 199—226; Літопіс Самовидця. — С. 175—176; ГБЛ. — Ф. 29. — Собрание И. Д. Беляева. — № 66. — Л. 125—127; Турция накануне и после Полтавской баталии (глазами австрийского дипломата). — М., 1977. — С. 39—40, 47—48, 50, 53, 56, 64—65, 80; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. — М., 1954 и др.

³³ Подробнее см. Востоков А. Х. Пребывание князей Голицыных в Мезени // Исторический вестник. — 1886. — № 3.

³⁴ Второв Н. И., Александров-Дольник К. О. Воронежские акты. — Кн. 1. — Воронеж, 1850. — С. 80—91; Розыскные дела... — Т. II. — С. 189.

³⁵ См. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. — М.—Л., 1962. — С. 56—57, 60—73.

Монография
Коллектив авторов
«Око всей великой России»
Об истории русской
дипломатической службы
в XVI—XVII веках

Редактор *Е. Б. Аузан*

Оформление художника *А. Я. Михайлова*
Художественный редактор *С. С. Водчиц*
Технический редактор *Т. С. Орешкова*
Корректор *А. В. Федина*

ИБ № 1410

Сдано в набор 08.02.89. Подписано в печать 06.06.89. А 03347. Формат 84 X 108 1/32.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отг.
14,92.

Уч.-изд. л. 15,62. Тираж 50 000 экз. Заказ № 107. Цена 1 р. Изд. № 25-И/87.

Издательство «Международные отношения» 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20
Ярославский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР. 150014, Ярославль, ул. Свободы,
97.